



4
1968

**УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫМ**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ



- Приключения и фантастика
- Рассказы бывалых людей
- Мечты современников
- Занимательное краеведение
- Следопытские дела
- Дает адреса романтикам
- О подвигах, о доблести, о славе



ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ



ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

28 апреля — день рождения «Уральского следопыта». В этот день мы присуждаем приз журнала лучшему следопытскому отряду. Так определено в положении о конкурсе, который был объявлен в первом номере журнала в 1967 году.

И вот этот день наступил. Кто же оказался победителем?

В конкурсе «На приз нашего журнала» участвовали следопыты самых разных уголков Советского Союза. Мы получили интересные материалы с Украины и Омска, из Одессы и Кировской области, из Челябинска и Казани, из Удмуртии и Башкирии, из Свердловской и Челябинской областей.

Темы следопытских поисков разнообразны: пятидесятилетие Октября, героика гражданской и Великой Отечественной войн, охрана природы, история родного края, геологические и археологические открытия, интернациональная дружба.

Мы опубликовали девять наиболее интересных и ярко написанных работ. Лучшей из них редколлегия журнала признала очерк «Легенда о танкистах», присланный членами клуба «Поиск» города Вольнянска Запорожской области. Три года ребята восстанавливали одну из самых легендарных страниц Великой Отечественной войны — прорыв в тыл врага 25-го танкового корпуса под командованием генерал-майора П. П. Павлова и собрали большой и интереснейший материал. Отряду следопытов Украины и присужден приз «Уральского следопыта».

Редколлегия журнала отметила интересную работу ирбитских следопытов (Свердловская область), которые по заданию охотоведов исследовали свой район и определили места для расселения бобров; следопытов школы имени Н. К. Крупской города Юрюзани Челябинской области, рассказавших об интернациональной дружбе русских, венгерских и чешских солдат в годы гражданской войны.

Оба эти отряда следопытов награждаются памятными подарками.

Конкурс «На приз нашего журнала» продолжается.

Что мы ждем от вас, ребята? Рассказов о поисках, сообщений о новых находках и открытиях. Это может быть и очерк о походе, о встречах и впечатлениях, о том, что было сделано полезного на выбранном маршруте. Это может быть и коротенькая заметка об открытом месторождении полезных ископаемых, об интересной археологической находке, об обнаруженных редких исторических документах и фотографиях. Порой такая коротенькая заметка бывает ценнее многих исписанных страниц.

Мы ждем отрывки из дневников, копии документов и фотографий, отзывы о том, как оценена ваша работа хозяйственными, научными и общественными организациями.

И не забудьте о главном: только тот материал участвует в конкурсе, который получил право быть опубликованным на страницах нашего журнала.

Сейчас следопытов в нашей стране — миллионный отряд. Их не надо учить, куда идти, что искать. Но в редакции еще приходят письма, в которых ребята спрашивают: как провести лето? Как выбрать маршрут? Как сделать поход полезным и интересным?

Мы отвечаем этим ребятам. Оглянитесь внимательней вокруг себя. Может быть, в вашей защите нуждаются кедровые рощи и дубравы, реки и озера, сады и парки, живописные скалы и подземные дворцы-пещеры!

Если вас интересует геология, попросите задание в геологическом управлении или геологической партии.

Если вы хотите изучать историю своего края, посоветуйтесь с работниками краеведческих музеев.

Не стесняйтесь обращаться к ученым, старожилам, в горкомы и райкомы комсомола. Везде вам помогут выбрать тему для поиска.

Больше творчества! Больше самостоятельности! Доброго вам пути, следопыты!



ТАКОГО ОНИ НИКОГДА

1. Недавно в Советском Союзе вышла книга бывшего полковника 6-й немецкой армии Вильгельма Адама «Трудное решение». В ней приводятся строки из донесения командира 14-го танкового корпуса генерала фон Виттерсгейма:

«На поле боя лежат убитые рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая оконеченными руками винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рычагами разбитого танка. Подобного мы никогда не видели».

Донесение было написано на подступах к Сталинграду в конце августа 1942 года.

2. Начальник испытательно-сдаточного цеха Николай Николаевич Мальков поднялся в свой кабинет. В окно ему видна дорога, по которой боевые машины идут из цеха на полигон. По ней пылят две «тридцатьчетверки». В синем-синем августовском небе повисла «рама». Скоро будет налет. Какой же сегодня день? Стал отрывать один за другим календарные листки. 23 августа 1942 года.

«Если бы не война, сегодня был бы выходной день...»

Сталинградский тракторный бомбили не часто. По всему чувствовалось, что берегли его фашисты для себя. Еще бы: завод на полном ходу, гонит такие машины! Но в этот день, 23 августа, бомбежка была свирепая. «Юнкерсы» шли волна за волной. Запылали дома, рухнула стена цеха. И все же завод работал. В назначенное время отправилась за речку Мечетку группа новеньких «тридцатьчетверок» — на ходовые испытания. На машинах еще стояли фальшбашни: только после про-

верки двигателей и ходовой части будут установлены настоящие башни с вооружением.

За рычагами сидели Александр Филатов, Иван Головин и другие опытейшие водители. Они вели свои машины по привычным, пройденным много раз колеям заводского полигона. Позади клубилась пыль. Ровно гудели двигатели. И вдруг — частые, гулкие удары по броне. Неужели пулеметный обстрел? Но ведь немцы еще далеко! А если это десант или разведка? Еще немного, и ливень свинца обрушится на броню...

Тревожная весть, которую привезли испытатели, вскоре подтвердилась. Из райкома партии и военкомата сообщили, что в непосредственной близости от города появились танки противника. Они высадили десант. Почти не встречая сопротивления, немцы идут от Орловки в сторону тракторного.

— Паники не было, — вспоминают теперь участники событий. Многие рабочие еще раньше записались в народное ополчение, и теперь посыльные спешно вызывали ополченцев из цехов на сборный пункт. Открывались оружейные склады, и оттуда выносили танковые пулеметы. Рабочие-вооруженцы тут же взялись их пристрелять. Весь день и следующую за ним ночь в заводском тире не умолкала стрельба. Да, было беспокойно, но паники не было...

И вот на заводском дворе выстроились, как на параде, боевые машины. Некоторые танки пришли сюда прямо со сборки, другие, обстрелянные и обкатанные еще накануне, задерживались в заводских стенах придирчивыми военпредами из-за мелких недоделок. Но кто по-

НЕ ВИДЕЛИ

ведет эти машины в бой? Где механики-водители, командиры машин, башнеры? Добровольцев оказалось гораздо больше, чем машин. Как только рабочим объявили, что надо пойти в бой, все бросились к танкам. Механики надевали комбинезоны и танкошлемы. Кое-кто облачился в солдатские гимнастерки. Но большинство так и осталось в рабочих костюмах. Заправили машины горючим и маслом, загрузили боеприпасы.

Вскоре из заводских ворот вытянулась колонна «тридцатьчетверок». Танки двинулись по знакомым местам — по улице Зеленой, вдоль рощи, мимо кинотеатра «Ударник». Спустились в ложину, по которой протекала неширокая Мечетка.

Там, за речкой, был фронт.

3. Год тому назад на Уралмаш пришло письмо от генерала Грекова. Генерал сообщал в нем, что работает над книгой воспоминаний, и просил установить фамилии бывших рабочих, инженеров и техников Сталинградского тракторного завода, активных участников обороны волжской твердыни, которые, по его данным, живут теперь в Свердловске.

Это письмо и помогло нам познакомиться со многими сталинградцами-тракторостроителями, которые волею военной судьбы стали свердловчанами.

Мы встретились с Леонидом Лисиним и Степаном Селиверстовым, которые в тот день, 23 августа 1942 года, пристреливали на Сталинградском тракторном заводе танковые пулеметы. С Александром Филатовым, Александром Семенько, Михаилом Сафоновым, Тойвием Кнеллером,

Григорием Ткаченко, Николаем Пермяковым, Иваном Головиным и Арсентием Стаценко, которые в августе сорок второго участвовали в обороне тракторного.

Об одном из них хочется рассказать подробнее.

...Невысокого роста, плотный, подвижный, с улыбчивым лицом. «Пермячок», — называют его три с лишним десятка лет.

В начале тридцатых годов деревенский парень Николай Пермяков пришел на строительство Уралмаша. Два года слесарил, потом — армия. Танковая часть в Белоруссии. Командиром его батальона был коммунист Поль Матисович Арман, в годы Октября принимавший активное участие в революционном движении Латвии.

Молодой уралец и закаленный в боях революционер нередко оказывались в одном танке: Николай на своем «Т-26» преодолевал сложные препятствия, а майор одобрительно кивал:

— Молодец, Пермячок, молодец!

Николай стал старшим механиком-водителем. Он отлично управлял боевой машиной на больших маневрах.

Прошло немного времени, и вот майор Арман и Николай Пермяков оказались снова рядом — на раскаленной солнцем земле сражающейся Испании.

Теперь это история, об этом написаны статьи и повести, поэмы и песни. Но для пятидесятилетнего уралмашевца это — живые события, которые он помнит в деталях.

Вот он — инструктор в военном лагере. Руки на рычагах «Т-26». Вокруг иностранная речь. Не хватает слов, чтобы объяснить испанцам, французам, немцам, итальянцам, как надо переключать пере-

дачу, осматривать и заправлять машину. Он объясняется с ними «на пальцах». Через полтора месяца добровольцы, объединенные в танковую бригаду, пошли в бой. В экипаже танка, который вел Пермяков, были еще француз и испанец. Они запомнили ласковое прозвище уральца, услышанное от майора Армана. «Пермячок», — мягко повторяли танкисты.

И был Мадридский участок фронта. Длинные ночные марши, горячие схватки с фашистами — испанскими, немецкими, итальянскими.

Ударом снаряда снесло башню. Погиб командир. Пермяков принял другой танк и снова ринулся в бой. «Давай, Пермячок, давай!» Бригада билась под Гвадалахарой, сдерживая натиск итальянских чернорубашечников.

Орден Красного Знамени — память тех мужественных дней.

Николай был тяжело контужен. Отлежался. Первое время водил легковую машину, а после снова вернулся на передовую и покинул Испанию в числе последних русских добровольцев. Во Франции был интернирован, брошен в застенки. Двадцать дней длилось заключение. Его допрашивали, били плетью, допытывались: где служил? Состав части? Вооружение? Техника? «Пермячок» молчал. И лишь в конце 1937 года ему удалось вернуться на Родину.

День 23 августа сорок второго года он встретил в должности старшего техника Сталинградского тракторного.

4...Николай Андреевич берет карандаш и на листке бумаги набрасывает схему памятного боя на окраине Сталинграда.

Вот квадраты заводских цехов. Улицы поселка. По ним прошла танковая колонна.

— Подожди-ка, — говорит склонившийся над схемой Иван Васильевич Головин. — Вот здесь мы укрывали танки, пережидали бомбежку...

— А мою машину оставили в засаде, — добавляет Александр Алексеевич Филатов.

Тянется карандашная линия — путь «тридцатьчетверок». Подходит она к извилистым штрихам — два рукава речки Мечетки — Сухая и Мокрая. Протоки, сливаясь в один, текут в Волгу.

— В вечерней темноте танки вброд перешли речку, — чертит свою схему Николай Андреевич, — и развернулись полукольцом — от берега Волги до аэродрома. Машина от машины метрах в двух-трехстах.

Только поставили танки — сразу за работу. Взяли в руки лопаты и принялись рыть укрытие для «тридцатьчетверок». А грунт тяжелый, неподатливый. Все же к утру ушли в землю по самую башню. Стволы орудий повернули в сторону Орловки, откуда доносились выстрелы.

— В танках все свои, — продолжает Николай Андреевич. — Помню, механиками-водителями были Петр Калинин, Степан Яицкий и еще ребята со сдаточного участка. Были и испытатели, вооруженцы, сборщики. Командиром роты назначили офицера танкового подразделения, которое принимало в ту пору у нас готовую продукцию. Взводами командовали заводские военпреды...

Впереди лежала открытая степь, кое-где перерезанная балками. Видно далеко окрест. Даже в темноте различались контуры танковых башен. В промежутках между танками заняли позиции ополченцы, вооруженные винтовками и танковыми пулеметами, установленными на сошках. Пехотинцы окапывались, зарывались поглубже.

Наступило утро 24 августа.

Дул сухой степной ветер, гнал песчаную пыль. Солнце калило броню. Утомленные ночной работой, перекидавшие тонны земли, замерли в танках рабочие. Пермяков вместе с командиром роты проверил готовность. Как будто все в порядке. Ребята настороже, зорко поглядывают на запад, в сторону Орловки. Оттуда доносится пальба. Она все гуще. Немцы вот-вот пойдут в атаку.

Знает Николай Пермяков, как тяжелы эти минуты ожидания, как труден и страшен первый танковый бой. Как бы не сплеховали рабочие...

Кто-то крикнул:

— Идут!

И, как эхо, отозвалось повторенное несколькими голосами:

— Идут!..

Из-за отлогого холма вынырнули фашистские танки. Немцы знали свое дело. На большой скорости танки спустились в балку, укрываясь от огня. За ними густо двинулась пехота.

В окопах зашевелились ополченцы, пристраивались удобнее, ловили в прицелы еще далекие черные фигурки фашистских пехотинцев. Где же выйдут танки? Балка широкая, разветвляется на рукава.

Пермяков перекинулся с ротным: как бы ребята не открыли раньше времени огонь.

Но вот два немецких танка вышли из балки.

— Огонь!

Грянул первый залп. Мимо. Танки идут. С бешеной быстротой рабочие перезарядили орудия. И снова:

— Огонь!

Второй залп был точен. Сначала остановился и задымил один танк, а следом — другой. Не прошел и третий немецкий танк. Только над линией балки показалась его башня, как ее прошил пущенный рабочими снаряд.

Немецкая пехота залегла. Но ненадолго. Через полчаса автоматчики короткими перебежками стали выдвигаться вперед. Они открыли огонь, ожидая ответных выстрелов. Нащупывали наши огневые точки.

Но когда фашисты приблизились, разом загремели наши танковые пушки. Загрохотали две с лишним сотни пулеметов.

Откатились немцы, на поле оставили убитых.

В тот день они предприняли еще несколько попыток прорваться к тракторному, но рабочие отражали каждую их атаку.

Минула ночь. Двадцать пятого августа на рассвете над нашими позициями появилась «рама». Вот уж действительно мерзкий самолет: прилетит — вскоре жди беды. Немцы подтянули артиллерию. Огонь по наступающей цепи автоматчиков пришлось вести под артиллерийским обстрелом. «Рама» привела за собой и пикирующие бомбардировщики. Взметнулись в небо серо-черные столбы разрывов. Дым и пыль окутали окопы.

В этот день, двадцать пятого августа, трижды пришлось перемещать танки на новые позиции. А утром двадцать шестого фашистские атаки возобновились.

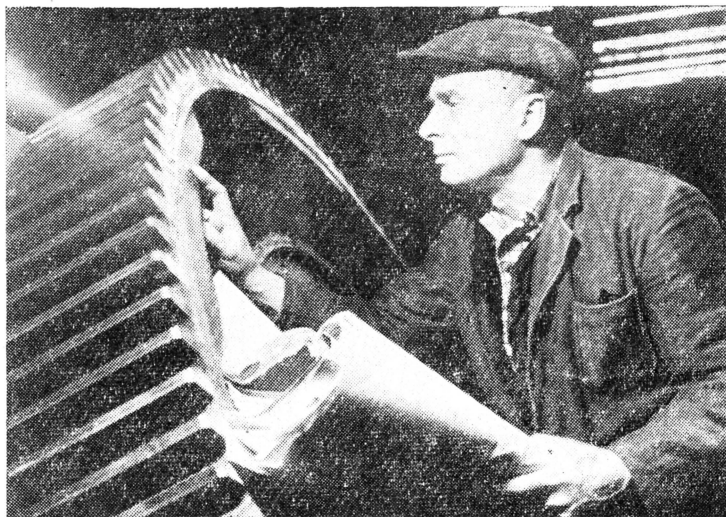
В нескольких километрах от завода кипел яростный бой, а тракторный продолжал работать. Лишь немногие семьи рабочих завода к тому времени были эвакуированы в тыл. В самом начале боев группа женщин и детей переправилась через Волгу и расположилась в палатках у Средней Ахтубы. Была среди них и молодая жена Михаила Петровича Сафонова, старшего мастера участка вооружения, — Антонина. Антонина Харитоновна вспоминает:

— Прожили мы на Ахтубе несколько дней. Сердце болит. За своих беспокойно. И пошли мы вдвоем с подружкой назад, в заводской поселок. Переправились через рукава Волги катером, а там — по понтонному мосту. Бомбили фашисты. Жутко было, но добрались. Смотрим, работает завод! И под обстрелом, под бомбежкой — работает!

В это время сошедшие с конвейера танки испытывали у цеха на плацу. Пушки пристреливали тут же — огонь вели в сторону фашистских позиций.

...А схватка у речки Мечетки продолжалась. 26 августа около 10 утра танкостроители отбили еще одну вражескую атаку, сопровождавшуюся артиллерийским обстрелом.

Часам к двум дня — новый арналет и атака. Таяли ряды ополченцев. Но к вече-



Мастер баббито-заливочных работ А. С. Стаценко.



Заместитель начальника цеха М. П. Сафонов, контрольный мастер С. Р. Селиверстов и слесарь Н. Н. Филатов.

ру из-за Волги стали подтягиваться регулярные части Красной Армии. Пришли пехотинцы, артиллеристы. Кадровые танкисты сменяли рабочих. Рабочие покидали поле боя. Их ждал завод: фронт требовал танков больше и больше.

Фашисты были остановлены у стен тракторного, и завод продолжал выпускать танки до конца сентября 1942 года.

5. Танкостроители с болью в сердце покидали Сталинград.

Ночью, погружаясь в вагоны, они молча смотрели на завод, в сторону родного города. И молча плакали.

По-братски встретил Уралмаш сталинградцев.

Они выглядели, как боевое подразделение. Оказалось, что Уралмаш тоже де-

лает танки, и здесь позарез нужны были руки опытных танкостроителей.

...Цех сборки крупных узлов. Арсентий Семенович Стаценко идет по пролету. Над ним, звеня, проезжают мостовые краны, несут детали. Из этих деталей рабочие руки соберут уникальнейшие машины, которые будут помогать людям строить здания или бурить нефть, или плавить чугун...

Арсентий Семенович — мастер баббито-заливочных работ. Коллектив, которым он руководит, борется за почетное звание участка коммунистического труда.

Люди, о которых мы рассказали, не думали тогда, что они совершили подвиг. Они считали, что все четыре года войны просто выполняли свой долг.

С. ЮРЬЕВ.



ПИСЬМО ЛЕНИНА

Конверт был из плотной бумаги. На нем четко выделялись отпечатанные в типографии слова: «Центральный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС». И когда ребята вскрыли его, радости их не было границ.

Но все по порядку. В небольшом городе Далматово, что в Курганской области, есть отряд следопытов. Это они создали здесь интересный краеведческий музей.

Однажды командир отряда, учительница Зоя Ивановна Матвеева, принесла ребятам томик

писем Владимира Ильича. В нем был и список тех, которые считаются утерянными. Среди них значилось и письмо Маргарите Павловне Поповой.

...В 1919 году Маргарита Павловна организовала в Далматово первые партийную и комсомольскую ячейки. Потом она переехала в Шадринск и здесь увидела, как некоторые местные руководители злоупотребляют властью, нарушают законы молодой Советской республики. Когда Попова убедилась, что прекратить это не в ее силах, она написала Председа-

телю Совнаркома. Ленин ответил очень быстро, сообщив, что для расследования фактов создана специальная комиссия. В то время Владимиру Ильичу нездоровилось. Письмо под его диктовку писала секретарь Совнаркома Лидия Александровна Фотиева. Потом оно затерялось. Следопыты начали поиск, который привел их в Москву, к Маргарите Павловне Поповой. Письмо сохранилось. Маргарита Павловна прислала ребятам фотокопию. А следом почта доставила и тот конверт, о котором говорилось вначале. Со-

трудники института благодарили далматовцев за помощь:

«Центральный партийный архив Института марксизма - ленинизма при ЦК КПСС получил ваше письмо от 6 ноября с. г. Мы были ему очень рады: ведь в первый раз юным следопытам удалось отыскать письмо, которое было отправлено 45 лет назад из секретариата В. И. Ленина и по его поручению. До сих пор ни одному отряду следопытов не удавалось найти ни подлинного письма В. И. Ленина, ни писем, отправленных от его имени».

Б. ВОЛОДИН

НАША ШКОЛА ОСОБЕННАЯ

Она основана в селе Жадовка Барышского района Ульяновской области отцом В. И. Ленина выдающимся педагогом И. Н. Ульяновым.

Два года назад мы начали готовиться к 50-летию Советской власти и к 85-летию со дня основания школы. Мы стали изучать историю родного села, историю революционного движения в районе. Встречались с участниками революции 1905 года.

Следопыты получили документы из Центрального Государственного архива древних актов СССР. В одном из них рассказывается:

«В середине XVIII века село было разделено между 22-мя помещиками. Это были мелкопоместные дворяне, которые жестоко эксплуа-

тировали местных крепостных крестьян. Жадовка по тогдашнему описанию представляла собой небольшое селение с деревянной церковью, полуразвалившимися избами, подпертыми жердями, в окнах зияли бычьи пузыри. Крайнее разорение всем бросалось в глаза, кто проезжал тогда по казачьей дороге. Крестьяне бунтовали, бежали от своих притеснителей, но их ловили царские сыщики и возвращали прежним владельцам».

У нас есть документы и фотографии, рассказывающие о крупнейших забастовках Гурьевского фабричного района в 1906 году. В них участвовали и жители Жадовки, работавшие на суконной фабрике Протопопова.

Многие следопыты нашей школы увлекаются коллекционированием. У братьев Сударевых более 250 медалей и монет. Среди них редкий жетон с изображением Владимира Ильича Ленина и подписью: «От Красной Пресни». Этот жетон выбит в честь Третьего конгресса Коминтерна, на который съезжались деятели коммунистического и рабочего движения со всех стран мира. Его получил и председатель комитета бедноты коммунист Ф. В. Сорокин в июне 1921 года. Сам Сорокин в конгрессе не участвовал. Он ездил по крестьянским делам. Но потом был на встрече с делегатами конгресса и там ему вручили жетон.

Интересна и медаль «Первого симбирского пехотного полка», того самого, который был

сформирован из крестьян Симбирской губернии и принял на себя удар наполеоновских войск под Красным и Смоленском и участвовал в Бородинском сражении. За боевые успехи симбирцы получили серебряные знаки на кивера, боевое знамя и серебряные трубы для полкового оркестра.

Сейчас в школе создается музей истории села Жадовки. Среди экспонатов — выписки из жалованных грамот, копии документов о купле и продаже земли и крестьян, фотографии дореволюционной школы, первых учительских съездов, странички из марксистского журнала «Заря Поволжья», из газеты «Народные вести» за 1906 год.

**Следопыты
села Жадовка**



«ЧЕЛЯБИНСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ»

ПЕРВЫЙ том «Капитала» К. Маркса вышел в свет в сентябре 1867 года, а через пять лет — в 1872 году — был сделан первый перевод этой книги с немецкого языка на русский. Русское издание «Капитала» было разрешено цензурой: царские цензоры не поняли революционной сущности книги, приняв ее за сугубо научный экономический труд. «Капитал» начал быстро распространяться, проникая в самые отдаленные уголки России.

В 70-е и 80-е годы «Капитал» был уже хорошо известен революционерам Урала.

Летом 1883 года в Челябинске, тогдашнем уездном городе Оренбургской губернии, вышла небольшая книжка под названием «Систематический указатель лучших книг и журнальных статей». Этот обычный, на первый взгляд, библиографический указатель рекомендовал для чтения только революционную, прогрессивную литературу — произведения русских писателей-демократов, сочинения о революциях всех стран и народов. Раздел «Политэкономия» открывался «Капиталом» К. Маркса и первыми русскими работами по марксизму.

Почти весь тираж «Указателя» — 1500 экземпляров — был распространен на Урале, в Петербурге, Москве, Казани и других городах. Революционная направленность «Указателя» была настолько очевидна, что вскоре же после его выхода Департамент полиции начал дознание.

Челябинский старожил М. А. Протасов вспоминает:

«После издания «Систематического указателя» в библиотеке был произведен полицейей отбор почти всех книг, значащихся в этом указателе, которые были изъяты, опечатаны в сундуках и оставлены на хранение в той же библиотеке, но при целых обязательствах и печатях с годами большая часть их изъята кем-то.

«Челябинский указатель» в истории русского революционного движения и распространения марксизма сыграл значительную роль. Им пользовались участники первых марксистских кружков и групп в России — Федосеева, Благоева, Точисского, Бруснева. Есть сведения, что «Челябинский указатель» имелся также и в самарских кружках, организованных В. И. Лениным. Экземпляр «Указателя» с авторграфом А. М. Горького, попавший в руки жандармов, был причиной привлечения писателя к первому полицейскому дознанию. Один из участников федосеевского кружка писал, что на чтении литературы по «Челябинскому указателю» воспиталось не одно поколение русских революционеров.

Советскому библиографу Н. В. Здобнову удалось установить, что над составлением «Указателя» работали участники революционного кружка, организованного в 1877 году в Троицкой гимназии. А затем выпускник гимназии, челябинец Н. М. Зобнин издал его в качестве каталога част-

но-публичной библиотеки челябинского богача-либерала В. К. Покровского.

«Систематический указатель» стал величайшей библиографической редкостью. На Урале, насколько нам известно, нет ни одного экземпляра — ни в государственных хранилищах, ни в частных собраниях книголюбов. И лишь в центральных библиотеках страны сохранились считанные экземпляры этой замечательной книги.

И еще один эпизод из истории распространения «Капитала» на Урале.

В 1889 году, отбив ссылку на Севере за организацию знаменитой стачки ткачей в Орехово-Зуеве, известный русский революционер Петр Анисимович Моисеенко избрал местом своего жительства Челябинск. Но приезд в Челябинск известного на всю Россию рабочего-бунтаря пришелся не по душе местным полицейским властям. У П. А. Моисеенко и ссыльного народо-вольца М. Ю. Гофмана, приютившего Петра Анисимовича и его семью, жандармы произвели обыск. В сундучке П. А. Моисеенко жандармский офицер обнаружил «Первый том Маркса», то есть «Капитал», а среди книг М. Ю. Гофмана — два экземпляра известного уже нам «Челябинского указателя». И хотя «Капитал» был разрешен к изданию цензурой и по этой причине не мог считаться запрещенной книгой, П. А. Моисеенко был выслан по этапу из Челябинска на родину, в Смоленскую губернию.

Б. УТКИН



На греческой монете, выпущенной около 2500 лет назад в городе Сиде, изображен человеческий глаз, в поле зрения которого — дельфин.

Что же приметил человек за этими животными в седые от древности времена?

«Где-то есть земля Дельфиния и город Кенгуру», — утверждает в романтическом стихотворении современной поэтессы Новеллы Матвеевой. Не знаем, как насчет города Кенгуру, но Дельфиния существовала давным-давно и вновь открыта теперь. Эта «история с географией» настолько интересна, что на ней, пожалуй, следует остановиться подробнее.

* * *

В наши дни естествоведы обратили внимание на необычайную привязанность дельфинов к людям. Поэтому некоторые зарубежные ученые, в чрезмерном увлечении, даже прозвали дельфинов «замечательными людьми моря».

Однако не они первые. Еще древние греки и римляне называли дельфина человеком и отразили это мнение в своих скульптурах, на монетах и вазах.

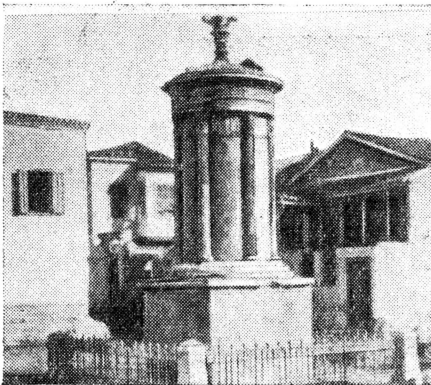


рис. 1.

...На одной из улиц Афин стоит неплохо сохранившийся любопытный памятник. Он был поставлен в 330 году до нашей эры — по случаю успехов некоего певческого хора на состязаниях в городском театре (рис. 1).

На скульптурных украшениях памятника изображен эпизод из бурной биографии бога Диониса, по преданию, бывшего основателем театраль-

Координаты

ных зрелищ. На Диониса как-то напали пираты, разбойникам крепко досталось от спутников бога, а сам он, разгневавшись, превратил негодяев в добрейших дельфинов.

Это событие отразил в своих стихах и поэт Оппиан:

Были дельфины когда-то людьми, города населяли
С прочими смертными вместе. Но дал Дионис
им веленье
Сушу сменить на пучину и в животных навек
превратиться.

Дельфинии

Только по виду. Душу иную они сохранили,
Разум остался у них и с людьми они сходны в
поступках.

Ученый Аристотель говорил, что рыбаки часто толкуют между собой о проявлениях дельфинами своего доброго характера. Однажды, например, видели, как плыли самец и самка, поддерживая спинами мертвого детеныша и не давая ему погрузиться в волны.

Греки и римляне еще не могли научно объяснить так называемый «инстинкт сохранения био-

известны

логического вида». Этот инстинкт исключительно развит у дельфинов: они выталкивают на поверхность воды больное или ослабевшее животное, тем самым вызывая у него дыхание принудительно. Движимые инстинктом, дельфины приходят на помощь и человеку, которого они принимают за сородича.





Рис. 2.

В воспоминание о якобы случившемся коринфяне соорудили на берегу красивый памятник, изображающий животное с малышом на спине. Этот памятник тоже вычеканили на деньгах (рис. 2).

Но с дельфинами связывали имя не одного Диониса.

Как-то Аполлон, которого считали в древности покровителем искусства, увидел в море терпящий бедствие корабль. Бог принял образ дельфина, направил судно к берегу и, «отрекомендовавшись», повелел: отныне почитать его под именем Дельфиния, а местность называть соответственно — Дельфами.

Так объясняли греки название одного из своих городов, «страны Дельфинии», а самих дельфинов причислили к Аполлону потому, что уже тогда было подмечено пристрастие этих животных к слушанию музыки и пения. Рисунок на древней вазе демонстрирует нам «покровителя искусства» летящим над морем на троне-треножнике, играющим на кифаре и в сопровождении дельфинов. Такой рисунок дополняют изображения на монетах, «иллюстрировавших» в свое время вот какое сказание.

Матросы корабля, на котором однажды плыл Арион, решили ограбить и убить этого певца и музыканта, знаменитого во всей Греции. Арион испросил у них милость исполнить последнюю песню и, спев ее, бросился за борт, предпочитая погибнуть в волнах, а не от ножей. Однако внезапно появившийся дельфин спас несчастного и благополучно доставил его на берег.

С научной точки зрения дело заключалось здесь в проявлении у дельфинов все того же

инстинкта сохранения биологического вида, помноженного на необычайно острый их слух, благодаря которому прирученных животных учат теперь пению. Но Арион не мог, разумеется, дать такое объяснение своему спасению от гибели и до конца жизни был уверен, что его выручил сам Аполлон Дельфиний, который услышал проскальзавшую песню и звучную игру на лире. В Метимне же, родном городе певца, чеканили монеты с изображениями на лицевой стороне головы Аполлона, а на оборотной — дельфина с восседающим на нем Арионом (рис. 3).

Помимо легендарного и действительного «спасения на водах» древние источники сообщают и о других дружелюбных контактах дельфинов с людьми. Например, писатель Павсаний говорил, что на острове Пороселене он сам видел дельфина, который подплывал на зов одного юноши и катал его на себе — в благодарность за то, что тот вылечил его от ран.

У римского ученого Плиния Старшего интересен рассказ о том, как дельфин перевозил дружку парнишку через залив близ Неаполя — в школу и обратно.

Как бы резюмируя сведения о таких контактах, Плутарх писал в книге «Разум животных», что только дельфины любят человека так же, как и самих себя. «Они, — продолжал далее свою мысль писатель и ученый, — единственные существа, которые нашли великий философский принцип: дружба не за вознаграждение».

Это было сказано много веков тому назад, но и сегодня наблюдаются подобные случаи, когда дельфины резвятся вместе с купающимися людьми. Исследователи справедливо полагают, что

Рис. 3.

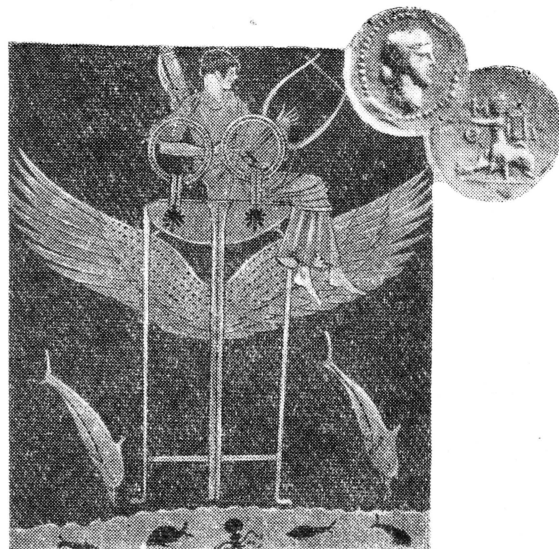




Рис. 4.

разгадка здесь кроется в высоком развитии центральной нервной системы у дельфинов, в особенности их головного мозга. В древности же дельфинью «дружбу не за вознаграждение» объясняли по-иному.

Греческие и римские монеты и статуи часто изображают владыку морей в сопровождении дельфина (рис. 4). Оказывается, только дельфин с его любвеобильным сердцем помог отыскать Посейдону спутницу жизни — нимфу Амфитриту, прекрасную обительницу вод.

Вот почему дельфинов причисляли, наконец, к тем божествам, которые, как верили люди, вселяли чувство любви. В отношении Афродиты это было тем легче сделать, что она, рожденная из волн, сама слыла морской богиней. А что ка-

сается ее сына Эроса, то, как свидетельствуют нам опять же статуи и монеты, дельфин был послушным другом озорного крылатого мальчишки... (рис. 5).

* * *

Давно ушли с исторической сцены древние греки и римляне, но их сведения о человеколюбивых дельфинах сохранились в бурном течении времен и оживают ныне в исследованиях ученых.

Учитывая большой интерес науки к дельфинам, промысел этих разумных животных прекращен в нашей стране. А совсем недавно, с весны 1967 года, старая Куракина дача — один из живописных ленинградских парков — передана красногалстучной пионерии и стала называться Дельфинией...

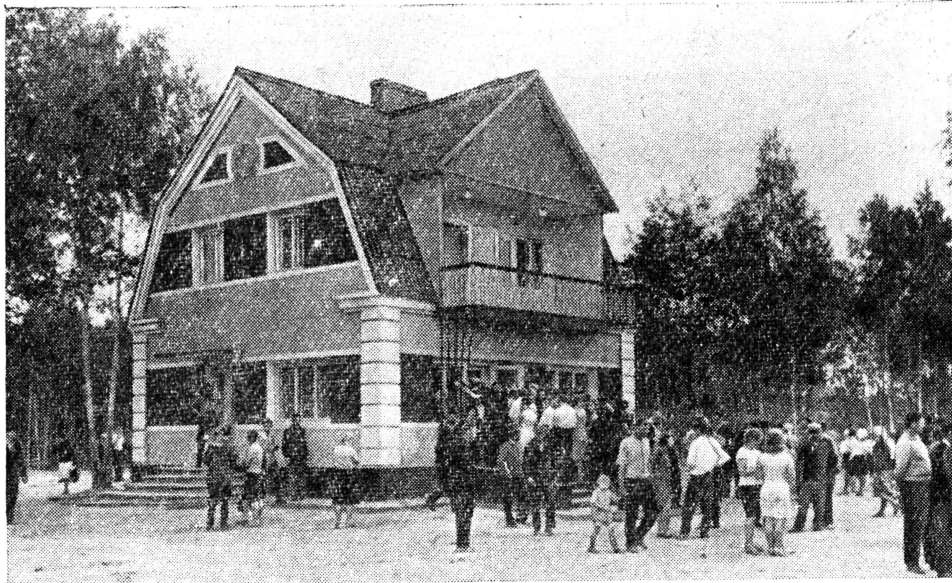
Итак, местонахождение земли Дельфинии известно.

Вл. БРАБИЧ,
старший научный сотрудник
Государственного Эрмитажа



Рис. 5.





МУЗЕЙ В ЦУМАНСКОМ ЛЕСУ

Цуманский лес. Здесь каждое дерево, каждый куст — живые свидетели героизма и стойкости советских партизан. Особенно знаменито урочище Лопатень. В 1943 году тут стоял отряд партизан-разведчиков под командованием полковника Дмитрия Николаевича Медведева.

В конце октября в Ровно состоялось секретное совещание гитлеровцев, на котором было принято решение о немедленной ликвидации партизанских отрядов и в первую очередь отряда Медведева, действовавшего в непосредственной близости от города. Карательную операцию назначили на 8 ноября, в расчете, что накануне у русских праздник и они не смогут на следующий день оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление. Об этом плане оккупантов стало известно разведчицам Лидии Лисовской и Николаю Ивановичу Кузнецову. Они-то и предупредили командование отряда.

В своей книге «Сильные духом» Д. Н. Медведев писал: «Часов в одиннадцать вечера, когда гости уже разъехались по своим отрядам, а концерт все еще продолжался, ко мне подошел Стехов. Я сидел в первом ряду «партера», устроенного из бревен. Стехов наклонился ко мне.

— Дмитрий Николаевич, на минутку!..

Я вышел.

— Только что прибежали разведчики из Берестян, — взволнованно заговорил Стехов. — Туда прибыла крупная карательная экспедиция с минометами и пушками. Ищут проводников, чтобы с утра идти на нас. Час назад я получил



сообщение, что и на станции Киверцы разгружается большой эшелон немцев.

Посоветовавшись со Стеховым, мы решили дать бой карателям.

Дождавшись конца очередного номера, я вышел на помост.

— Товарищи!— сказал я бойцам.— Получены сведения, что завтра с утра на нас пойдут каратели. Уходить не будем. Останемся верными своему принципу: сначала разбить врага, а потом уходить!

— Правильно!... Ура!— подхватили партизаны.

Спать улеглись в полной боевой готовности. Кругом лагеря выставили дополнительные посты...

Бой начался рано утром. Каратели, под прикрытием минометов и пулеметов, шли во весь рост.

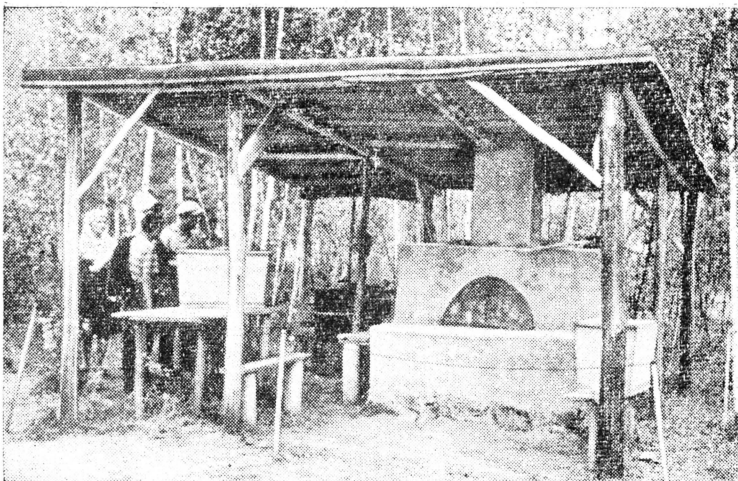
Подпустив их на расстояние автоматного огня, наши перешли в контратаку. Загremело партизанское «ура». Неравный бой продолжался весь день».

Успех боя обеспечила рота Семенова. Партизаны зашли в тыл противника, разделились на две группы и одновременно ударили по врагу. Захватили артиллерию и минометы, командный пункт и радиостанцию, через которую шло управление боем. Девятнадцать офицеров штаба, в том числе и сам командующий экспедицией генерал Пиппер, были убиты. Партизаны отбили обоз из ста двадцати повозок, груженных оружием, боеприпасами, снарядами, минами и обмундированием. Из захваченных штабных документов стало известно, что в бою с партизанами участвовало около двух с половиной тысяч фашистов. Шестьсот из них навсегда остались в Цуманском лесу. Так бесславно закончилась эта карательная экспедиция.

И вот спустя двадцать четыре года вновь ожил Цуманский лес. На месте, где базировался отряд Медведева, откуда легендарный разведчик Н. И. Кузнецов уходил, чтобы совершать беспримерные по дерзости и отваге акты возмездия над фашистскими оккупантами, 20 августа 1967 года торжественно открылся народный музей Партизанской Славы. В центре лагеря — памятник-обелиск героям-партизанам.

Построен двухэтажный дом-музей. В нем экспонируются документы и фотографии военных лет, личные вещи партизан, оружие. Восстановлены землянки командира отряда разведывательной группы Н. И. Кузнецова, командира отряда Д. Н. Медведева, партизанская пекарня, буровой колодец и многое другое.

Фото и текст И. ТЮФЯКОВА



АНГЛИЙСКИЙ РЫЦАРЬ

И. СЕМЕНЧИК

Если бы шоферам Качканарской автобазы № 5 кто-нибудь сказал, что старший механик первого гаража Прокопий Шитоев — английский рыцарь, они наверняка бы приняли эти слова за шутку — непонятную, а потому и неостроумную.

А между тем он, Прокопий Шитоев, человек, который родился, вырос и живет сейчас на Урале, действительно, без всяких шуток, является английским рыцарем. И подтверждением тому служит грамота, выданная ему самой английской королевой.

Но прежде чем встретиться с королевой, Прокопий Кузьмич прошел долгий и тяжкий путь через всю войну. Как Шитоев воевал — об этом говорят многочислен-

ные его награды: ордена Красного Знамени, Суворова, Красной Звезды, Отечественной войны, целых четыре ордена Александра Невского, три медали «За отвагу»...

Его боевой путь начался под городом Клином. лейтенант Шитоев получает назначение в лыжный батальон и сразу по прибытии на передовую направляется в разведку.

— Было специальное задание Ставки — раздобыть «языка», — рассказывает Прокопий Кузьмич. — Нас было, как сейчас помню, пять человек: я — старший, со мной сержант Иванов и трое солдат. В двенадцать ночи мы забрались во вражескую траншею, и в три часа утра уже вернулись с пленным немцем, унтер-офицером, который тут же был отправлен в Москву.

Такова, в двух словах, история первой медали «За отвагу».

А первый орден Александра Невского Шитоев, уже будучи командиром батальона, получил под Ельцом, в Орловской области.

— Нам приказали взять кирпичный завод на окраине города. Там была башня. На ней немцы оборудовали наблюдательный пункт, да и сам завод, к тому же, стоял на высоте, так что в лоб его брать было тяжело. Мы что сделали? Пошли в обход, ударили по немцам с тыла и взяли завод почти без потерь. Пленных захватили более двухсот человек. А главное — через брешь, которую мы пробили, другие наши части прорвались в город.

Потом была огненная метель Орловско-Курской битвы, заснеженные болота Белоруссии, песчаные дюны Прибалтики.

...Густую синеву ночи лизали огненные языки пожарищ, серые развалины зданий освещались пламенем. Там, за Одером, — Штеттин.

В четыре часа утра 17 апреля 1945 года полк, которым командовал Шитоев, начал переправу. Прорвавшись сквозь завесу огня и железа, два батальона форсировали Одер и захватили крохотный, но



Шитоев Прокопий Кузьмич. 1945 г.

ПРОКОПИЙ ШИТОВ

важный плацдарм — островок между старым и новым руслом реки. Шитов лично вел эти два батальона. Фашисты открыли шлюзы и затопили островок.

Шесть часов по пояс в холодной воде сражались гвардейцы. Вскоре бойцы вместе с другими подразделениями дивизии ворвались в Штеттин. А потом был Берлин, алое полотнище над куполом рейхстага. Но война еще продолжалась.

И вот, наконец, Эльба.

Весеннее солнце тронуло первыми лучами гладь реки. Вокруг все было тихо, но тишина настораживала.

— Что ж, рискнем,— сказал Шитов, глядя в бинокль на противоположную сторону.— Вроде бы там союзники,— и он стал спускаться к кустам лозняка, где расторопные разведчики уже приметили лодку.

Поскрипывали уключины, на носу шлюпки с красным флагом стоял командир 59-го гвардейского стрелкового полка майор Шитов.

Вот лодка мягко ткнулась в берег. Шитов передал знамя адъютанту и шагнул навстречу невысокому, приземистому полковнику в английской форме.

Так ранним утром 6 мая на Эльбе бывший ивдельский рабочий первым встретился с англичанами.

Прошло около трех недель. Вдруг Шитова срочно вызвали в штаб фронта.

— Наденьте мундир. Поедете на встречу в союзническую миссию,— сообщили ему по телефону.

29 мая на аэродроме небольшого города приземлился транспортный самолет. Под звуки оркестров и приветственные возгласы на бетонное поле сошли Маршалы Советского Союза Г. Жуков, К. Рокоссовский, два генерала и он — майор П. Шитов.

Когда кавалькада машин остановилась у серого двухэтажного здания, на парадном крыльце первой их встретила эле-

гантная леди средних лет в длинном черном платье.

— Товарищ маршал, что это за женщина? — спросил Шитов Жукова, когда закончилась встреча.

— Потерпи, майор, завтра все узнаешь,— улыбаясь, ответил ему Георгий Константинович.

На следующий день и произошло событие, на которое намекал командующий фронтом.

Всех пригласили в просторный зал, через некоторое время окруженная пышной свитой появилась вчерашняя незнакомка.

«Королева», — шепнул кто-то за спиной Шитова. Один из сопровождавших ее генералов держал атласную подушечку с тремя коробочками.

После Жукова и Рокоссовского к королеве подошел Шитов. Преклонив колена, он поцеловал ей руку и, выслушав спич, поднялся.

Английская королева надела на него черную с голубой окантовкой ленту и вручила коробочку с высшим английским орденом Бани.

Тогда наш земляк еще не знал, что эта награда, согласно легенде, установлена во времена короля Генриха IV, в 1399 году. Учреждением ордена была увековечена отзывчивость короля, прервавшего однажды купание, чтобы выслушать пришедших к нему посетителей. Но странное название объясняется еще и по-другому — коллективным купанием 36 рыцарей, охранявших короля во время коронации, или же вообще обычаем ритуального омовения, которым некогда сопровождалось посвящение в рыцари. В России этот орден именовался «Орденом мыльни», и первым русским, его удостоенным, был князь Барклай де Толли.

Вот так и стал английским рыцарем гвардии майор Советской Армии уралец Прокопий Кузьмич Шитов, один из трех кавалеров ордена Бани в нашей стране.

ВЛАДИМИР ЛАЗАРЕВ



Яблоки

Яблоки на ярмарке —
Здесь

и там.

Выбирают яблоки по зубам!
Звонкие антоновки мы берем,
Кованные тоненьким холодком,
Добрые-недробные,
Эй, простак,
Подходи и пробуй
За просто так.
Бабы сыплют байками.

Народ говорит.
И словечко бойкое
Яблочком горит.
Сколько в нем задумано
Тайной глубины!
Семечки задымленно
В глубине видны.

Все вокруг заверчено.
Толкают в бока.
Спелые просвечивают
Облака.
Дышит солнце сочное!
Мне легко и солнечно,
Мне счастливо дышится,
Унесу словечко я,
никогда не слышанное...

Яблоки!
Над ярмаркой
Легкий звон.
Белый свет за ярмаркой
С четырех сторон.
Уплывает облако,
Как большое яблоко.
Наливное облачко...
Будет сладок сон!

* * *

Все на свете поет.
Ливни лучей.

И капли —

Две огромных планеты,
Робко соединяясь
На зеленом ложе листа...
Все на свете поет —
Веселые ложки из дерева,
Ножи из лучистой стали,
Супы в котелках походных,
Вино на свету

в стаканах,

И в глубине подвалов
В глухих засмоленных бочках...
Все на свете поет —
И провода.
И окна,

вымытые до солнца.

И топоры на крыше.
И костерок в тумане...
Глаза незнакомой девушки
На утреннем полустанке...
В мире спрятаны песни
И просвечивают смутно,
Как семечки в спелом яблоке,
Которое мне немедленно
хочется раскусить...



Д. ЛОЛУА (Тбилиси)

Я ВИЖУ СОЛНЦЕ

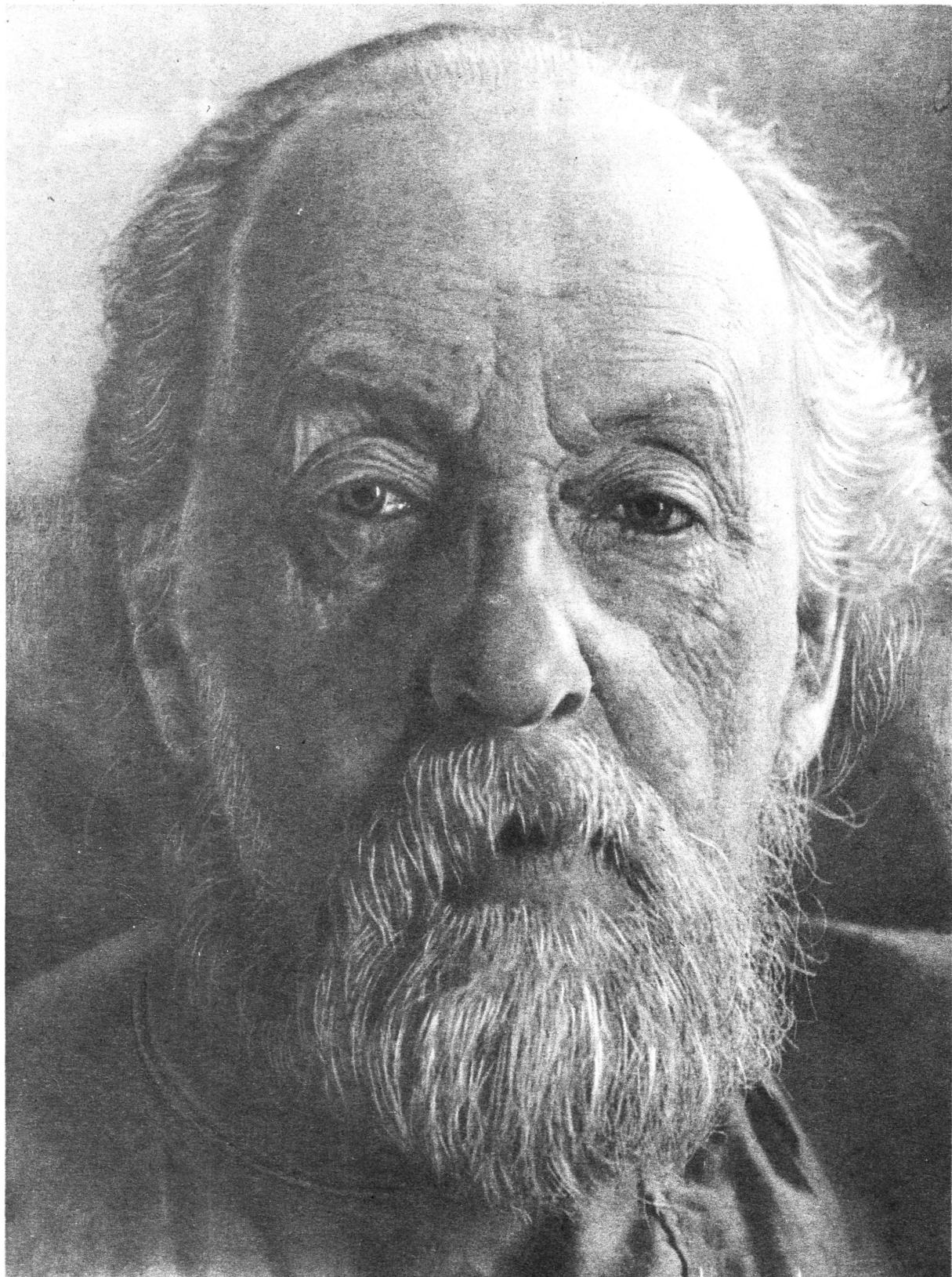


Я. ШАПИРО (*Ташкент*)
РОДНИЧОК



Э. КОЗЛОВ (*Ленинград*)

ХЛЕБ



К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ. (Фото 1930 года).

НАШ город часто называют «городом Циолковского». Это понятно, здесь великий ученый прожил большую половину своей жизни и навеки прославил Калугу как родину идеи освоения Космоса.

На юго-западной окраине города, недалеко от Оки, находится мемориальный дом-музей. Когда-то в этом старом деревянном доме жил

УРАЛ-

«отец звездоплавания», скромный калужский учитель К. Э. Циолковский. Отсюда протянулись невидимые нити связи во все края обширной советской земли, в том числе и на Урал.

Если пройти по следам архивных документов, сохранившихся писем, отрывочных воспоминаний, то эти следы приведут нас в Свердловск, Челябинск и другие города Урала. К людям, которые когда-то состояли в переписке с Циолковским, получали от него бандероли с брошюрами, советы, напутствия. Но при этом нам встретятся и неясные, запутанные тропы и ложные следы, возникнут вопросы, ответом на которые будут только предположения.

КАЛУГА-

Был ли Циолковский на Урале?

В 1957 году в музей К. Э. Циолковского пришло письмо из города Кургана от персонального пенсионера М. Беляшова, бывшего заместителя председателя Курганского уездного исполкома. Товарищ Беляшов сообщал, что в его личном архиве с 1923 года хранилась фотография, на которой запечатлены проводы К. Э. Циолковского из города Кургана, где он пробыл несколько часов во время путешествия с научной целью. Общественность Кургана устроила обед в честь ученого.

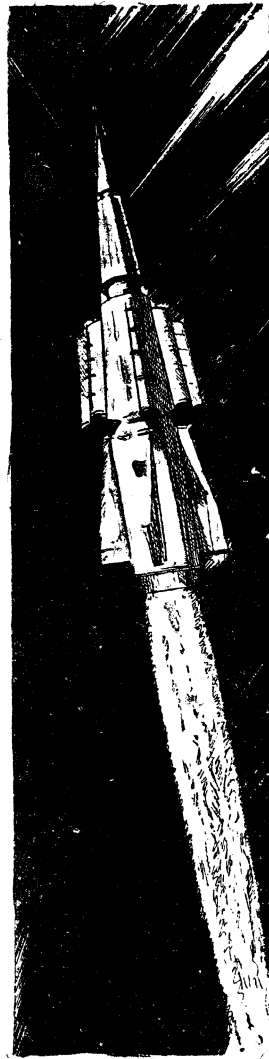
На приложенной к письму фотографии следана надпись: «Прибытие аэроплана в Курган во главе с чл. ОДВФ К. Э. Циолковским. 1923 г.» Снята большая группа людей, в центре ее — летчик в шлеме и рядом с ним коренастый улыбающийся человек с окладистой черной бородой. Циолковский? Нет, совсем не похож.

Константин Эдуардович никогда не был в Кургане и ни разу в жизни не летал на аэроплане. Как же появилась такая уверенная надпись? Но... Инициалы и первые буквы фамилии написаны с заметным нажимом и более четко. Всмотревшись, можно разобрать другую, ранее написанную фамилию, что-то вроде «Дзивалковский». Видимо, кто-то подумал, что допущена ошибка, и «исправил» незнакомую фамилию, да еще и подставил инициалы.

Имена великих людей обладают способностью обрывать легенды. Среди собранных музеем воспоминаний о Циолковском есть записи о выступлениях Константина Эдуардовича с лекциями о межпланетных полетах в Оренбурге и Ялте, хотя в этих городах он никогда не был. Кто-то читал эти волнующие воображение лекции, они запомнились. Но время стерло из памяти имена лекторов. По цепи предположений «быть может — вероятно — несомненно» возникла и утвердилась догадка: это был энтузиаст звездоплавания Циолковский.

Можно было уверенно предполагать, что именно таково происхождение надписи на фотографии, присланной из

Кургана. Но кто же назван в качестве «лже-Циолковского»? Лишь недавно удалось это установить. Ветеран авиации Алексей Владимирович Шиуков, лично знавший К. Э. Циолковского, сообщил, что снятый на фотографии человек с черной бородой — это член правления Общества «Добролет» И. Л. Дзевялтовский, а рядом с ним летчик Ютербок.



УРАЛ

В то время «Добролет», стремительно расширяя сеть авиалиний, организовывал разведочные полеты по новым трассам. Таким «путешествием с научной целью» был перелет Москва — Ново-Николаевск (ныне Новосибирск). Появление самолета в тех краях было тогда выдающимся событием, и летчиков встречали примерно так, как в наши дни встречают космонавтов.

Наш поиск не был напрасным. Мы открыли страницу прошлого, выяснили происхождение ле-

17

генды, доказательно подтвердили то, в чем не было сомнений: Константин Эдуардович не прилетал в город Курган, он никогда не был на Урале.

Однако его связи с Уральским краем несомненны. Линии этой связи легко установить по материалам, бережно хранимым в архиве Академии наук СССР. Но тут начинается другая история.

Энтузиасты космонавтики

В 1935 году, после смерти Константина Эдуардовича, его рукописи, документы, письма, фотографии и другие материалы поступили на хранение в архив Аэрофлота в Москве. С началом Великой Отечественной войны бумаги Циолковского упаковали в ящики и эвакуировали сначала в деревню Юрьино Марийской АССР, затем в Казань и через Уральский край — в город Омск. Когда окончилась война, ящики с драгоценными материалами возвратились в Москву. Документы передали на хранение в архив Академии наук СССР, где они составили фонд 555 — «архив Циолковского».

В числе разнообразных материалов фонда находится несколько сот писем, полученных Константином Эдуардовичем от его корреспондентов. Конечно, они дают одностороннее представление о переписке: было бы очень важно иметь письма самого Циолковского.

Что писал он своим многочисленным корреспондентам? Об этом можно судить только отчасти по содержанию полученных им ответных писем и по тем пометкам, которые Константин Эдуардович имел обыкновение делать на полученных письмах и конвертах. По большей части эти пометки сделаны карандашом. Они кратки: Константин Эдуардович писал для себя и, ценя время, пользовался сокращениями.

Вот открытка, посланная Циолковскому в августе 1928 года. Пишет уральский краевед Лазарь Михайлович Хандросс, интересовавшийся проблемами космического полета. Он просит Константина Эдуардовича выслать его печатные работы. В перечне брошюр под порядковыми номерами значатся: «3) Ракета в космическое пространство. 4) Реактивный прибор».

Об ответе Циолковского отчасти можно судить по сделанным на открытке карандашным пометкам:

*3-4 ракеты
изд. нбр, журнал (6)
открытка*

Эту запись нетрудно расшифровать: Константин Эдуардович перечислил посланные Хандроссу свои брошюры: «Ракета в космическое пространство» 1924 г. (№ 3 в перечне Хандросса), «Изданные труды К. Э. Циолковского» 1927 г. и «Отклики литературные» 1927 г. Старую работу «Реактивный прибор, как средство полета в пустоте и атмосфере», напечатанную в 1910 году в журнале «Воздухоплаватель», Циолковский выслать не мог, поэтому и зачеркнул четверку (порядковый номер в списке Хандросса). Слово «Открытка» может означать, что ответ был послан открыткой.

К. Э. Циолковскому пишут молодой свердловчанин В. А. Александров и свердловчанин-пенсионер, инвалид труда И. И. Новоселов. Пишут студенты и школьники. Многие обращаются с просьбой прислать брошюры, благодарят за ответы и консультацию.

Школьный работник Григорий Манаков (Магнитогорск, 20/1 1934 г.) пишет:

«Уже два года, как я работаю над чертежом реактивного аппарата. Правда, мои изобретения дальше не совсем грамотных чертежей на бумаге не идут... Главная трудность, которую мне хочется разрешить, — передача горячего к месту взрыва... Все это повело к тому, что выход из положения я вижу в Вашем совете и был бы несказанно рад, если бы его от Вас получил».

Во втором письме, датированном 17/II 1934 года, Манаков уведомляет:

«Получил Ваши труды... По прочтении «Космической ракеты» сразу же стали видны отдельные нелепости моих чертежей».

Инженер Н. А. Тетиор (Челябинск, январь 1931 г.) пишет:

«Мысли Ваши — это то, что занимает мое воображение вот уже 12 лет... Если разрешите, я хочу время от времени задавать Вам некоторые вопросы, над которыми мне приходится работать». Письмо оканчивается просьбой: «Задайте мне проблему из межпланетного летания, над которой я поработал бы». В других письмах Н. А. Тетиор благодарит за присланные книги.

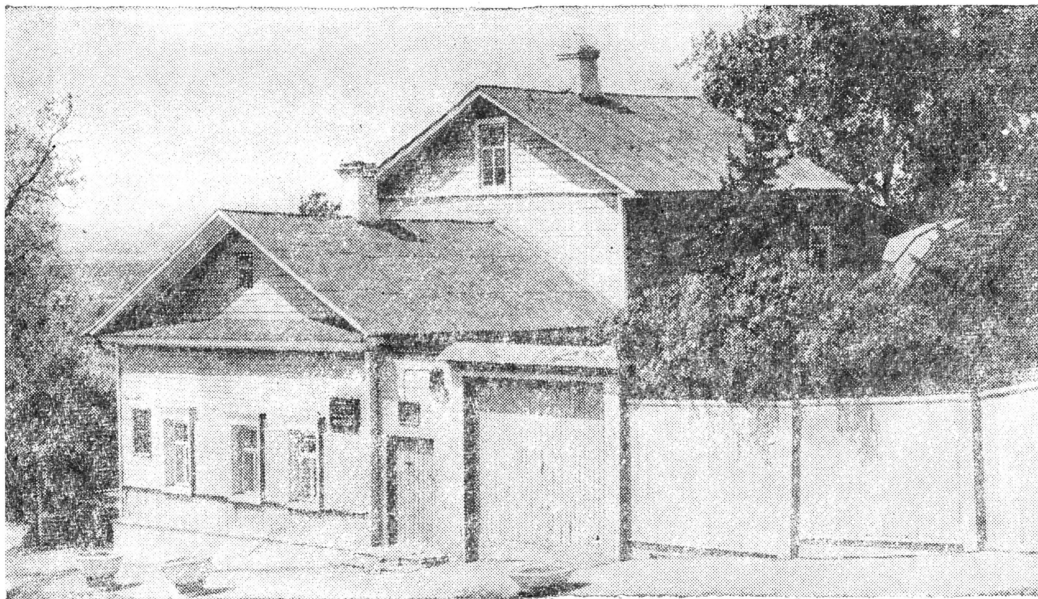
Студент машиностроительного института М. Я. Шашин (Свердловск), воодушевленный идеями звездоплавания, выражает горячее желание совершить полет в мировое пространство. Он пишет Константину Эдуардовичу:

«Если я окажусь недостаточно одаренным, то, во всяком случае, смогу быть механиком первой ракеты, летящей за пределы нашего мира. Я первый полечу в межпланетное пространство. Я знаю, что первая попытка окончится неудачей. Счастливый исход — это весьма проблематично для первого раза. Несмотря на это, я уверен, что делу межпланетных сообщений предостит великая будущность... И согласен быть первым пилотом в этих полетах».

Это было написано в 1931 году, за три года до рождения Юрия Гагарина, когда слово «космонавт» еще не было известно. Впрочем, М. Я. Шашин не первый объявил о своей готовности лететь в космос, его опередила смелая девушка Ольга Виницкая, пославшая Константину Эдуардовичу заявку на космический полет еще в 1927 году.

Уральский ГИРД

Интересны два письма, полученные К. Э. Циолковским от свердловчанина Евгения Павловича Абазопуло. В первом письме, датированном 9 января 1934 года, Абазопуло сообщает о себе: он —



Дом-музей К. Э. Циолковского в Калуге.

студент-механик, двадцати семи лет, уже четыре года работает над вопросами реактивного движения и звездоплавания, хочет организовать областное общество для работы над этими проблемами и просит Константина Эдуардовича помочь советами, как взяться за организацию лабораторий, кабинетов, библиотеки, как приступить к регулярным занятиям, с чего начать? «Мечтаю создать что-нибудь похожее на институт астронавигации и ракетоплавания».

Абазопуло называет себя «кустарем-одиночкой», но смело ставит перед собой большие задачи. Циолковский, конечно, сочувствует молодому энтузиасту, но знает, каковы трудности впереди. Он посылает Абазопуло несколько своих брошюр и отвечает письмом. Неизвестно, сохранилось ли это письмо, и если сохранилось, то где находится.

Второе письмо Абазопуло от 18 февраля 1934 года, большое и не менее восторженное, чем первое, отчасти открывает общий смысл письма ученого. Разве фраза «Я не верю в Вашу старость, Вы моложе всех нас, Ваших последователей» не говорит о том, что Константин Эдуардович писал о своей старости? Ведь тогда ему было уже 77 лет, он часто хворал и, продолжая работать, часто сетовал на недостаток сил. Конечно, он не мог дать исчерпывающие ответы на сложные вопросы Абазопуло. Ведь спрашивать всегда легче, чем отвечать.

По-видимому, Константин Эдуардович сообщил об организованных тогда группах изучения реактивного движения. Эту догадку подсказывает фраза в письме Абазопуло — «Я прошу Вас помочь мне связаться с гирдами и тому подобными кружками и обществами». Судя по карандашной пометке, сделанной на конверте письма свердловчанина, Циолковский послал ему ответ и на второе письмо, но на этом переписка между ними обрывается.

Но что это за «гирды», с которыми Абазопуло просит его связать?

Известно, что в 1931 году в Москве при Центральном совете Осоавиахима была создана Группа изучения реактивного движения, сокращенно — ГИРД. Такая же группа вскоре возникла в Ленинграде, а затем и в некоторых других городах. Это были первые объединения ракетчиков нашей страны, последователей Циолковского, смело вступивших на трудный путь практического осуществления его идей.

В то время ракетостроение было совершенно новым делом, и многие относились к нему с откровенным сомнением. Гирдовцев насмешливо называли «лунатиками» или «марсианами», а ГИРД расшифровывали как «группа инженеров, работающих даром», то есть занятых заведомо ничемной работой. Да, в смысле зарплаты дело было явно «не хлебное». Двигательной силой была не материальная заинтересованность, а энтузиазм, пламенное стремление подчинить воле человека могучую реактивную силу, заставить ее двигать самолеты, ракеты, космические корабли.

Обремененный годами, Циолковский не мог непосредственно участвовать в работе ГИРДа; «реактивщики» приезжали к нему в Калугу, он пользовался в их среде громадным авторитетом и уважением. Константин Эдуардович очень радовался, узнав об успешном запуске первой советской ракеты на жидком топливе.

Были ли гирдовцы на Урале? Да, были. Об этом свидетельствует сохранившееся в бумагах Циолковского адресованное ему официальное отношение Уралосоавиахима, с просьбой сообщить:

«Можете ли Вы направить в адрес Уралосоавиахима гор. Свердловска со своего склада издания Ваших трудов, так как организованная недавно Секция по изучению реактивного движения крайне нуждается в приобретении литературы по названному вопросу, каковой в Свердловске не имеется».

Отношение за № 44/0 датировано 20 октября 1933 года и подписано ответственным секретарем Военно-Научного Сопровождения при Президиуме Уралосоавиахима А. Соловьевой.

Мы привели эти данные как приметы для следопытского поиска. Быть может, уральские краеведы выяснят подробности существования и деятельности Уральской секции по изучению реактивного движения. Надо найти архивные документы, разыскать бывших работников Уралосоавиахима и бывших членов этой секции. Это было бы очень важно.

Уралец в Калуге

Большинство писем отражает увлечение проблемой космического полета, но есть и другие интересы, иные темы.

Свердловчанин В. Венгеров высказывает свои суждения о брошюре Циолковского «Общечеловеческая азбука, правописание и язык». Он критически разбирает эту работу и высказывает несогласие с положениями, выдвинутыми автором.

Другой уралец, Николай Семенович Пастухов, глубоко увлечен идеей металлического дирижабля Циолковского. Это главная тема его писем в Калугу. Переписке предшествовало заочное знакомство с Циолковским, точнее, знакомство с его работами. Случилось это в 1926 году, когда Пастухов, будучи в Москве, посетил на Арбате выставку АССНАТА — Ассоциации самоучек-натуралистов. На выставке были представлены работы многих изобретателей. Были здесь диковинные стенные часы, сделанные из дерева, единственной металлической деталью которых была гиря — подвешенное на веревке железное ведро с песком. Но не эти «цельнодеревянные» часы и не другие, подобные им, экспонаты заинтересовали Пастухова. Его вниманием завладели модели металлической оболочки дирижабля Циолковского и его брошюры.

Возвратившись домой в Златоуст, Пастухов отправил Циолковскому письмо, в котором писал, что его заинтересовали труды Константина Эдуардовича о дирижабле. В ответ из Калуги пришли брошюры с описанием металлического дирижабля. В 1929 году Циолковский прислал новую брошюру «Дирижабль из волнистой стали». Пастухов учился тогда в Свердловском лесотехническом институте, но по-прежнему был увлечен дирижаблестроением. Летом, во время каникул, он поехал в Калугу и посетил Циолковского. Об этой встрече Н. С. Пастухов оставил воспоминания, которые передал музею.

В 1934 году Н. С. Пастухов написал статью «Проблема транспорта по работам Циолковского» и послал рукопись в Калугу. Скоро он получил ответ. Переписка возобновилась. Последнее письмо было написано 31 мая 1935 года, за три с половиной месяца до смерти Константина Эдуардовича.

Привет от дедушки Кости

В музее Циолковского среди книг личной библиотеки Константина Эдуардовича находятся несколько номеров детского журнала «Техника — смене». Константин Эдуардович получил эти номера... Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

В Свердловске в 1928—1941 годах издавался один из первых в нашей стране детских технических журналов, называвшийся вначале «ДВС» («Делай все сам»), а затем «Техника — смене». Небольшого формата тоненькие номера печатались на плохой бумаге, полиграфическая сторона издания оставляла желать много лучшего, но в журнале были интересные научно-популярные статьи, описания самодельных машин и приборов, печатались письма о работе школьных кружков. Бойкий и живой журнал очень полюбился ребятам. В 1931 году на его страницах был напечатан рассказ корреспондента журнала Павла Чикаша о том, как он побывал у Циолковского и о чем с ним беседовал. Состоялось первое знакомство читателей журнала с калужским ученым.

В конце 1934 года сотрудник редакции Ю. М. Курочкин послал Константину Эдуардовичу письмо, в котором сообщил о журнале и о работе юных техников Урала, просил ученого написать хотя бы краткие воспоминания о своем детстве и об увлечении наукой и техникой. Тогда-то вместе с письмом и были посланы номера журнала, находящиеся теперь в мемориальном музее. Циолковский ответил открыткой:

«1935 г. 11 янв. Многоуважаемый Ю. М. Получил В. письмо и В. хороший журнал. Я Вам через 20 дней вышлю мою автобиографию: 60 страниц машинописи. Вы можете взять из нее, что подойдет, и мою подпись. Машинопись всю возвратите по миновании надобности. Привет П.Д.Ч. Привет Вашим юным читателям и товарищам по работе. Послал Вам Монизм. К. Циолковский.»

По своему обыкновению Константин Эдуардович писал короткими, сжатыми фразами и с сокращениями («Ю. М.» означало «Юрий Михайлович», «В» — «Ваше» и «Ваш», «ПДЧ» — «П. Д. Чикашу», «Монизм» — брошюра «Монизм вселенной»). Срок он выдержал точно — через двадцать дней редакция получила бандероль с отпечатанной на машинке автобиографией «Черты моей жизни».

Так завязалась переписка. Из автобиографии извлекли самое интересное и доступное для юных читателей. Составленный текст послали Циолковскому на утверждение. Автобиографию аккуратно перепечатали на хорошей бумаге и с благодарственным письмом возвратили автору. Константин Эдуардович не возражал против такой замены. Он ответил быстро и кратко:

«1935 г. 1 марта.

Ничего против Вашей комбинации не имею. Получены и выдержки и оригинал автобиографии».

Рукопись сдали в набор. Но как быть с иллюстрациями? Заказанные художнику рисунки и найденные в журналах фотографии были «не то что нужно». Пришлось снова писать в Калугу, просить Константина Эдуардовича прислать фотографии, относящиеся к его детским годам. В конце марта Циолковский прислал несколько фотографий и приветствие читателям журнала. С характерной для него скромностью он писал:

«Приветствий я писать не умею, и Вы можете его заменить (сами) другим или изменить, как надо (сообразно моему духу и моей автобиографии)».

Редакция ни слова не изменила в этом задуманном приветствии. Оно было напечатано полностью в апрельском номере журнала:

«Не только молодые люди, но даже дети иногда приходят в отчаяние от препятствий и неудач.

Берегите жизнь, дети, и вам останется впереди еще 60—70 лет работы, в течение которых вы можете, если захотите, достигнуть многого. Но всю жизнь надо стремиться к высшему и учиться. Смешно, что мне жалуются ребята чуть не с 10 лет: их же изобретения и мысли не осуществляются или не принимаются. Как же мы-то терпели многие десятки лет и едва-едва кое-чего достигли. Мы же не имели детских технических станций и тех хороших условий, в которые поставлены вы.

Берегите силы, никогда не падайте духом, и вы, наверно, достигнете успеха в своих стремлениях быть полезными людям.

Привет вам от бабушки Кости».

Хочется отметить, что текст этого доброго, ободряющего обращения приведен в экспозиции мемориального музея на специальном стенде крупными накладными буквами. Экскурсоводы читают эти слова школьникам. Приветствие Циолковского, адресованное юным техникам Урала, относится ко всем детям Советской страны.

Юные последователи

Напечатанная в журнале краткая автобиография Циолковского вызвала поток писем от читателей. В те годы идеи реактивного движения и межпланетных полетов стали популярной темой в печати. Молодежь с энтузиазмом воспринимала новые смелые идеи. Ребята засыпали редакцию вопросами, на которые лучший ответ мог дать только сам Константин Эдуардович. Послали ему письмо юного изобретателя Володи Ворошилова из города Надеждинска (ныне г. Серов). Циолковский получал десятки подобных писем, он отлично знал, что ребят очень интересуют реактивные двигатели. И он прислал в редакцию небольшую статью «Изобретателям реактивных машин» с описанием и чертежами несложных самоделок, движущихся при помощи реактивной силы. Эта статья была опубликована в июньском номере журнала.

К сожалению, письмо Володи Ворошилова не сохранилось, но среди писем, полученных Циолковским, в архиве АН СССР есть несколько писем от уральских юных техников. Они очень интересны.

Вот письмо Васи Сомова, написанное не вполне устойчивым почерком на листке почтовой бумаги.

«Добрый день, Константин Эдуардович Циолковский. Я — ученик 6-й группы «В» неполной средней школы № 40 гор. Челябинска. Я к Вам обращаюсь с большой просьбой. Я сделал металлическую ракету длиной 50 см, но не знаю, как ее запускают, какими взрывчатыми веществами. Я думаю, что порохом ее пускать нельзя, и при том она не будет развивать такую скорость, которую нужно на преодоление земного тяготения. Я Вас прошу от всех сил, чтобы Вы написали мне,

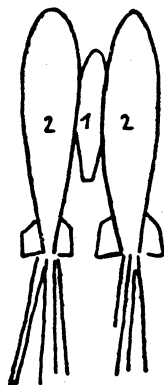
как это сделать. Я прошу Вас еще узнать адрес Пулковской Астрономической обсерватории и Московской и, если можно, то фамилии директоров этих обсерваторий. 3.III 35 г. В. Сомов». (Челябинск, Снеговая, дом 9, кв. 4).

На конверте письма Циолковский сделал карандашом пометку: «Отвечено. Рак. 27 г.», то есть послана брошюра «Космическая ракета. Опытная подготовка», изданная в 1927 году.

Во втором письме Вася Сомов пишет:

«Здравствуйте, Константин Эдуардович!

Я получил Вашу книгу 15.III. Но я книгу еще не читал, потому что у нас сейчас в школе проводятся контрольные работы и у меня не хватает времени. В каникулы я буду ее читать. Как прочту, попробую пустить свою ракету. Вот какую я хочу построить вторую мою ракету».



1) Ракета для людей
2) Ракеты-двигатели

Дальше Вася поместил чертеж, схожий со схемой ракеты Циолковского (здесь воспроизведен этот чертеж). Письмо заканчивается словами:

«Константин Эдуардович, из чего лучше делать ракету, из какого металла? 19.III. 35 г. В. Сомов».

На конверте Константин Эдуардович сделал пометки:

«Отвеч. Во всех больших городах, Москва Астр. обсерват. и на оборотной стороне конверта: «Адреса обсерваторий? Пулково, Ташкент, Одесса.

Из чего ракету делать

Изобретатель ракеты

Болен, устал и переписки не веду».

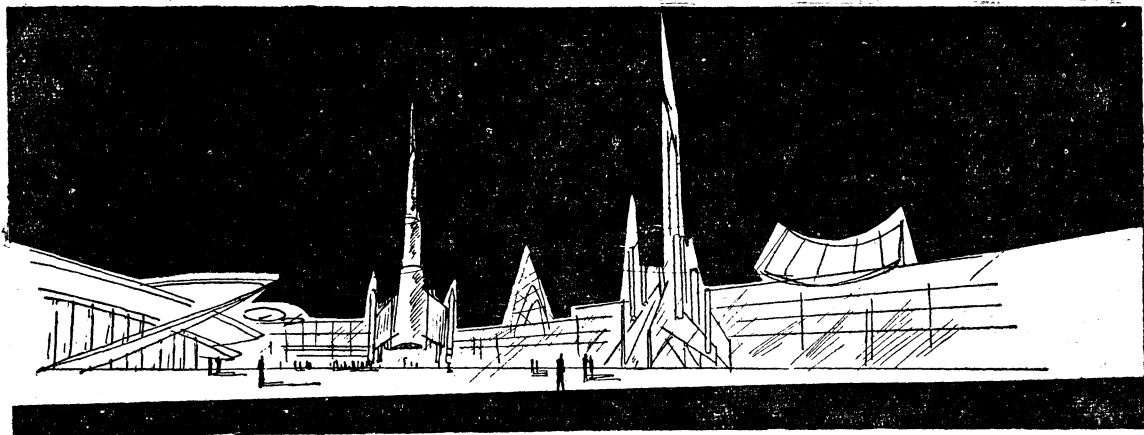
В этих отрывочных заметках и содержание полученного письма, и характеристика корреспондента, и его вопросы, и наброски ответов.

Юный пионер Б. Проценко (свое имя полностью он не написал), не зная адреса Циолковского, отправил письмо для него в редакцию газеты «Пионерская правда». Редакция переслала письмо в Калугу. Вот что писал в нем юный конструктор:

«14.XI. 35 г.

Здравствуйте, дорогой т. Циолковский!

Читая книги о планетах и увидя Ваш проект ракеты, я подумал: почему не соединить две вашей конструкции ракеты, маленькой, такой же



формы, как и большие. В средней, маленькой, могут помешаться люди с воздухом, продовольствием, водой и приборами, крайние большие ракеты будут двигать всю «ракету», и я думаю, что с этим запасом газа можно будет слетать обратно на Землю. Даю Вам рисунок. Если моя конструкция будет принята, то размещение приборов и т. д. прошу сделать Вас, а также размеры. Моя ракета может увеличить подъемную силу, а также увеличить скорость.

Т. Циолковский, я не знаю, как вас звать, за это вы меня простите. Отзывы о ракете прошу сообщить мне письмом или через газету «Пионерская правда». Мой адрес — Урал, г. Челябинск, ул. С. Перовской, № 17.

Б. Проценко».

О том, что ответ юному изобретателю, предлагавшему соавторство великому ученому, был послан, говорит краткая пометка на конверте: «Отвечено».

"Всемирному Сведомому"
 Желаю журналу всемирно
 возбуждать в широчайших
 массах стремление к поз-
 нанию мира. Особенно
 хочется мне, чтобы журнал
 "Всемирный Сведомому" так-
 как мысль нашей хорошей
 молодежи к перестройке
 Земли на новых социали-
 стических началах. Всегда
 вперед, не останавливаясь
 вперед. Вселенная при-
 надлежит человеку
 Боня. 1930г. Конст. Циолковский

22

И еще одно письмо, вероятно, от очень бойкого мальчика.

«Т. Циолковский, вам пишет ученик 5-го класса средней школы г. Свердловска Россов Владимир Владимирович, пионер. У меня к вам есть вопросы и просьба.

Вот они: 1. Каким образом ракета будет лететь в межпланетном пространстве, ведь она взрывами-то отталкивается от какой-то опоры, а там ведь опоры нету, от чего же она будет отталкиваться в эфире?! 2. Возможна ли на Марсе жизнь? 3. В межпланетном пространстве и в верхних слоях стратосферы большое количество «гамма-лучей». Будут ли они мешать полетам в верхних слоях атмосферы и в эфире? Для ответа посылаю 20 к. марок. Я Вас прошу выслать мне Ваши труды: «Будущее Земли» и «Растение будущего». Для посылки посылаю 50 коп. марками.

На основании чего я их прошу? На основании листовок «От К. Циолковского». Как она ко мне попала? Вы мне ее прислали по моей просьбе, но в каком году — соврать боюсь. Очень благодарю. Пардон, что я долго Вас не отблагодарил.

Между прочим, хочу быть звездоплавателем или, по крайней мере, астрономом. Пожалуйста, ответьте и скорее вышлите книжочек, меня это очень интересует. Пардон, что я очень грязно на-карябал, но по родному у меня отметка «оч. хор.».

Мне 12 лет. Мой адрес — Свердловск, 8-го Марта, дом, 51, кв. 3. Россов В. В.

Antworten sie schnell!
 (Отвечайте скорее!)

Вот какое письмо получил Константин Эдуардович от двенадцатилетнего живого и любознательного мальчика! И пусть нам не покажется слишком наивным вопрос о возможности полета ракеты в пустоте. В 1927 году один московский профессор, на том же основании, отрицал возможность реактивного полета в космическом пространстве.

Конечно, в этом очерке намечены лишь некоторые линии связи К. Э. Циолковского с Уральским краем и названы далеко не все его уральские корреспонденты. Наверняка их было гораздо больше.

Совсем недавно директор Свердловского Областного краеведческого музея А. Бальчугов любезно сообщил нам о редкой книге, хранящейся в фондах музея. Это — первая печатная работа К. Э. Циолковского о дирижабле, изданная в Москве в 1892 году под заглавием: «Аэростат металлический, управляемый». Эта книга с автографом была подарена автором известному археологу Александру Андреевичу Спицыну, члену Уральского общества любителей естествознания. Значит,

была связь между двумя учеными разных специальностей, но объединенных какими-то общими интересами. Биографы Циолковского об этом не упоминают. Это новое обнаружено неожиданно — по длинной цепи «счастливых случайностей».

Поиск всегда увлекателен. В этом очерке преднамеренно указаны некоторые старые адреса. Следопыты могут воспользоваться ими как исходными данными для поиска «Циолковский — Урал». Надо отыскать людей, лично знавших ученого, состоявших с ним в переписке, найти его письма, брошюры с автографами, фотографии, документы... Захватывающая собирательская работа! Упорных поисков и удачных находок, товарищи следопыты!

Вл. ЗОТОВ, ученый секретарь Музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского

КНИГА КОНСТРУКТОРА РАКЕТ

Однажды — это было в 1934 году — Константин Эдуардович Циолковский, разбирая очередную почту, обнаружил бандероль с небольшой книжкой: «Ракетный полет в стратосфере». Ее автор — С. П. Королев — оказался настолько скромным человеком, что даже не указал своего адреса, и Константин Эдуардович сетовал: «Королев прислал мне свою книжку «Ракетный полет», но адреса не приложил. Не знаю, как поблагодарить его за любезность. Книжка разумная, содержательная и полезная». Мог ли предполагать основоположник космонавтики, что именно этот скромный инженер, подаривший ему свой первый научный труд, как раз и окажется тем самым человеком, который построит знаменитые космические ракеты!

Чем же привлек внимание К. Э. Циолковского этот первый научный труд будущего академика? Видимо, трезвым взглядом на развитие ракет. Сергей Павлович Королев отлично понимал, что ракетному двигателю предстоит проделать большой путь, прежде чем он сможет доставить человека на Луну.



Именно этим серьезным отношением к технике и объясняется тот факт, что в течение десяти лет С. П. Королев работал не столько над конструкцией больших ракет, сколько искал пути применения ракетных двигателей в авиации. Он создал несколько типов ракетопланов, создал ряд конструкций авиационных ракетных ускорителей и сам лично испытывал их в воздухе.

Книга Сергея Павловича Королева «Ракетный полет в стратосфере», являющаяся сейчас библиографической редкостью, представляет интерес и для современного читателя, так как в ней, помимо элементарной теории ракет, содержится и взгляды инженера-ракетчика тридцатых годов.

ПОЛУНОЧНИКИ

Рассказ

Марк ГРОССМАН

Рисунки Н. Мооса.

Изредка я навещаю пострелять уток на озеро Ческидово, почти ровным зеркалом вправленное в раму из хвойного и лиственного леса, тихого, густо набитого запахом зелени, грибов и увядшей тины.

На пороге своей избы меня обычно встречает Евстафий Елизарович Измоденов, худой, сгорбленный и немного растерянный человек. Его лицо — в выцветшей бороде; под глазами темные полукружья, а в глазах, чуть притененных густыми ресницами, затаены боль, обида и недоумение.

— Вот, Евстафий Елизарыч,— говорю я старику, доставая из машины гостинцы.— Это Ивану...

Иван, сын Измоденова,— ломаное, несчастное существо. Мало того, что судьба ограбила его голову, она отняла у него еще ноги, не совсем отняла, а гнусно покалечила,— и юноша передвигается, прыгая и поскакивая по земле, вроде лягушки.

У мальчика — Ване девятнадцать лет, но выглядит он совершенным мальчиком — миловидное настороженное лицо, темные, цвета озерного ила, очи и недетские складки на лбу. Длинные узловатые руки сильно развиты, и когда он при встрече возбужденно тискает мне ладонь,— пальцы мои слипаются и белеют.

Измоденов, взглянув на мешок, вытасенный из багажника, пожимает плечами и спрашивает, глядя в сторону:

— Что это? И зачем ты?..

— Да нет, Евстафий Елизарович,— спешу я успокоить старика, как могу,— это не новые башмаки, право. Это я себе купил, да промазал — малы они мне.

Измоденов хмурится, и губы у него дрожат, будто он мелко смеется или собирается заплакать.

— Зря ты,— ворчит егерь, покачивая сивой, как яблоня, головой, и меняет речь:— Утешка ныне слабо идет. Вот гогли да чирок, а косатая, либо шилохвость — мимо канули.

— Пустое,— говорю я старику,— не в том главная радость, Измоденов. Воздухом подышу, парным молочком побалуюсь...

— Так...— соглашается егерь.— Ну, заходи, гостем будешь.

Ваня встречает меня с ясно видимой радостью — попрыгивает по полу, теребит за край шинели и смеется. Он волочит за собой по избе мешок с гостинцами и спрашивает так, будто боится, что гость тотчас исчезнет:

— Стрелять будешь, а? Не надо. Зачем это? Мы в лес кинемся, там гриб живет, вон какой!

Он раздвигает могучие руки как можно шире и вопросительно глядит снизу вверх, несчастный человек, оторванный от своих сверстников, от их радостей и века.

— Пойдем,— обещаю я Ване.— Конечно же, пойдем. Грешно приехать сюда и не поохотиться за груздочком.

Ваня охает от радости и выкатывается из избы, чтоб взять какое-то лукошко под добычу, запастись ломтем хлеба и наполнить алюминиевую флягу сладкой колодезной водой.

— Ну, чо ты скажешь,— пожимает плечами Измоденов,— не даст человеку оклематься, так и ломит, так и ломит.— И в его словах по-прежнему затаены боль и неистребимая любовь к сыну, которого обобрала судьба. Больше у егеря нет детей, горе Ивана выбило отца из веры, и он не хотел больше потомства, даже боялся его: не дай бог снова такое!..

Мы закуриваем и замолкаем, но эта чисто мужская пауза длится недолго.

— Вот жена моя померла в прошлом годе,— нарушает молчание старик.— Пора и мне в яму. Да, вишь — сынок. Как он без меня, один-то?

Измоденов теребит худую бороду, говорит не столько мне, сколько себе:

— Я разве не понимаю — увечный он. И неучен тоже. А человек неученый — что топор неточеный. Только все одно: он мне, как вороне свое дитя,— самая певчая птичка.

Чуть приметно пожимая плечами, добавляет:

— Добрый он у меня. И всем видно это, а вот поди ж ты! — мальчишки в сельце так и норуют ткнуть его бедой, за пиджачок дергают, словом обидным пачкают. Зачем так?

— Малы еще, оттого и обижают,— отвечаю я на вопрос Измоденова, хотя и понимаю, что объяснение никудашнее, да и нет в жизни сильного ответа на такой вопрос.

Старик смотрит на меня искоса, спрашивает внезапно:

— Это чо будет — «идиот»? Кличка какая, или брань, или с войны к нам занесло? Скажи по правде...

— Идиот? Что ж, Ивана так задирают?

— Его.

— Мальчишки?

— Они. А то и взрослые, бывает.

— Иные думают, Евстафий Елизарыч,— обзови кого дураком, сам прослывешь умницей. Плюнь.

— Значит, дурное слово,— вздыхает старик.— Горе и так ударило сына, так за что ж еще бранным словом топтать?

В это время в избу врывается Ваня. Он хватает меня за кисть твердыми крупными пальцами и тянет за дверь,— так ему не терпится показаться в о й лес, и с в о и места, и с в о и гриб, какому нет равного в окрестности, так он думает.

И вот мы уже спешим берегом озера, и уходим в глушь леса, туда, где среди сосен и берез,

в чистом полумраке и полудреме тянут свои сети меж ветвей терпеливые и мудрые пауки.

Ваня движется чуть впереди, как и надо хозяину, но все оборачивается и посыпает вопросами, на какие, оказывается, ответить вовсе нелегко. Ему интересно знать, какой он, трамвай; и не врут ли люди про телевизор; и для чего придумали, чтоб дом на дом ставить, будто мало на свете свободного, чистого места.

Я рассказываю ему, как могу.

Вслушав, он говорит так, точно успокаивает меня:

— Мне о том Евстафий-папка объяснял, так я тоже не понял. Ну, ладно, потом вразумишь, коли чо... А то мы так и опенка не сыщем. Я теперь за тобой пойду...

Он отстает, пропуская меня вперед. Я слышу, как шуршат в жесткой осенней траве его прыжки, и до меня доносятся его песенки, и кусочки из сказок, какими пестовала мое детство бабушка:

— Огнем пожгу, мечом посеку, конским хвостом пепел размету!

Он то отстает от меня, то догоняет и каждый раз, догнав, предлагает:

— Хочешь, загадку задам? В век не отгадать!

— Что ж, задай,— отвечаю я рассеянно.

Он не замечает моего тона.

— Ну, слушай. Я не сам по себе, а сильнее всего и страшнее всего, и все любят меня, и все губят меня... Чо это?

— Хлеб? — говорю я первое, что пришло на ум.

— Эх, ты! Хлеб страшный не бывает! Огонь! Тут он, видимо, догадывается, наконец, что

я занят собственными мыслями, деликатно отстает, но ему скучно молчать, и он старается осилить скороговорку:

— Шли три попа, три Прокопья попа, три Прокопьевича, говорили про попа, про Прокопья попа, про Прокопьевича...

У него получается «прокропопья», он сердится и замолкает.

Близко к середине дня мы останавливаемся на веселой кружевной полянке, увитой вереском, и развязываем узелки — пополдничать.

— Устал, небось?

— Я-то? — смеется Ваня. — Я когда в лесу — не устаю. С мальчишками устаю — дразнятся.

Не давая Ване грустить, отвожу его мысли в сторону:

— Голый день у нас с тобой получается. Ни одного гриба.

Он смотрит на меня серыми, в прищуре, глазами, и я вдруг замечаю в них веселые и лукавые искры.

— Это как «ни одного»? А ты глянь! — он снимает с лукошка тряпочку, мы склоняемся над корзиночкой, и теперь мой черед на улыбку. Плетенка вся доверху полна груздочками, и похоже на сказку, будто в кузовок тесно-тесно насадили лесных человечков, совсем крошечных в крошечных шеломах.

— Как же это так ты сумел? Как научился такому?

— Самодумкой,— начинает он сообщать, и вдруг голос его тускнеет: — Я ведь все больше на четвереньках хожу, мне хорошо видно.





Ваня гладит мне руку, точно успокаивает, говорит тихонько:

— Ничо, мы на двоих поделим... А мне с тобой страх как весело!

— Ну, спасибо тебе за добрые слова, милый. И ты по душе мне, Ваня. А теперь пойдём. Евстафий Елизарыч по тебе, чай, соскучился, да и мне до вечера передохнуть надо.

Мы перекусываем и поворачиваем к озеру.

Иван ковыляет рядом, заглядывает мне в глаза:

— Стрелять будешь? Не стреляй. Утке, ей тоже пожить охота. А того хуже — подранок.

Я отлично понимаю Ваню, но говорю сухо-вато:

— Душу отведу. У нас в городе шумно. А в лодочке тишь. Думать хорошо, если один в озере.

— Ага,— соглашается юноша.— Я тоже когда один — про все думаю.

В избе, за обедом, Иван просит отца:

— Ты мне позволь, тятя, с дяденькой поохотиться. Он возьмет меня. Ведь возьмешь, дядя Макар?

Он меня с первой встречи зовет так, и я его не поправляю,— какая разница? Качаю головой.

— Я ж говорил... Да и папа твой беспокоиться станет. Ноги у тебя, сам знаешь...

— Так что ж — что ноги? Я руками им помо-
гаю.

— Нет, сынок,— вмешивается Измоденов.— Дяденька и от своих детей шуму натерпелся. Пушай один побудет.

— Тогда я до бережка провожу, вдруг, чо случится...

— Ах, Ваня, ничего с ним не случится. Сиди дома.

— Пойду,— крутит он головой, и его мило-видное лицо покрывается пятнами.— Не держи, тятя.

— Хорошо, сынок,— торопливо соглашается егерь.— Только не мешай гостю.

— А то как же! — повеселев, обещает Иван и спешит за мной во двор.

Вытаскиваю из багажника сборную лодку, стыкую дюралевые трубки, натягиваю прорезиненный холст и, легко вскинув суденышко на плечо, иду к озеру. Ваня тащит за собой рюкзак с припасом, ружье, и его лицо сияет от возбуждения и радости.

Отталкиваюсь от берега и некоторое время плыву вдоль суши, испытывая свой кораблик. Он необычайно легок, устойчив, и я не боюсь в свое время отпускать своего семилетнего сына Лешеньку одного в этой утлой на вид посудине.

Ваня передвигается неподалеку, тихонько про-
сит:

— Возьми, а? Мне до смерти охота.

— Нет, Ваня, лодка не выдержит. Да и случись что, мне тебя на берег не выволочь. Сердце у меня неисправное, потертое уже, потащу тебя — оно и остановится. Оба — на дно.

Он искренне изумляется:

— Пошто меня вытаскивать? Я, знаешь, как ныряю! Хошь, покажу?

— Что ты, что ты! Вода вон какая студеная. Не лето ведь.

— Ладно уж,— вздыхает Ваня.— Я за тобой погляжу, интересно. А то в воду упадешь, я тебя вытащу.

— Я плавать умею, мальчик.

Он качает головой:

— Евстафий-папка говорит: кто плавать умеет — тот и тонет. Кто не умеет — в воду не лезет.

— Ну, ладно, иди домой. Не волнуй отца.

Я отгоняю лодку от берега, веду ее мимо островков камыша, но в глубину плеса пробиться не могу. Вода густо покрыта мешаниной водорослей, они хватают лодку за днище, пудами налипают на веслах. Пытаюсь действовать одним из весел как багром, но и от этого никакого толку. После резких и частых движений жилы вдруг прихватывает спазм, в голову бьет угар, и весь мир вокруг становится рыже-багровый, вот так, как если бы тебя сунули в русскую печь.

Я стою в лодочке на коленях, хлебаю частыми глотками воздух, тоскливо слежу за сердцем — приступ или не приступ?

Наконец, немного придя в себя, завожу лодочку в камыши, усаживаюсь лицом к заре и кладу ружьецо на колени. Не к чему рисковать. Не для того сюда приехал, чтоб добывать пропитание. Тем паче, что верно говорится в народе: пока утку убьешь, быка съешь.

Смеркается. По озеру начинает слиться слабый туман, шелестят в камышах лысухи, попискивает какая-то птичка, лениво дозванивают свою песню комары.

Бесстрашно снуют по водяной глади ондатры. Мускусные крысы хорошо прижились в нашем краю, они быстро множатся, и давно уже существует ондатровый промысел. Я наблюдаю за одним из зверьков. Он подплывает к молодому рогозу, сжимает его передними лапками, и в тот же миг острые зубы подсекают стебель. В небе

появляется луна, и в ее бледных лучах золотистобурая спинка зверька переливается искрами.

И от этого — от того, что мир в тиши, и вокруг длится своя особая жизнь, и ты здесь только малая часть этой жизни — становится на душе тихо и задумчиво, и даже грустно отчего-то, правду вам говорю.

И сам собой вспоминается мне иной клочок жизни — вот такое же озерцо, лодочка-плоскодонка, и я плыву на лодочке по юности своей. А в камышах упрятаны другие челны, и там караулит свое счастье, отведя курки, знакомый мне пожилой народ.

К вечеру лодочки сплываются на прибрежный плес, и я вдруг вижу, что у меня добычи поболее, чем в тех лодочках, и даже горжусь этим обстоятельством по малому возрасту и разумению своему. И уже говорю Николаю Ефимовичу, директору издательства, взявшему меня с собой на охоту и снабдившему ружьем и припасом, разные запраские охотничьи слова: «сидка», «на крыле», «вылеток», «бокфлинт».

Только много позже я понял, что вовсе я не заправский охотник, а причина удачи — молодость, сила непобитого жизнью тела, что охота, впрочем, как война, это прежде всего труд, порой изнурительный, даже доводящий до отчаяния, и старости с ним трудно совладать.

Внезапно воздух сечет свист пуль, я весь сжимаюсь в комок, будто из этой тихой заводи кинула меня жизнь в те мои дальние, ставшие легендой и памятью войны.

«Ах, да,— чирки! — догадываюсь я.— Прозевал».

Потом в небо колом вонзаются две шилохвости, и я тоже не успеваю поднять ружье.

«Бог с ними, чего нет, того и не надо,— успокаиваю себя.— Вот разве криквы полетят жировать на поля, тогда и постреляю».

Но уток как метлою смело. Только лунную дорожку изредка пересекают ондатры. Вблизи меня, учуяв запах тревоги, они замирают, но, успокоившись, снова отправляются по своим несложным делам.

Сердце еще подергивается от спазма, руки мелко дрожат, и я решаю остаться в озере до утра. Ночь в этом малом мире чужих забот и радостей пройдет быстро, а утренняя зорька, глядишь, нанесет на меня чирков, а то и крикву или гуся-гуменника. Да и бог с ними, с утками, побить один на один с собой, без шума, без треска телефона, глядеть и слушать мирозданье — часто ли бывают у нас такие часы?

И я думаю обо всем не торопясь. И о сыне — кто и какой он будет; и о новой книге, ибо она всегда трудна, если не излагает общеизвестных правил житейской арифметики; и о Ване я тоже думаю — о человеке, почти забытом богом и людьми. Теперь он, наверно, свернулся калачиком на полатах, и ему снятся трамваи — длинные дома на колесах, в которых сидят счастливые, ученые люди.

Я уже семь дум передумал, а зорьки все нет и нет. Поздние осенние ночи — не то, что короткая полоска темноты летом, я зря надеялся, что быстро дождусь утра.

Небо опускается так низко, что его можно задеть головой. Звезды исчезают, и вдруг начинает капать дождь, он идет все пуще, и вот уже неумный дождище бьет по воде, по камышам, по лодочке. Не проходит и четверти часа, а дождь уже пробил меня до костей, и весь мир вокруг

стал скучный и даже унылый. Я бы и рад выбраться из озера, да где в такой тьмище угадать — куда плыть, где берег.

Чтобы как-нибудь убить время, я начинаю грустно подсчитывать: при таком вот ливне на каждый квадратный метр выпадает пятьдесят, а то и поболее килограммов воды. В озерце, примерно, четыре квадратных километра, значит сюда ухнет двести тысяч тонн дождя. Черт знает, что такое!

Наконец небо засиневело, на востоке расплылась узкая бледная полоска. Надо выбираться. Лодочка наполовину затоплена водой, потеряла устойчивость, как бы не уехать вместе с ней под воду. Зуб на зуб не попадет, воистину, как говорят в народе, «мерзлой роже да еще метель в глаза!»

Я разворачиваю свой утлый челн носом к берегу и, упираясь веслом в заиленное дно, пытаюсь протолкнуть суденышко через заросли камыша и трав. Пот течет по лицу, руки деревенеют от холода, потому что то и дело приходится хвататься за водоросли и подтягивать себя к берегу.

В один из таких моментов слишком резко дергаю за пучок тростника, низко сидящая лодка зачерпывает воду, становится дыбом и мгновенно идет на дно.

Меняхватило волосами о воду, обожгло холдом и сильно вытолкнуло на поверхность. Дождь уже перестал, и я слышу в серой тишине, как зло кричит какая-то птица, точно радуется, что вот чужое и непонятное существо, забредшее в ее мир, попало в беду.

Я пытаюсь пробиться на чистую воду, но водоросли все гуще и гуще обволакивают тело, я выбиваюсь из сил, точно водяной упрямо тащит меня за ноги туда, к себе.

«Кажется, все... отплавался».

И в память лезет похожий случай, когда почти вот так же выпал ночью из лодки начальник нашего радио и пошел, бедолага, ко дну, спеленутый водорослями и комбинезоном.

«Только бы сердце не сдало...»

И я уже знаю, что покидаю жизнь, что смерть схватила за волосы — не уйдешь.

Внезапно из тишины несется ко мне чей-то хриплый крик, тяжкий и диковатый, и я с трудом догадываюсь, что это мой крик, толчками рвущийся из горла.

И в тот же миг скорее чувствую, чем вижу, как с крутого, облитого жидким светом бережка, вздыбившись будто медведь, кидается в воду кто-то сильный, молодой и решительный.

Он хлещет лапами по воде, хлещет и приближается ко мне, вырастая из серого сумрака.

— Держись, дяденька... держись же! — молит он человеческим голосом, и я слушаю вымученно этот голос, роняю голову на воду.

Ваня хватает меня за волосы и куда-то тащит, и всхлипывает от напряжения, а может и от сильных чувств, переполняющих его душу.

Добарахтавшись до берега, мы уползаем с ним подальше от мелкой и злой волны и в изнеможении расплываемся на траве.

Ваня справляется с усталостью быстрее моего, разжигает костерок и, грея над ним огромные серые ладони, бросает без укоризны:

— Говорил же тебе: не надо в озеро. Это не игра, что спина мокра.

Поеживаясь, я спрашиваю Ивана:

— Ну, как же ты решился? Страшно, чай, было?

— Страшно,— соглашается он.— Но это ничо. Коли б ты помер — я б на всю жизнь испугался. А так — что ж? — одна минута.

— Зачем всю ночь на берегу просидел? — корю я его не по душе, а для порядка.— Отцу-то каково было маяться?

— А ты тятю ничо не говори, он и не осердится.

Он задумчиво смотрит на меня, молча шевелит губами.

— Ты что?

— А вот спросить тебя хочу, чо оно такое — любовь?

Он смотрит на меня смущенным, робким взглядом, и я понимаю: он никогда бы не задал такой вопрос, если бы не чувствовал моего чрезвычайного расположения к нему.

— Любовь? Что тебе сказать, я и сам толком не знаю. Это когда мужчина тянется к женщине, а она к нему.

— А-а...— его взгляд тускнеет.— Тогда не любовь.

— О чем ты?

— Мне одна тетенька нравится, глаза у нее синие, как небо в иное ведро. Да только она вовсе меня не замечает.

— Знаешь, что я тебе скажу, Ваня, как мужик мужику? Нечего на тех баб глядеть, какие на нас не глядят. Тыфу на них!..

— И верно,— уныло соглашается он.— Только ведь на меня никто не глядит...

Я спешу переменить тему, мы говорим о грибах, о птицах, о радостях и бедах того трепетного и кричащего мира, который окружает этого юношу с умом и душою ребенка.

Меня удивляют его верные суждения о самых малых делах природы, и я ему говорю об этом.

— Я ведь всегда — с муравьишками да с травками,— сообщает он, помаргивая добрыми глазами.— Они мне друзья, да вот еще ты с тятюю.

Внезапно он порывается идти в воду, чтобы достать лодку и все, что ушло с ней на дно.

— Не надо, Ваня,— прошу я.— Вот оклемаюсь маленько и достану. Вечером, а то и завтра.

Он соглашается. Мы уже обсохли и отправляемся домой.

Ваня попрыгивает по мокрой от росы траве, роняет короткие фразы, и я чувствую в его тоне радость и, может быть, впервые — веру в себя.

— А-а, полуночники явились! — говорит нам Евстафий Елизарович на пороге избы.— А ружье где?

— В лодке оставили, никто его не возьмет.

Егерь бросает на меня чуть приметный взгляд и в смущении теревит бородавку.

— А, ну да, понятно...

Я понимаю его смущение. Ружье, конечно, никуда не денется, но ведь и захватить его с собой не было никакого труда.

— Одежка на вас больно мятая, в потехах вон вся.

— Погода ночью разненастилась, тятя,— то-ропливо говорит Ваня.— Помокли мы с дядей Макаром.

— Ну, ладно, ладно... Покушайте да и спите себе. После такой ночки хорошо спится.

Мне кажется, старый егерь все отлично понимает, но по деликатности своей не хочетсыпать мне рану солью.

Пока мы едим, Ваня говорит отцу:

— Мы, тятя, с дяденькой на сеновал полезем. Страсть как люблю на сушеной травке спать. Мне тогда красные и синие сны снятся.

— Что ж, ползайте, сынок.

Мы устраиваемся на сеновале, Ваня долго ворочается, наконец не выдерживает и говорит:

— А я — хитрый, дяденька Макара. Я не зря сюда залез.

— Зачем же?

— Как же? За тобой должок.

— Какой?

— Я тебе давеча загадки загадывал. Теперь твой черед.

— А-а... Ну, хорошо.

Я насочинял сыну Лешке массу сказок — про Синюю Бороду, и про Али-Бабу, и про голубей, говорящих по-человечьи. И мне не составляет никакого труда пересказать их Ване.

Он глядит на меня широко открытыми глазами, хлопает себя руками по искалеченным ногам, ахает и даже тайком утирает слезы.

Но события прошедшей ночи и усталость делают свое дело, и я засыпаю, не досказав третьей или четвертой сказки.

Просыпаюсь оттого, что Ваня трясет меня за плечо, говорит, улыбаясь значительно:

— Ну, и мастак ты спать, дядя. Вечер уже. Солнышко за лес западает.

Я встаю, спускаюсь во двор и вижу, что у сарайки сушится сборная лодочка; и весь припас аккуратно разложен рядом, чтоб тоже просох; а на прясле висит протертый и даже смазанный густым маслом мой старый, выдавший виды «Зауэр».

Ваня попрыгивает рядом, заглядывает мне в глаза, и я тихонько говорю ему:

— Спасибо, сынок. Очень большое спасибо за все.

— Вот еще! — возражает Ваня для порядка, и я чувствую, что он счастлив, как только может быть счастлив добрый и несчастный человек.

Вечером снова залезаем на сеновал, говорим о разной разности чуть не до полночи, чрезвычайно довольные друг другом.

Потом ложимся рядком, накрываемся шинелью и в ту же секунду засыпаем счастливым бездумным сном.



Что мы знаем?



В 1961 году в Чили произошло катастрофическое землетрясение, изменившее облик почти половины страны. Изменился рельеф республики, в некоторых местах загрохотали вулканы... В то время газеты писали, что индейцы, живущие на севере республики Чили, пытались звуками барабана испугать злых духов, молили о пощаде, просили, чтобы боги остановили катастрофу, но боги остались глухи.

Через четырнадцать часов после первого толчка в Чили почва в Москве сместилась примерно на полтора миллиметра. Это смещение было зарегистрировано специальной сейсмической станцией — по земному шару пробежала зыбь. Что рассказала эта зыбь геофизикам?

На своем пути сейсмические волны испытывают неоднократное преломление, и к нам доходит уже не один сигнал, а целый каскад преломленных и отраженных от различных слоев Земли.

Каждый сигнал сейчас же находит свое отражение в расчетах, которые проводятся специалистами, и данные, записанные сейсмографами, рассказывают о внутренних зонах Земли. Оказывается, земная кора на материках и в океанах имеет различное строение. Выяснилось также, что поверхностная зона Земли имеет очень небольшую толщину в океане, примерно около пяти-десяти километров. На континентах же земная кора толщиной до семидесяти километров. Причем в разных местах — разная: под Москвой, на Урале, на Кольском полуострове толщина земной коры достигает сорока километров, зато на островах в Тихом океане — всего лишь пяти-восьми.

Сейсмические данные показывают, что земная кора имеет неоднородный состав. Чаще всего она напоминает трехслойный пирог: верхний слой со-

стоит из осадочных пород — этот слой достаточно хорошо изучен с помощью буровых скважин; второй слой по своим свойствам близок к гранитам, третий — аналогичен базальтам. Граница между вторым и третьим слоем получила название раздела Конрада — в честь немецкого геофизика, описавшего его.

Ниже земной коры скорости сейсмических волн начинают возрастать. Здесь расположен новый крупный раздел, получивший имя Мохоровичича — югославского ученого.

А ниже располагается мантия Земли, вещества которой никто никогда не видел. Еще глубже — земное ядро, состоящее, как предполагали, из железа и никеля. В нем скорости сейсмических волн замедляются, а так называемые поперечные волны затухают.

Жидкость тверже стали



Сейсмологи говорят: внутри Земли нет эксцентрических зон. Все поверхности, которые ограничивают мантию и ядро, очень строго повторяют контуры поверхности земной коры, все они расположены концентрично вокруг общего центра. Если говорить образно, то внутреннее строение Земли рисуется чем-то вроде матрешки. Откроешь одну матрешку, а там вторая, точная копия первой; откроешь эту, вторую, а там, внутри, — третья, четвертая и так далее, и каждая полностью повторяет самую большую матрешку. Из чего же состоят эти «матрешки»?

Когда проходили сверхглубокие шахты, то установили, что в среднем при погружении вглубь на 33 метра температура повышается на один градус. Некоторые ученые сразу же подсчитали, что будет, если температура и глубже повышается по этому закону. Оказалось, что в этом случае ядро должно быть нагрето до 200 тысяч градусов! При таких условиях ядро будет не железным, а газовым. Но если бы вещество ядра действительно находилось в таком состоянии, то наша планета давным-давно бы взорвалась.

Тогда некоторые ученые стали говорить, о том, что внутри Земли температура повышается, но не беспредельно. Называли разные цифры: одни говорили, что ядро планеты нагрето до десяти тысяч градусов, другие называли три-четыре тысячи градусов. Но здесь возникло новое несоответствие. Металлурги хорошо знают так называемую точку Кюри, соответствующую 720 градусам, выше этой температуры железо теряет магнитные свойства. Значит, если железный сердечник Земли нагрет до десяти тысяч градусов, то он не может обладать магнитными свойствами. Но магнетизм все-таки существует. Значит, приходится не соглашаться ни с теорией железного сердечника, ни с теорией газового, ни с целым рядом других предположений.

Только после того, как человечество, вступив в атомную эру, стало открывать все новые и но-

вые законы, стали понятными и условия существования горных пород внутри Земли. По расчетным данным, давление в центре земного шара достигает трех миллионов атмосфер. При таком давлении верхние электронные оболочки атомов могут быть сорваны, а без электронов любое вещество приобретает металлические свойства. И на смену представлению о сплошном железном сердечнике пришла гипотеза о том, что металлические свойства вещества внутри Земли могут объясняться ионизированным состоянием атомов.

Если мы ту же самую атомную гипотезу начнем проверять экспериментально, то окажется, что уже при давлении в сто тысяч атмосфер происходит срыв верхней электронной оболочки атомов. Эта катастрофа не раз приводила к взрывам тех аппаратов, с помощью которых достигались такие условия. На какой глубине может возникнуть подобное давление? Оказывается, для глубины порядка 400—800 километров от поверхности Земли. В этом интервале глубин действительно довольно часто происходят резкие взрывы, резкие сотрясения. Это зоны так называемых глубокофокусных землетрясений, и не исключена возможность, что они связаны именно с необычным состоянием вещества.

Глубже расположена зона абсолютного покоя. И эксперименты показали, что если мы перешагнем рубеж в 100 тысяч атмосфер и еще больше повысим давление, то взрывы прекращаются. Значит, экспериментальные данные как будто бы подтверждают гипотезу о существовании холодных зон внутри Земли. Но и в этом случае мы оперируем только гипотезами, которые могут быть проверены наиболее строго только одним путем — бурением сверхглубоких скважин.

Осколок тайны



вот в 1957 году в городе Торонто, на Международной ассамблее геодезического и географического Союза, ученые США выступили с предложением бурить скважины через всю толщу земной коры. Проект бурения сверхглубоких скважин получил название «проекта Мохол» — в честь югославского геофизика Моховичича.

По проекту, выставленному на обозрение в 1959 году в Нью-Йорке на Океанографическом конгрессе, следовало, что американцы собираются пробурить две опытные буровые скважины: одну в районе острова Гуаделупе в Тихом океане, другую — около Пуэрто-Рико, в Атлантическом.

Перед бурением в местах будущих скважин сейсмическими исследованиями было установлено, что у острова Гуаделупе, под четырехкилометровой толщей океана, всего сто пятьдесят метров рыхлых осадков. Ниже скважина должна была врезаться в твердые породы базальтового слоя земной коры. Они располагаются здесь до глубины 9,5 километра от поверхности океана. То есть, земная кора имеет здесь толщину всего лишь в пять с половиной километров! Ниже лежит таинственная мангя.

В 1961 году американцы начали осуществление своего проекта. К марту 1961 года они пробурили первые 186 метров океанского дна. Это была победа, но в то же время и неудача. Победа в том отношении, что до настоящего времени никто еще не доставал куски горной породы с та-

САМОПЫТЫ СООБЩАЮТ · САМОПЫТЫ СООБЩАЮТ

РЕЛИКВИЯ СЕЛА МИЯГИ

СТРАНА готовилась отметить седьмую годовщину Октября. Как-то в октябре Надежда Константиновна Крупская разбирала почту. Внимание привлек самодельный конверт, адрес, написанный детской рукой, почтовый штампель «Тюмень».

«Дорогая тетенька, поздравляем Вас с седьмой годовщиной Совласти, жалко, что нет дедушки Владимира Ильича. Многое сделано им для бедных людей. Нам все это рассказывал наш Александр Архипович на занятиях. Милая тетенька, приезжайте к нам в гости. Школа у нас плохая, прошлый год только построили. Живем бедно. Пришлите нам для школы портрет В. И.

Ленина. Ученики Миягинской школы».

Мияги — бывшая вотчина тюменского купца Логинова — деревушка среди озер и болот. Его охотничий домик, как только пришла Советская власть, был перевезен и превращен в школу. Совсем маленькая, она, однако, открыла ребятам деревни дорогу в большую жизнь.

Крупская не знала Мияг, но хорошо помнила Сибирь и ответила так:

«Дорогие мои ребята! Спасибо вам за письмо. Поплакала я, его читая. Спасибо за ласку, за то, что зовете в гости. Буквари, тетрадки и Красную Зорьку высылаю. Портрет тоже. Насчет денег

на школу хлопочу. Учителю своему кланяйтесь, скажите ему, что я ему крепко жму руку.

Если когда захотите мне написать, напишите, рада буду вашему письму.

Владимиру Ильичу пуще всего хотелось, чтобы ребята росли коммунистами.

Прощайте, ребята милые. Еще раз спасибо за письмо. Ваша Н. К. Крупская».

С тех пор прошло более сорока лет. Нет в живых Надежды Константиновны. Разлетелись питомцы школы, писавшие ей. Но сохранилась деревня Мияги — центр сельсовета, пристанционный поселок строящейся железной дороги Тюмень—Сургут. Есть в ней большая просторная школа-интернат. А в ней хранится письмо школьников Надежде Константиновне Крупской и ее ответ.

Ю. РЯБОВ

кой глубины. Эти 186 метров были пробурены на глубине в 3,5 километра. Бурили с незакоренно-го плота, который удерживался на месте специальными устройствами — они должны были обеспечить неподвижность плота даже в шторм.

Первые метры были пробурены довольно быстро, но когда подняли с большой глубины керн — кусочек горной породы, то вновь попасть в эту же скважину не удалось, и бурение пришлось прекратить. В этом и заключалась неудача.

Несколько слов о том, что достали с этой глубины. Американцы, разбив керн, подарили отдельные его куски различным академиям мира. Один из таких кусков был получен и нашей Академией наук. Анализ, сделанный геологами, показал, что эта порода представляет так называемый авгитовый базальт, или, скорее, диабаз плотностью около трех единиц, то есть не выше средней плотности земной коры. В этом базальте было довольно большое количество окисла кремния — почти половина, значительное количество окислов натрия, калия; словом, это был обычный, ничем не отличающийся от поверхностных, базальт или диабаз.

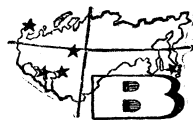
Интересными были данные по определению возраста этой породы. Оказалось, что она сравнительно молода, ей 212 миллионов лет. Изучение породы такого возраста сразу же дало много поводов для размышлений. В свое время немецкий ученый Штауб выдвинул гипотезу о том, что около двух миллиардов лет тому назад из зоны Тихого океана была вырвана наша Луна, и эту «рану» залечило расплавленное огненно-жидкое вещество. На месте «раны» создалась геологическая впадина, которая позднее была заполнена водой Тихого океана.

Гуаделупский керн окончательно похоронил гипотезу Штауба: жидкая масса под Тихим океаном формировалась не два миллиарда лет тому назад, а всего лишь 212 миллионов.

Столь же неудачной была попытка бурения скважины и в районе Пуэрто-Рико, где скважина была потеряна после бури, сместившей плот не смотря на все хитроумные приспособления.

Неудача у острова Гуаделупе и Пуэрто-Рико заставила американских ученых разрабатывать новые проекты; в настоящее время они намереваются пробурить земную кору в районе Гавайских островов. Теперь предполагают поставить высокую буровую вышку на четыре подводных лодки, погруженных на глубину 30 метров, где никогда не бывает волнения.

Пять точек на карте



В 1962 году в нашей стране было решено пробурить пять сверхглубоких скважин, каждая из которых должна достигнуть глубины около 15—18 километров. Их предполагается бурить в следующих местах: на Кольском полуострове, в Прикаспийской низменности, на Кавказе, на Урале и в зоне Курильских островов. Первые четыре пройдут только верхнюю и среднюю часть земной коры, и лишь Курильская должна врезаться в мантию Земли. Почему именно в этих местах?

В 1951 году на апатитовом руднике в районе города Кировска произошло событие, которое

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ · СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

КЕДРЫ НА РОДИНЕ ИЛЬИЧА

В ПЕРВЫЕ своих «земляков» — кедров сибирских — уральский лесовод Михаил Филиппович Петров встретил на берегах Волги в 1934 году. Толгская монастырская роща, заложенная еще при Иване Грозном, раскинулась выше города Ярославля. Четырехсотлетние великаны буквально околдовали Михаила Филипповича. И уже тогда родилась у него мечта — насадить кедровые леса на родине Ильича.

Только через 33 года удалось лесоводу снова приехать на берега Волги. Но этой поездке предшествовало его письмо, напечатанное в газете «Ульяновская правда» 19 марта 1967 года.

«Уважаемая редакция «Ульяновской правды»! Недавно в газете «Известия» я прочитал об обязательствах ульяновцев в честь 50-летия Советской власти, о той работе, которая ведется в области к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Со своей стороны мне хотелось бы внести свой вклад. Предлагаю осуществить массовую посадку сибирского кедра в Ульяновской области. Многие годы я занимаюсь изучением и разведением кедровых лесов. Я готов весной этого года провести семинар среди лесоводов вашей области и лично принять участие в закладке кедровых участков. Необходимый посадочный и

посевной материал я уже подготовил».

А в конце апреля Михаил Филиппович Петров приехал в Ульяновск. Приехал не с пустыми руками: привез землякам Ильича две тысячи трехлетних саженцев кедра и двадцать килограммов отборных, подготовленных к посадке кедровых орехов. Их он собирал специально для ульяновцев в экспедиции осенью 1966 года.

Уральский лесовод помог заложить на семена еще тонну орехов. В 1970 году — 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина — местный лесхоз даст несколько миллионов трехлетних саженцев кедра. А во дворе Дома-музея В. И. Ленина появились молодые кедры, высаженные самим Петровым.

К 100-летию со дня рождения Ильича ульяновцы задумали озеленить берега Свягия и Волжского водохранилища, они

привлекло внимание ученых. Событие это началось довольно буднично. Бригадир группы рабочих услышал, что из трещины в породе с довольно сильным свистом идет газ. В это время к нему подошли двое рабочих. Бригадир поделился с ними своим наблюдением, и рабочие сказали: «Давай подождем». Зажгли спичку, мгновенно раздался взрыв, и рабочих и бригадира увезли без сознания. Хорошо, что катастрофа закончилась без жертв: сильно обожженные рабочие и бригадир выжили и рассказали о том, что здесь было. Затем такая же история повторилась в 1954 году. После этого ученому Кольского филиала Академии наук И. А. Петерсилье было предложено заняться изучением вопроса о том, откуда здесь, на Кольском полуострове, где выходят главным образом породы, сформировавшиеся из огненно-жидкой магмы, появились углеводороды, которые взрываются и горят.

К 1963 году стало ясно, что на глубине, видимо, еще есть участки пород, в которых когда-то образовались углеводы. Именно из них на поверхность может идти газ. А если здесь есть горючий газ, то не исключена возможность, что могут быть и породы, содержащие нефть. Промышленность Кольского полуострова настолько сильно развита, что ей уже не хватает энергии. А что, если Кольский полуостров стоит на «океанах» нефти, что, если в его недрах содержится горючий газ, который может дать не только дешевую энергию, но и способствовать развитию большой химии?

Другая скважина — в Прикаспийской низменности. Здесь в первую очередь должен быть решен вопрос о нефтеносности глубинных пород.

До 1962 года все было просто. Гипотеза органического происхождения нефти была ведущей, ее в свое время высказал академик И. М. Губкин, и казалось, что все факты подтверждают эту гипотезу. Но вот в 1962 году в районе поселка Марково, к северу от Иркутска, была пробурена скважина, давшая необычный по мощности выброс легкой бензиновой нефти. Нефть с такими свойствами и качествами, которые говорили о ее неорганическом происхождении. И марковская скважина не единственная. Во многих участках земного шара, в породах, в которых, казалось бы, не должно быть даже следов нефти, она была найдена. В свое время такие находки объясняли тем, что через поры и пустоты в эти зоны проникла и накопилась там нефть обычного, органического происхождения. Но марковская скважина заставила всех ученых глубоко задуматься: быть может, нефть и нефтеносные месторождения имеют в отдельных случаях происхождение, связанное не с органической жизнью, а с глубинными породами? Ведь углеводороды, из которых состоит нефть, обнаружены и в метеоритах, и в спектрах далеких планет. Так почему же этим углеводородам не накопиться в глубоких слоях земной коры или даже под земной корой, в зоне мантии?

Скважина, которую будут бурить на территории Прикаспийской низменности, должна ответить на этот вопрос. Она должна сказать, как глубоко нужно ориентировать буровую скважину, чтобы получить нефть.

Есть на Кавказе, на стыке Муганской и Мильской степей, в долине реки Аракса, местечко Карадонлы. Геофизики рассказывают, что здесь ближе всего к поверхности подходит базальтовый

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ • СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

мечтают создать в городах и селах области кедровые рощи, сады, парки, скверы.

Свою помощь для посадки кедра предлагают специалисты леса, учителя, рабочие, пенсионеры и, конечно же, школьники. Они хотят вырастить около своих школ кедровые питомники.

Ребята надеются, что для этого им, на родину Ильича, уральские и сибирские следопыты отправят не одну тысячу кедровых дичков.

Е. КОНСТАНТИНОВА

ЛЕНИНСКАЯ МЕДАЛЬ

ЛЕНИНСКАЯ скромность известна всем. История сохранила нам очень мало прижизненных его изображений на марках, медалях, жетонах. Поэтому интерес вызывает каждая находка.

Один из жетонов с изображением В. И. Ленина, выпущенный к первой годовщине Октября, имеется в собрании ленинградского коллекционера Н. Г. Супрунова. Это небольшая по форме медаль (диаметр 28 мм) выполнена из желтой меди. Подаривший ее коллекционеру ветеран гражданской войны рассказы-

вает, что такие медали чеканились в Поволжье, когда страна еще не имела орденских знаков, и вручались особо отличившимся командирам и бойцам.

На медали — портрет Ильича, выполнен он, вероятно, с известных в то время фотографий Оцуа. Под портретом подпись: «В. И. Ленин (Ульянов)». На оборотной стороне слова: «Да здравствует свобода великого трудового народа. 25-го окт. 1917 г.»

Но вот недавно, просматривая коллекцию инженера-проектировщика Магнитогорского ме-

таллургического комбината Ивана Степановича Мелешко, я обратил внимание на другую памятную ленинскую медаль. Чем-то она напоминала описанную в литературе медаль из коллекции ленинградца Супрунова. Однако более внимательный осмотр заставил сделать вывод, что это совершенно самостоятельный экземпляр. На лицевой стороне медали тоже изображение В. И. Ленина. Подпись короче — только одно: «Ленин». Вверху — «1917—1919 гг.» (Значит, медаль выпущена к двухлетию Октября). На оборотной стороне текст: «Да здравствует власть рабочих и крестьян».

Размер медали 28 миллиметров, по форме, материалу, манере исполнения эта медаль сильно походит на ту, что есть в коллекции ленинградского собирателя. Чувствуется, что работал над медалью один и тот же гравёр, так что вполне вероятно, что и эта медаль чеканена в Поволжье.

А. МИЛЬ

слой, и ученым крайне важно добраться до той зоны, которая лежит в основе земной коры.

Еще больше вопросов стоит перед Уральской скважиной. Урал — это область скопления разнообразного рода минералов, полезных ископаемых, и нам важно узнать, как выглядят корни этих рудных залежей.

И, наконец, Курильская скважина. Она должна пройти всю толщу земной коры. Скважина будет заложена на одном из Курильских островов, на твердом основании, и это даст возможность вынуть керн и пробурить всю толщу земной коры, несмотря на то, что здесь она немного больше, чем в зоне острова Гуаделупе. Что мы встретим в этой скважине — пока почти невозможно представить. Может быть, здесь будут корни вулкана, может быть вещество, которое мы здесь вскроем, окажется совершенно необычным. Курильская скважина даст ответ на многие очень важные для науки вопросы, в том числе и на вопросы о возрасте древнейших пород Земли.

Чем „уколоть“ мантию?



При глубинном бурении возникают совершенно новые трудности. Как происходит процесс бурения? Если понадобится извлечь керн, то надо будет с поверхности заставить вращаться рабочую часть, расположенную на глубине десяти-пятнадцати километров, а потом всю колонну извлечь. Это очень сложная задача. А что будет на глубине восемнадцати километров, где температуры могут значительно превысить семьсот градусов? В этом случае мы не можем передать воду, которая вращает турбобур, потому что она при такой температуре не только превращается в пар, но и разлагается на ионы водорода и кислорода. Вода на этой глубине не может существовать, а если нет воды, то как заставить работать насос турбобура?

Как известно, в буровых насосах есть целый ряд резиновых прокладок. Что станет с резиной, когда будут качать воду, имеющую громадную температуру?

И, наконец, если даже обойтись без воды, а предположим, накачивать туда воздух или передавать электроэнергию, то останется другая проблема: сама колонна труб или тех частей, тех канатов, которые связывают поверхность с глубиной, будет иметь такой вес, что она порвется от собственной тяжести.

А как решить проблему резания горных пород? Ну, предположим, мы можем сделать рабочую колонку алмазной или даже из боразона. Боразон — вещество более твердое, чем алмаз, но и этого мало для таких глубин. Надо создавать какой-то сверхрежущий инструмент, который легко резал бы очень плотные породы, ведь расчеты показывают невероятную твердость мантии!

Эти и тысячи других вопросов нужно решить конструкторам, которые будут проектировать и изготавливать станки для бурения на глубину 15—20 километров. Уже изготовлены станки, которые пробурят опытные скважины в Прикаспийской низменности до глубины в 10 километров. Они сделаны на Уралмаше, но 10 километров — это только первый шаг к тем глубинам, которые должны быть достигнуты при сверхглубоком бурении.

И вдруг...



Представим себе, что прошло несколько лет. Курильская скважина подошла к мантии. Геофизические данные показывают, что до вскрытия рубежа Мохоровичича остались считанные метры.

Долгожданный день наступил. Все люди ушли в специальные укрытия. Буровую переключили на автомат. Настала тишина. Только голос диктора предупреждает по радио об оставшихся метрах.

И вдруг... в небо взметнулся огненный вихрь! Сметены и искорежены ажурные фермы буровой вышки. Столб огня и дыма взлетел на многие километры. Скважина мгновенно превратилась в вулкан. Вещество мантии, находившееся под чудовищным давлением, превратилось в магму.

Но может случиться и иначе.

При подходе к разделу Мохоровичича температура упала почти до абсолютного нуля. Вот почему возникают магнитные аномалии, вот чем объясним земной магнетизм! Ток, пущенный в такой среде, образует своеобразный соленоид. Этот «соленоид» и обеспечивает электромагнетизм Земли.

Может случиться и так, что в одной из скважин исследователи встретятся со свечением, сходным с огнями Эльма. Обычно оно достигает до 30 тысяч вольт на сантиметр, но здесь встретилось что-то необычное. Напряжение исчислялось миллионами вольт на сантиметр! Такой земной генератор может стать неиссякаемым источником электроэнергии.

А может быть, одна из сверхглубинных скважин завершится выбросом сверхтвердого вещества? Такое вещество может легко резать все, даже алмаз. Это вещество мантии Земли может сделать переворот в технике.

Можно без конца фантазировать и говорить о необъятных запасах твердой нефти, встреченной на глубине, о новых видах полезных ископаемых, обнаруженных там...

Ясно лишь одно, что бурение сверхглубоких скважин открывает перед нами новые грандиозные перспективы.

А. МАЛАХОВ,
профессор Свердловского института
народного хозяйства.



СЕМЬЯ ЭНТУЗИАСТОВ

Скромный двухэтажный дом, что стоит в городе Кунгуре по улице Детской под номером 37, был полон гостей. На юбилей (да еще какой — столетие со дня рождения!) Екатерины Филипповны Голдобинои съехались ее дети, внуки, правнуки, праправнуки, близкие, родные. Пришли поздравить виновницу торжества и многочисленные знакомые.

Славное столетие русской трудолюбивой женщины, матери, воспитавшей пятнадцать детей! Дочь рабочего, она восемнадцати лет вышла замуж и попала в рабочую же семью. Вместе с мужем, Федором Михайловичем, долго трудилась на кожзаводе и одновременно воспитывала детей.

В доме Голдобиных, — вспоминают старые знакомые, — всегда царили чистота, уют, порядок. К ним было любо зайти. По вечерам все заняты каким-нибудь делом: кто учил уроки, кто занимался рукоделием, кто фотографией, кто мастерил что-то. Зато и дети выросли такими, что ими по праву может гордиться мать.

Старшая дочь, Ольга Федоровна, — одна из первых в Кунгуре девушек участниц революцион-

ного движения. Младшая, Миллица, — первая советская рекордсменка мира по прыжкам с шестом. Старший сын, Михаил, — видный инженер-металлург, сподвижник академика Бардина, изобретатель машины непрерывной разливки стали с накладным движущимся кристаллизатором. Лоллий, коммунист с 1919 года, — первый уральский механик по тракторам, народный умелец, известный спортсмен двадцатых годов. Леонид был организатором первых кунгурских курсов автодела, первый автомеханик и шофер, мастер на все руки, тоже спортсмен. Владимир — бессменный главный механик кунгурского кожзавода и тоже спортсмен. Валентина была первым инструктором физкультуры в школах и первой пионервожатой Кунгура. В 20-х годах она брала призы в легкоатлетических соревнованиях по многоборью и по конькам. К тому же, она — шофер первого класса. Младший сын, Вениамин, — тоже легкоатлет, турист, рыболов, он член президиума Федерации спортивного рыболовства. Несмотря на пенсионный возраст, он и сейчас читает лекции туристам, руководит группой юных фотолюбителей, учит мо-

лодых лыжников, часто бывает судьей спортивных состязаний.

Все дети Екатерины Филипповны энтузиасты. Лолию Федоровичу 77 лет, а он до сих пор каждое лето ведет в пионерских лагерях кружок «Умелые руки», учит ребят фотodelу, помогает в работе местного музея. Валентине Федоровне 64 года, а у нее уйма «нагрузок» — она парторг, организатор детской библиотеки, душа хора ветеранов труда, пропагандист конькобежного спорта. До сих пор она катается на коньках, занимается спортом и физическим трудом.

Всю свою сознательную жизнь сама Екатерина Филипповна прожила в том же доме, где нынче справлялся ее юбилей. В дореволюционное время на втором этаже этого дома с согласия Голдобинных была организована школа. Вместо тетрадей по бедности писали заостренными палочками на мелком белом песке, насыпанном в ящички. С сентября 1896 года здесь жил организатор Кунгурского марксистского кружка и группы РСДРП восемнадцатилетний студент технического училища Евгений Петрович Поморцев. Он со своими единомышленниками вел подготовку к проведению первой в Кунгуре маевки. Племянник Екатерины Филипповны Александр Григорьевич Голдобин разносил по квартирам рабочих извещения о маевке. Она состоялась в лесу. О маевке знали все взрослые в доме, а дочь Ольга и сын Михаил помогали в подготовке ее.

В доме Голдобинных хранилось оружие и нелегальная литература, в связи с этим часто бывали обыски. Лолию Федоровичу не раз приходилось перевозить через Сылву под покровом ночи «хороших друзей» Александра и Ольги — рабочих-революционеров. Про дом Голдобинных в Кунгуре шла «плохая» слава. А бывшую улицу Фроловскую, на которой стоял этот дом, прозвали Политикантской. Теперь одна из улиц города носит имя Голдобина.

Много разных воспоминаний выслушали в тот день люди, собравшиеся отметить славный юбилей матери большой трудовой семьи.

П. ТОЛСТИКОВ

РАССКАЗЫ О ЗНАЧКАХ

У московского инженера, мастера спорта Михаила Азарха — громадная коллекция значков. Заядлый турист, побывавший во всех краях нашей страны, на многих туристских слетах и соревнованиях, он не упускал случая приобрести для своего собрания новый памятный значок, эмблему, сувенир. Сейчас у него более 4 тысяч туристских и альпинистских значков, брелоков, вымпелов, набивок на альпенштоки, около тысячи нарукавных спортивных эмблем. А за каждым из экспонатов — своя история. Порой очень любопытная и поучительная.

Вот значки первых наших туристских клубов — «Русского горного общества» (1900 г.) и «Российского общества туристов», возникшего еще в конце прошлого века. За ними — история русского туризма.

Значки международных туристских слетов рассказывают о дружбе следопытов разных стран. А значок «Европа — Азия» — о традиционном слете туристов у обелиска на перевале через Уральский хребет.

Вот значки туристских клубов, тут много и наших, уральских: тагильский «Азимут», свердловский «Факел» и другие.

Интересны самодельные значки, значки «с юморком» (какой же турист без чувства юмора!).

О своей коллекции и об истории ее отдельных экспонатов М. Азарх писал в 1962 г. в журнале «Уральский следопыт». Теперь его рассказы о значках вышли отдельной книгой*.

Книга получилась интересной и поучительной. Жаль только, что в ней немало досадных ошибок. Так, УОЛЕ (Уральское общество любителей естествознания) названо отделением никогда не существовавшего общероссийского Общества любителей естествознания. Сторожевая «Лисья башня» в Нижнем Тагиле названа «церкваушкой», альпеншток в руках следопыта на значке журнала — геологическим молотком и т. д. Искажены даже слова известной пионерской песни о картошке. Не говоря уже о мелких ошибках и опечатках вроде перепутанных инициалов академика А. Е. Ферсмана.

* М. Азарх. Туристские значки рассказывают. Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск. 1966. 114 стр. тир. 9000, цена 42 к.



Гравюра Н. Никулиной

НЕОБХОДИМО ПРОВЕРИТЬ!

Советы
следопыту

На лесной поляне, у седого утеса, в долине речки и на крутом склоне — везде вы встретите бабочек, то синих, то бурых, то зеленоватых. Думаю, что не раз вы восторгались желтым махаоном, удивлялись красоте павлиньего глаза и... поражались тем опустошениям, которые приносит лесу боярышница.

Жаркий день. У прохладного горного ручья дышится легче. И так приятно освободить плечи от рюкзака, взять в руки сачок и начать охоту. В воздухе промелькнула пестрая бабочка. Бросившись за ней, вы забыли и о жаре, и об острых камнях под ногами, и о колючем кустарнике.

Удача! Бабочка в сачке! Теперь можно рассмотреть ее.

Четыре крыла, шесть ног, только передние почему-то совсем маленькие, на голове большие глаза, длинные усики с булавой на конце, а снизу какая-то «спиралька». Возьмите травинку и попробуйте расправить эту «спиральку» — она раскрутится. Перед вами хоботок бабочки — все, что осталось от некогда грызущего ротового аппарата.

Как и все на земле, бабочки прошли длинный путь развития. Но когда наш далекий предок взял в руки камень и палку, начал учиться говорить — эти насекомые уже мало отличались от современных. Человек боролся с превратностями судьбы, совершенствовал орудия труда, пытался разбраться в полезных для себя растениях. У бабочек в это время продолжал изменяться ротовой аппарат, все более приспосабливаясь к питанию нектаром цветов. А гусеницы начали поедать цветы, листья и корни тех растений, которые возделывал человек.

Они разные, бабочки. Среди них есть карлики и великаны. Крупные чаще попадают нам. Это все дневные бабочки (или булавоусые чешуекрылые). Сколько их? На территории Советского Союза более 500 видов, на территории Урала...

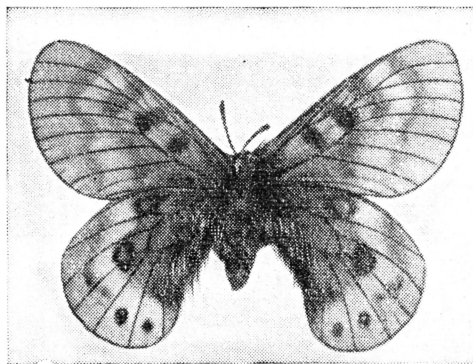
Давайте проверять, собирать материал и на Южном, и на Среднем, и на Северном Урале. Для этого нужно совсем немного.

Прежде всего сачок. Сделать его можно из тюля с мелкими ячейками или из марли. Разделите материю так, как показано на рисунке. Сшейте по полукруглым линиям и сбоку. Полученный мешок пришейте к обручу и прикрепите к палке диаметром 2 сантиметра и длиной 1,2—1,5 метра. Обруч (лучше из полустальной проволоки диаметром 2—3 миллиметра) должен быть хоро-

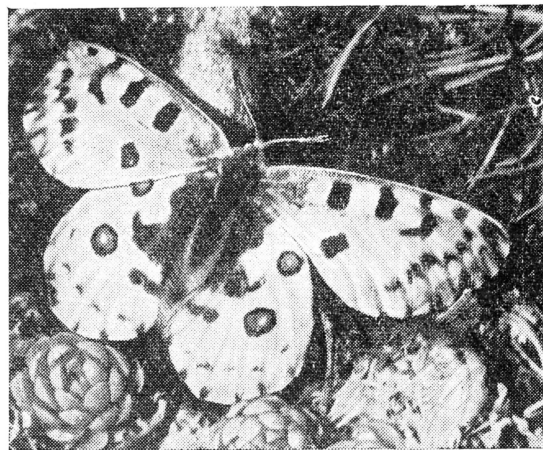
шо заправлен на палке. Закрепите его мягкой проволокой, а затем изоляционной лентой.

Главное орудие готово. Осталось найти пинцет, лучше всего глазной, сделать пакетики из бумаги и ватные матрасики. Для пакетиков необходима бумага, хорошо пропускающая влагу, например газетная. Листок согните поперек так, чтобы совместились два противоположных угла, и загните края. Получился треугольник — временное пристанище для пойманной бабочки.

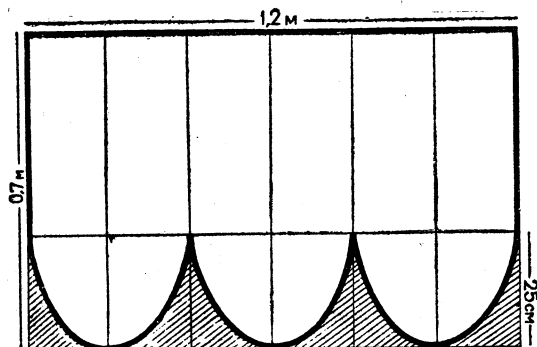
Ватный матрасик состоит из четырех частей: конверта, подкладки, ватного слоя и простынки. Для изготовления конверта нужно взять лист плотной бумаги и прочертить на нем линии, как



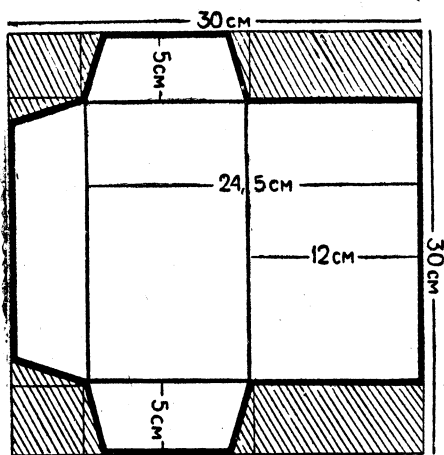
Аполлон-делосец.



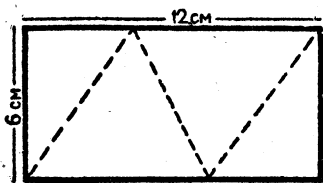
Аполлон-номийон.



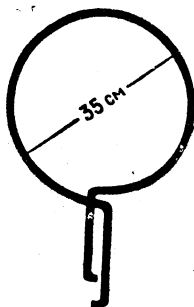
Выкройка мешка для сачка.



Выкройка пакетика,



Выкройка конверта для матрасика.



Обруч для сачка.

показано на рисунке. При пересечении линий образуется прямоугольник — дно матрасика. Осталось ножницами по имеющимся линиям отрезать участки, примыкающие к каждому из четырех углов листа бумаги. В результате со всех сторон прямоугольника — дна — получите по выступу. Загните их, закройте дно. Конверт сделан.

Подкладку и простынку вырезайте из бумаги несколько меньшего размера, чем дно конверта, причем подкладку из плотной бумаги, а простынку

из пропускной. Ватный слой, который вы поместите между подкладкой и простынкой, должен быть ровным и не превышать 2—3 миллиметров в высоту.

Поймав бабочку сачком, придавите ей грудку, осторожно, двумя пальцами, через марлю. Только после этого откройте сачок и пинцетом перенесите насекомое в пакетик. Очень важно сразу сложить крылья, только тогда бабочка хорошо сохранится. Пакетик спрячьте в прочную коробку (лучше жестяную, например из-под конфет). После окончания лова насекомых из пакетиков перенесите пинцетом на ватный слой и на простынке поставьте дату, пункт, место лова и вашу фамилию. Например: «5.6.68, окрестности Свердловска, Уктусские горы, сосновый лес, поляна, М. Иванова».

Хранить ватные матрасики необходимо в прочной коробке с хорошей крышкой. Чтобы бабочки не портились, на дно коробки положите 5—10 граммов нафталина. В коробку не должна попадать влага.

Теперь, когда вы знаете, как собирать и сохранять бабочек, продолжим наш путь.

Урал — древняя горная страна. Когда-то он входил в состав так называемой Фенно-Сарматии. О его скалы плескалось Западно-Сибирское море. На востоке оно омывало Ангариду и Гондвану.

Жили уже тогда и бабочки. Но им трудно было преодолеть море, и они не встречались между собой.

В конце третичного периода Западно-Сибирское море постепенно исчезло, на его месте образовалась Западно-Сибирская низменность. В это же время на Урал проникли некоторые виды бабочек из Ангарида. Список видов ангарской фауны для Северного Урала в 1925 году был опубликован Н. Я. Кузнецовым. С тех пор прошло много лет. Сейчас очень важно уточнить эти сведения, добыть свежий материал. И тут слово за вами, следопыты.

В коллекции нашего зоологического музея Сибирского отделения Академии наук СССР есть несколько интересных бабочек с Урала. Если судить по этикеткам, то они пойманы в тридцатых годах около Свердловска и Невьянска, но относятся к виду парусник-делосец, свойственному Средней и Центральной Азии. Встречается ли этот вид на Урале? Нет ли здесь ошибки? Необходимо проверить!

Следопыты! Собирайте бабочек! Тем самым вы поможете разрешить многие научные загадки. Собранный материал направляйте по адресу: Новосибирск, 5, ул. Фрунзе, 23-Б, Зоологический музей Биологического института СО АН СССР.

Ю. КОРШУНОВ, действительный член
Всесоюзного энтомологического общества



Валентина ЖУРАВЛЕВА

Рисунки Ю. Григорьева

ПРИДЕТ ТАКОЙ ДЕНЬ

Фантастический рассказ

Не читайте этот рассказ

днем, потому что вас будут отвлекать тысячи назойливых мелочей. Лучше всего читать ночью, когда на столе лежит теплый круг света от лампы и сквозь полуоткрытое окно слышно, как шуршит дождь.

Не читайте этот рассказ,

если вас раздражают исторические и научные неточности. Действительность здесь основательно перемешана с вымыслом. Сведения, которыми я располагала, были противоречивы.

Не читайте этот рассказ,

если вы рассчитываете спросить в конце, почему в век кибернетики и космических ракет я вспомнила историю, случившуюся в конце прошлого столетия. Я не смогу ответить. Бывает же так: вы идете по берегу моря и вдруг замечаете камешек, который надо поднять. Почему — надо! Почему именно этот! Пустые вопросы. Вы подбираете камешек, кладете его на ладонь, и вас охватывает непонятное волнение. И вы надолго запоминаете этот день, море и камешек.

¹ Печатается с сокращениями

Весна 1887 года в Париже была на редкость холодной, и сирень расцвела только шестого мая. Студенты-медики Жерар Десень и Поль Миар пришли к знакомой художнице с ветками только что распустившейся сирени. Возможно, при других обстоятельствах художница и не обратила бы особого внимания на подарок. Но ей, как и всем, надоели холодные ветры и томительные серые дожди. В этот яркий, солнечный день она приняла сирень как символ победившей весны. Она долго любовалась цветами, а потом сказала, что не существует красок, которые позволили бы правильно передать тончайшую цветовую гамму сирени.

— Смотрите,— сказала она,— я могу взять китайский вермильон, смальтовую синюю и фиолетовый марс. И вот красное в соединении с сине-фиолетовым дает чистый малиновый цвет. Но никаким смешением красок нельзя воспроизвести живую сиреневую гамму. Наверное, нужна какая-то особая краска...

— Очень хорошо,— воскликнул Поль Миар.— Я получу ее в лаборатории. Дайте мне два года.

— Два года? — переспросил Жерар Десень и рассмеялся.— Ты не справишься с этим и за двадцать лет: искусственные краски тусклы и грубы. Они годятся только для того, чтобы малавать вывески. Но за два года я найду растение, из которого можно получить настоящую сиреневую краску.

— Ты нелогичен, Жерар,— возразил Поль.— Вот перед тобой сама сирень, разве ты можешь извлечь из нее сиреневую краску?!

Художница прервала спор. Она объявила, что будет ждать два года. Посмотрим, кто окажется прав, сказала она. А пока, в такой сверкающий весенний день, не лучше ли прогуляться по набережной?

Я не знаю имени художницы. Может быть, это и не так важно, ибо через полтора месяца она уехала к себе на родину, в Сербию. К этому времени студентов уже не было в Париже. Миар работал лаборантом в Берлине, у Штольца. Десень, вместе с экспедицией Жана Декавеля, поднялся от Конакри к верховьям Нигера. Перед отъездом из Парижа художница написала друзьям письма. Одно письмо, отправленное в Конакри, так и не попало адресату, потому что экспедиция вернулась кружным путем, через Дакар. Другое письмо пришло в Берлин в то утро, когда новому лаборанту впервые поручили самостоятельную работу: он машинально положил нераспечатанный конверт в книгу и вспомнил о нем только осенью, возвращаясь в Париж.

Итак, художница исчезает из нашего рассказа, оставляя, впрочем, повод поразмыслить о роли женщин в истории науки. Кто знает, как сложились бы судьбы Поля Миара и Жерара Десеня, если бы в ту весну они оба не были немножко влюблены в художницу. Правда, они так и не нашли сиреневую краску. Но жизненный путь их был уже определен. После окончания медицинского факультета Десень путешествовал и собирал лекарственные растения, а Миар получал новые лекарства в химической лаборатории.

Это вполне соответствовало их склонностям. Десень был природным путешественником. Он вырос в Марселе, в семье состоятельного судовладельца, и еще в детстве с поразительной легкостью овладел шестью языками. В конторе своего отца он видел самых различных людей, это приучило его свободно держаться в любых

обстоятельствах и быстро приспосабливаться к чужим обычаям. Невысокий, худощавый, он был, однако, очень вынослив и, что особенно важно для путешественника, невосприимчив к резким сменам климата и пищи. Есть масса свидетельств о необыкновенной удаче, сопутствовавшей Десеню. Я думаю, дело не только в удаче. Когда человек из множества дорог неизменно выбирает единственно верную, это говорит об интуиции или, если хотите, о таланте.

Поль Миар был человеком иного склада. Его отец считался крупнейшим профессором богословия, а дед был известным атеистом и антиклерикалом. Люди такого типа дали Франции Монтеスキе, Вольтера, Дидро. В доме Миаров часто гостили политические деятели, писатели, адвокаты. Прислушиваясь к неутрачивающим спорам, Поль довольно скоро сообразил, что взрослые заняты интересной игрой, в которой не так важен результат, как сам процесс игры, подчиняющийся тонким и сложным правилам. Эмиль Золя, обедавший однажды у Миаров, обратил внимание на четырнадцатилетнего мальчика: казалось, ему доставляло удовольствие незаметно подталкивать и направлять спор. Золя предсказал, что мальчик станет депутатом парламента — и ошибся. Поль унаследовал от своей матери, женщины доброй и рассудительной, склонность к работе, дающей полезные результаты. Он принес в химию острый, скептический метод мышления, хотя в его стиле сохранился и некий привкус игры: иногда Поля забавляли неожиданные превращения веществ.

После окончания университета Миар четыре года работал в лабораториях Штольца, Гофмана и Вендерота. Утверждают, что именно Поль Миар подсказал Гофману способ получения ацетилсалициловой кислоты. Возможно, это легенда. Зато не подлежит сомнению выдающаяся роль, которую Миар сыграл в открытии амидопирин: об этом неоднократно упоминал Штольц. В Париж Миар вернулся зрелым ученым и вскоре стал руководителем лаборатории при госпитале св. Валентина.

К этому времени дружба Миара и Десеня превратилась в открытое соперничество. Несколько французских врачей сообщили о случаях отравления ацетилсалициловой кислотой. Миар выступил в защиту Гофмана. Неделию спустя Десень прочитал в Сорбонне лекцию о лекарственных растениях Западной Африки и резко осудил увлечение «химическими снадобьями». Так Миар и Десень оказались в центре борьбы, отголоски которой чувствуются и в наши дни.

Строго говоря, Миар и Десень оба были неправы: они занимали слишком категоричные позиции. Но именно эта излишняя категоричность заставляла их искать непроторенные пути и с поразительной энергией идти от открытия к открытию.

За борьбой Десеня и Миара следили не только их коллеги. В лабораторию при госпитале св. Валентина дважды приезжал Жюль Ренар. Сохранилась обширная переписка Миара с Рентгеном и Шоу. Анри Беккерель, лечившийся в госпитале св. Валентина, рассказывает, как однажды во дворе внезапно появился высокий человек в прожженном, перепачканном халате. Сразу же, говорит Беккерель, меня охватило ощущение беспоконья и тревоги. Казалось, этот человек только что покинул поле битвы, самое пекло. Сжав кулаки, наклонившись вперед, он стремительно шагнул по узким дорожкам, и на его лице ясно была видна мучительно напряженная работа

мысли. Беккерель говорит, что незнакомец был поразительно похож на Бодлера, каким он изображен на знаменитом портрете кисти Курбе: запавшие глаза под массивным лбом, резкие морщины у рта, упрямо выдвинутый подбородок.

Внезапно этот человек остановился и простоял несколько минут совершенно неподвижно. Потом поднял руки; пальцы начали быстро двигаться, словно собирая в воздухе какой-то прибор. Закончив работу, человек машинально обошел невидимый, несуществующий барьер, словно опасаясь задеть его и повредить.

Впоследствии Беккерель познакомился с Миаром, у них установились товарищеские отношения.

Немало друзей было и у Десеня: писатели, поэты и художники. Когда Десень просили рассказать о дальних странах, он отбирал самое красочное и ни слова не говорил о пережитых трудностях, не жаловался на опасности и лишения. Вот почему «Путешественники», которых Эмиль Верхарн посвятил Десеню, наполнены такой торжественной созерцательностью:

Пустыни рыжие и степи — без границ,

Подвластные громам и ураганам бурным,

И солнца, саваном одетые пурпурным,

Туманным золотом вечерних плащаниц...

Многим казалось, что Миар и Десень идут совершенно разными путями. Между тем все было значительно сложнее. Десень объявил о своем намерении исследовать подводную растительность; это наводило Миара на мысль ввести в практику фармацевтической химии высокие давления.

Полгода «Рыбка», шхуна Десеня, провела у островов Эгейского моря. Рослый англичанин-инструктор помогал Десеню надеть громоздкое водолазное снаряжение и, глядя в пространство, говорил: «Вам, конечно, наплевать на правила, но я обязан их повторить». И он их повторял. Матросы налегали на рукоятки помпы, начинался спуск. Десень подолгу бродил на небольшой глубине, присматриваясь к загадочному миру водорослей. Он забывал отвечать на сигналы.

Поздней осенью, когда «Рыбка» возвращалась в Марсель, англичанин, флегматично сплывнув за борт, сказал Десеню:

— Я спорил сам с собой — на хорошую выпивку против двух пенсов, — что это плохо кончится. Там, внизу, не место для прогулок. Надо работать — и пробкой наверх. Но вы живы, а в трюме у нас полно вонючей травы. Все это трудно объяснить.

— Возможно, — согласился Десень. — Нечто подобное говорил мне и господин Франс: дьявол всегда на стороне ученых.

* * *

«Этюды о водорослях» Десеня хорошо известны, их перевели на многие языки. По чистой случайности в «Этюдах» нет ни слова о морском экстракте: книга была уже на прилавке, когда Десень впервые получил фиолетовый, отсвечивающий металлом порошок, обладающий удивительной силой. Ничтожной дозы экстракта хватало, чтобы оживить срезанную в разгар зимы ветку розы. В течение одного-двух часов появлялись зеленые ростки, ветка покрывалась листьями, набухали почки, и, наконец, распускались цветы.

Было что-то колдовское в этих возникших среди зимы тонких листьях и неестественно яр-

ких цветах. Через сутки жизненный цикл завершался: цветы опадали, листья желтели, сморщивались, ветка становилась сухой, ломкой — и все обращалось в серую пыль.

В январе 1899 года Десень прочитал публичную лекцию и показал эффектные опыты с левкоями, ирисами и гиацинтами. Однако он наотрез отказался продать садоводам свой экстракт. Кто-то пустил слух, что никакого экстракта вообще нет, а все объясняется гипнозом. Сенсация быстро забылась. Но в ту зиму посыльный часто относил белые розы в небольшой дом на Басс дю Рампар, где ждали Десеня, когда он отправлялся в свои путешествия, и молились о его благополучном возвращении.

* * *

К соперничеству Миара и Десеня привыкли, оно стало своего рода научной достопримечательностью. И многих удивило сообщение «Фигаро» о готовящейся Миаром и Десенем совместной экспедиции в Индию. Было высказано немало противоречивых догадок, одинаково далеких от истины, за одним, впрочем, исключением: все понимали, что цель экспедиции должна быть совершенно необычной, если уж Миару и Десеню потребовалось объединить усилия.

Цель экспедиции и в самом деле была необычной.

Старинная индийская книга «Яджур-веда», перечисляя лекарственные растения, особо выделяет пальму Будды. О ней упоминают и древне-египетские надписи: она названа в них «трехгранной пальмой». Ствол у нее действительно не круглый, а трехгранный, хотя и с округленными гранями. Все источники, в том числе греческие и арабские, более поздние, согласно и точно описывают пальму и способ приготовления бальзама из сока, содержащегося в наростах на стволе. «Яджур-веда» не скупится на мельчайшие детали, описывая эти похожие на человеческие лица наросты. Зато о самом бальзаме сказано коротко: **действие его непостижимо.**

Столь же неопределенны в этой части и сведения из других источников. Видимо, никому не удавалось получить бальзам: все повторяют то, что сказано в «Яджур-веде».

Наросты встречаются только у самых крупных пальм, причем активное вещество скапливается в наростах лишь в период цветения. Трехгранные пальмы растут небольшими группами в глубине тропического леса; нет никакой возможности уловить момент их цветения. Он наступает раз в восемьдесят лет и продолжается три или четыре дня, после чего дерево быстро погибает.

План Десеня состоял в том, чтобы отыскать достаточно взрослую пальму, искусственно вызвать — с помощью морского экстракта — цветение, а затем собрать сок, который появится в наростах.

С самого начала Десень рассчитывал на участие Миара. В болотистой почве джунглей невозможно добраться до корней пальмы. Существовал только один способ ввести экстракт — через кору дерева. Для этого нужно было получить в лаборатории очень сильный растворитель: кто справился бы с такой задачей лучше Миара?

И еще: «Яджур-веда» предупреждала, что сок пальмы сохраняется не более двух суток. Миару предстояло за это время установить природу содержащегося в соке активного вещества.

Не следует удивляться согласию Миара участ-

совать в экспедиции. Укажите нечто такое, на чем написано «постичь нельзя» — и люди, подобные Миару и Десеню, пойдут хоть на край света, стремясь найти это нечто и постичь. Иногда они терпят поражение в пути, на полдороге. Но что бы ни случилось, я знаю: таких людей постепенно становится больше.

* * *

В августе 1899 года Десень выехал в Марсель, где стояла готовая к отплытию «Рыбка». Десень хотел высадиться на западном побережье Индостана к концу летнего муссона, когда прекращаются бесконечные дожди и джунгли становятся более доступными.

Благополучно достигнув Малабарского берега, «Рыбка» долго крейсировала, выбирая место для высадки, и только 10 октября вошла в узкий залив примерно в двухстах километрах южнее Мангалура. Тропический лес местами подходил к самому побережью. По каким-то едва уловимым признакам, может быть по разнообразию и богатству растительности, Десень почувствовал: искать надо здесь.

— Заманчивое место, — сказал он шкиперу. — В таких джунглях, если верить Киплингу, жил Маугли.

— Это уж точно, — убежденно ответил шкипер. — Англичане умеют устраиваться.

Месяц спустя, когда на высокоом холме был сооружен просторный пакгауз, «Рыбка» ушла в Бомбей. Дожди прекратились, почва быстро просыхала, и Десень почти ежедневно совершал разведывательные вылазки. Он шел по берегу, вдоль кромки многоярусного леса, присматривался, временами углублялся в заросли, проверяя свое снаряжение.

Однажды он обнаружил полдюжины молодых трехгранных пальм. И хотя они не годились для получения бальзама, Десень подумал, что это большая удача: если отсюда пойти в джунгли, наверняка встретишь крупные пальмы. До них пять, а может быть семь километров, и лес особенно густой — сплошная зеленая стена, но все-таки самое главное — видеть цель. Остальное уж зависит от тебя самого.

В середине декабря прочно установились сухие и не очень жаркие дни. «Рыбка» вернулась из Бомбея, доставив Миара и походную лабораторию. Вместе с Миаром прибыл переводчик Даниэль Китц, маленький, тощий, нескладный, с сереньким личиком заурядного клерка.

Представляя Китца, Миар сказал:

— Я думаю, мистеру Китцу поручено следить за нами. Зачем нам переводчик? Мне его буквально навязали.

Китц уныло подтвердил:

— Да, сэръ.

— Вот видите! — с воодушевлением продолжал Миар. — В Бомбее о нас ходят самые невероятные слухи. Утверждают, будто мы нашли золото. Приятно сознавать, что местные чиновники не умнее наших.

Он был возбужден плаванием, тропическим лесом, для него все было ошеломляюще ново, и он по-детски радовался, что за ними будут шпионить. Но к вечеру, когда разгрузка «Рыбки» закончилась, у Миара возникло странное чувство своей непричастности к окружающему.

Он смотрел с вершины холма на зеленое море джунглей. Вдали, в лучах заходящего солнца, искрились зубчатые вершины Западных Гат. Гудело пряное желтое небо, разноголосо шумел

влажный черно-зеленый лес, звуки смешивались с запахами и красками. У Миара кружилась голова. Острые токи чужого мира пронизывали каждую клеточку тела, вызывая тревогу и смутение. На беспредельном живом просторе жалкими и ненужными казались приборы, собранные из склянок и трубок.

В это время Десень рассматривал катодный газоанализатор, досадуя, что почти ничего не знает о катодных лучах. Десень впервые видел аппаратуру Миара, его поражило обилие электрических приборов. Превращение веществ под действием электрического тока заставляло думать, что и сами вещества — в своей тонкой структуре — имеют электрическую природу. В химии наступала эпоха электричества, синтеза, математически точных расчетов. К чему многолетние путешествия и поиски, если все можно получить в колбе? Десень осторожно прикасался к приборам — стекло было чужим и холодным.

А Даниэль Китц играл в карты. Маленький человек в потертом рыжем сюртуке, нелепом здесь, на границе моря и джунглей, уныло обыгрывал матросов. Он забирал у них все, до последней монеты, потом все возвращал, и игра возобновлялась.

Утром Миар изложил свои соображения о бальзаме. Четыре довольно правдоподобные гипотезы по-разному истолковывали слова «действие постичь нельзя». Десень возражал: гипотезы слишком правдоподобны, они придуманы логически мыслящим европейцем. Для индуса эпохи «Яджур-веды» все непостижимое легко объяснялось вмешательством богов. Трудно даже представить обстоятельства, заставившие произнести эти слова — «действие постичь нельзя».

— Очень хорошо, — сказал Миар. — Давайте пальмовый сок, и мы посмотрим, что это такое.

* * *

У Десеня уже не было сомнений, что направление поисков выбрано правильно. И 24 декабря 1899 года, по своему обыкновению тщательно завершив приготовления, он выступил в путь.

Кромка тропического леса особенно труднопроходима. Поэтому первые полкилометра впереди шли матросы с «Рыбки», прорубавшие просеку сквозь густые заросли. Гулко стучали топоры: дорогу, дорогу... Где-то наверху раздраженно кричали обезьяны, в воздухе звенела назойливая мошкара, тысячи невидимых попугаев свистели, взвизгивали, гудели. Миару казалось, что в глубине джунглей скользят чьи-то тени. Он напряженно всматривался — тени отступали, прятались. В конце колонны плелся Даниэль Китц.

Через два часа матросы остановились. Дальше Десеню предстояло идти одному: спутники были бы для него только обузой.

Прощались коротко: Десень дорожил каждой минутой.

В хаосе тропического леса не так просто заметить трехгранную пальму, даже если она стоит прямо на пути. Густая сеть лиан несколькими рядами опутывает стволы, а в просветах этой сети, закрывая кору деревьев, густо растут мхи, лишайники, папоротники. Иногда Десень не мог определить, какая пальма находится в трех-четырёх метрах от него. Приходилось расчищать дорогу к массивному основанию пальмы, срезать со ствола пласти влажного, пахнущего гнилью моха.

Поиск в джунглях противоречив по самой своей сути: надо идти вперед, хотя в стороне, совсем рядом, может оказаться то, что ищешь.

Десень не без труда нащупал единственно верный ритм движения, напоминающий зигзагообразное лавирование парусника, идущего против ветра. Ритм был напряженным и лишь изредка позволял остановиться и просто так посмотреть вокруг.

Зеленые взрывы, нагромождение зеленых взрывов — таково было первое впечатление от тропического леса. Застывшими взрывами казались кроны пальм, гигантские фикусы, острые, словно только что вырвавшиеся из-под земли, лезвия папоротников и огненные, окруженные зелеными осколками листьев, цветы раффлезии.

По мере того как Десень углублялся в джунгли, зеленый цвет тускнел, вытеснялся черным. Все чаще путь преграждали высокие завалы — сломанные, полусгнившие стволы, опутанные паутиной, покрытые накипью лишайников.

Почва становилась болотистой, это беспокоило Десеня.

Дважды ему встречались трехгранные пальмы. Он тщательно осматривал их — и не находил наростов. Над головой, скрывая кроны пальм, висел плотный темно-зеленый полог. Судя по толщине стволов, пальмам было лет сорок. Десень не знал, удастся ли вызвать у таких пальм цветение с образованием нароста. Во всяком случае, придется израсходовать много экстракта, возможно весь запас.

Десень не любил игру наугад. Такая игра даже при удаче оставляет обидное сознание, что выиграл, собственно, не ты.

Он продолжал поиски.

Впервые за долгие годы странствий его не покидало неприятное чувство скованности. Тропический лес подавлял своим тяжелым величием. Временами Десень сам себе казался букашкой, медленно ползущей у подножия гигантских деревьев. В джунглях для человека нет третьего измерения: вершины деревьев недоступнее высочайших гор.

Час за часом углублялся Десень в самую гущу леса. Идти становилось труднее. Под ногами хлопала темная жижа. Заболоченная полоса никак не кончалась.

Десень шел, разрывая руками густую паутину, заполнявшую все свободное пространство. Вязкие обрывки паутины прилипали к лицу, мешали дышать.

В одном месте, пытаясь перепрыгнуть через трясину, он схватился за ствол ротанги, пальмы-лианы. Насквозь прогнивший ствол тут же рассыпался. Это заставило Десеня остановиться.

Нижний ярус джунглей был мертв. Все зеленое поднялось вверх, к свету. Внизу остались только черные стволы, оплетенные лианами-душителями, и белесоватые, покрытые паутиной и плесенью воздушные корни. Над серой пеной болота, между обугленными стволами, беззвучно клубились испарения. От гнилого воздуха першило в горле.

Тихо треснула ветка.

Десень быстро обернулся.

В трех метрах от него, на полузатопленной коряге, сидел, тасуя карты, Даниэль Китц.

* * *

— А, это вы, — машинально произнес Десень.

Его поразило не столько само появление Китца, сколько отсутствие какого бы то ни было снаряжения у этого человека. Китц был в своем рыжем сюртуке, без оружия и дорожного мешка.

— Хорошо, что вы здесь, — сказал Десень, внимательно рассматривая Китца.

Теперь это был другой человек — спокойный, уверенный и, Десень мог бы поклясться, совсем неглупый.

— Я не знаю, с какой стороны обходить эту топь, — продолжал Десень. — А у вас есть карты. Можно погадать.

Китц покачал головой.

— Вам надо идти на юг. Полмили на юг, потом немного на восток. Там пальмы, которые вам нужны.

— А вы?

Десень старался, чтобы вопрос прозвучал совершенно обыденно. Вот встретились два человека, поддерживающих беглое знакомство: один спрашивает о пустяках, другой вежливо отвечает — и только.

— Я пойду назад.

Но все-таки, подумал Десень, как он оказался здесь? Он все время шел сюда и ничем не выдал себя. Ничем. Как же он шел сквозь такие заросли? У него даже ножа нет.

— Вы вернетесь в лагерь? — спросил Десень.

Значит, в Бомбее и в самом деле решили, что они ищут золото. Китц шел следом, пока не убедился, что вся эта болтовня о золоте — идиотская выдумка.

— Да, вернусь. Если вам нужно что-нибудь передать...

«Пойти дальше вдвоем?» — подумал Десень. И тут же отказался от этой мысли: в лагере начнется переполох. Китц, конечно, должен вернуться.

— Спасибо. Пока я ничего не нашел.

Десень вспомнил, как за ним следили в Мексике. Нет, тут не может быть никакого сравнения. Это — мастер своего дела. Хотя... какого, собственно, дела?

— Так помните: полмили на юг, потом немного на восток. И вот что: спешите, скоро ночь. Счастливого пути.

— Счастливого пути.

Маленький человек бесшумно соскочил с коряги и, не оглядываясь, пошел прочь. Десень молча смотрел ему вслед. Рыжий сюртук дважды мелькнул в просветах зарослей — и скрылся.

Встреча оставила в душе Десеня смутный след. Десень думал о бесконечных тропических лесах Южной Америки, Африки, Азии. Такой человек, как Китц, мог стать великим исследователем, Колумбом джунглей. Но стал шпионом, знающим и, возможно, даже любящим свое ремесло.

Десень шел на юг, не отвлекаясь на поиски. Он не сомневался, что Китц точно указал местонахождение трехгранных пальм. Болото осталось где-то слева, в нижнем ярусе снова появились зеленые папоротники. Пройдя полмили, Десень свернул на восток и вскоре натолкнулся на группу небольших трехгранников. Поодаль росли более высокие пальмы, а за ними стояли массивные, покрытые буграми наростов, пальмы-великаны.

Наросты самой причудливой формы делали их похожими на украшенные резьбой столбы в индийских храмах. Около наростов не было ни мхов, ни лишайников. Со времен своей африканской экспедиции Десень знал, что это свидетельствует о наличии в наростах каких-то сильно действующих веществ.

До наступления темноты оставалось менее часа. Он без колебаний, доверяясь интуиции, выбрал пальму. Это было очень крупное дерево; на нижней части ствола Десень насчитал два

десятка больших наростов. Один из них поразительно напоминал сморщенное человеческое лицо: можно было различить прищуренные глаза, крючковатый нос и растянутый в усмешке рот.

Десень тщательно расчистил ствол ниже этого нароста, снял ножом самый верхний, омертвевший слой коры, сделал дюжину неглубоких надрезов. Затем достал флягу с раствором морского экстракта и коробку с воском. Вспрминив совет Миара, Десень обмотал руки плотной тканью: случайно попав на руки, раствор легко проник бы сквозь кожу.

В тусклом свете джунглей раствор казался иссиня-черным. С величайшей осторожностью Десень лил раствор на расчищенное место ствола. Жидкость не успевала стекать — она мгновенно впитывалась. Когда фляга опустела, на светло-коричневой коре осталось лишь большое темное пятно. Быстрс, стараясь использовать последние минуты уходящего дня, Десень растопил воск и плотно закрыл им расчищенный участок.

Сумерки в джунглях коротки, темнота пришла внезапно. Десень зажег керосиновый фонарь и сел на обломок дерева. Только сейчас он почувствовал страшную усталость.

Ночь изменила лесные голоса: перестали кричать попугаи, умолкли обезьяны, вблизи воцарилась напряженная тишина, сквозь которую теперь были слышны далекие, приглушенные расстоянием шумы. Десень вынул из портсигара серую, похожую на карандашный грифель палочку. Это был подарок мексиканского шамана: засушенный корень кустарника тацитла, сильнейший стимулятор.

Десень жевал горьковатый корешок, прислушиваясь, как отступает усталость и мышцы наполняются новой силой. Захотелось пить. Он на ощупь отыскал чистый — без мхов и лишайников — стебель лианы, разрезал его наискось. Поплилась свежая, пахнущая сеном вода.

Нет истинного путешественника без умения ждать: ожидание никогда не было для Десеня слишком томительным. Плавню текли воспоминания о детстве, о встречах на дальних дорогах, о горах, пустынях, морях и звездном небе. И лишь изредка мысль сама по себе возвращалась к сло-

вам «Яджур-веды»: действие бальзама непостижимо.

Как-то незаметно, без всяких усилий возникла догадка — вначале смутная, ускользающая при малейшей попытке пристально всмотреться в нее, а потом все более определенная и даже очевидная в своей единственности. Десень подошел к дереву и приложил ухо к теплой, шершавой коре. Он услышал гул: внутри дерева совершалась неведомая, но титаническая работа.

В фонаре дрожал маленький синеватый огонек, ему не хватало кислорода. Жаркий влажный воздух сдавливал грудь. Влага конденсировалась на ветвях и листьях, начали падать тяжелые теплые капли. Одежда промокла насквозь. Капли постукивали мерно и глухо.

Десеню вспомнились весенние марсельские дожди — живые и звонкие. Он увидел клочки туч в ярком синем небе, увидел бегущие по улицам вспененные ручьи. Вода несла бумажные кораблики, они весело кружились в водоворотах, вырывались и, подпрыгивая на волнах, мчались дальше, к набережной.

Потом Десень вспомнил охоту на солнечных зайчиков. В детстве это было его любимой игрой. С запада к их дому примыкал заброшенный сад. Под вечер солнечные лучи упирались в оконные стекла, и тогда по саду разбегалось множество веселых зайчиков. Стекла вздрагивали от ветра, от чьих-то шагов и шума в этом вечно беспокойном доме; зайчики прыгали по дорожкам, пробирались в кусты, карабкались на деревья. Нужна была немалая ловкость, чтобы поймать зайчика. Но и пойманный — тут начиналось самое удивительное! — он вырывался на свободу. Он проходил сквозь ладонь! И если Жерар клал сверху другую руку или шапку, зайчик все равно выскальзывал. Каждый раз. Зайчики были упрямы, охотник — тоже, он верил, что когда-нибудь ему повезет. Игра заканчивалась лишь с заходом солнца. Ах, как это увлекательно — ловить солнечных зайчиков!

...Из темноты дважды донесся треск: кто-то бродил вблизи. Десень сидел, положив на колени ружье.

Рассвет был долгим. Медленно, словно не-

МОЙ ДРУГ- ФАН- ТАСТ ТИКА

ОБЫКНОВЕННАЯ ЧИСТАЯ ВОДА

А ПРИ Грижо, пациент психиатрической клиники, изобретал... воду. Да, да! Больше того: с помощью своего изобретения он надеялся совершить переворот в промышленности. Дело в том, что Грижо хотел создать твердую воду. Не лед, а именно твердую воду, которая не плавилась бы, по крайней мере, до 100—200 градусов. И это удалось... в рассказе польского фантаста Ст. Вейнфельда «Сумасшедший». Грижо получил белый, похожий на пудру порошок. При нагревании порошок превра-

щался в обыкновенную чистую воду.

Рассказ Ст. Вейнфельда был опубликован в журнале «Техника молодежи» в 1964 году. А три года спустя химики завода «Райнфельд» (ФРГ) и в самом деле получили твердую воду, смешав 90 процентов воды с 10 процентами гидрофобной кремниевой кислоты. Эта твердая вода действительно оказалась похожей на белую пудру...

Может возникнуть вопрос: зачем нужна твердая вода?

Предоставим слово Анри Грижо:

хоть, отступала темнота, лес постепенно наполнялся голосами.

За ночь пальма заметно изменилась. Десень смотрел на нее с изумлением. Наросты набухли, стали крупнее. Сквозь слой воска пробилось множество длинных зеленых побегов. Изменился даже цвет коры: он стал более светлым.

А где-то в высоте, сквозь зеленый хаос, видна была пышная беловатая крона.

Пальма расцвела!

Точно следуя указаниям «Яджур-веды», Десень сделал глубокий крестообразный надрез в нижней части нароста. Брызнула струйка густого янтарного сока. Его было много, и Десень заполнил все флаги, даже флягу из-под питьевой воды. По стволу все еще стекал янтарный сок, к нему спешили муравьи.

С дорожным мешком за плечами Десень стоял возле дерева. Хотелось остаться и посмотреть, как завершится жизнь гигантской пальмы. Но нельзя было медлить: через сорок восемь часов сок будет непригоден для изготовления бальзама.

* * *

Он шел на запад, думая только о том, чтобы быстрее выйти к морю. Не было смысла экономить силы, и он старался не отклоняться от выбранного направления: прорубал проходы в зарослях бамбука, ломился через кустарник, полз под лианами, рвавшими одежду и царапавшими лицо. Не отдыхая, не останавливаясь, не сбавляя темпа, он пробивался сквозь джунгли.

После полудня в лесу стало темнее, наступила душная, гнетущая тишина. Замолкли даже цикады, и Десень услышал грохот приближающейся грозы. Казалось, накатывается гигантская волна, от которой нельзя уйти, нельзя укрыться. Он поспешно забрался под густые, пахнущие хвоей ветви старой араукарии. До кромки леса, по расчетам Десеня, оставалось не более двух километров, но идти под тропическим ливнем было невозможно.

Лавина воды обрушилась на лес, заполнила

его ревущими потоками. Вода была сверху, снизу, вокруг, сам воздух был наполнен звенящей, хлопочущей водой. Где-то наверху с оглушительным треском, перекрывающим рев воды и грохот грома, ломались стволы деревьев.

Через полтора часа ливень прекратился, и Десень снова пошел на запад. Идти приходилось по колено в воде. Только под вечер, увидев в просветах деревьев белые, неизмеримо далекие облака, Десень понял, что гонка выиграна и Миар получит достаточно времени для анализа.

Он выбрался к морю совсем близко от пакагуза. Шуршал прибой, дрожала протянутая к заходящему солнцу золотистая дорожка, мир снова стал бесконечно большим. И можно было дышать, сколько угодно дышать чистым воздухом моря...

Спал он на крыше пакагуза. Всю ночь снизу доносились тяжелые шаги. Миар спешил переработать пальмовый сок в бальзам.

Вот и я поймал зайчика, подумал сквозь сон Десень, зайчик прятался в джунглях, но я его поймал.

* * *

Утром Миар показал ему пробирку с бурой маслянистой жидкостью — бальзамом Будды.

— Вы не зря спешили, — сказал Миар. — В соке накапливается кислота, постепенно разрушающая алкалоиды. Но вы успели, Жерар.

— А действие? — спросил Десень, вспомнив свою догадку.

Миар пожал плечами.

— Я пробовал на мышках. Самые противоречивые результаты! Одна мышь пришла в ярость. Вы ее увидите: маленькая белая фурия... Пришлось отсадить в отдельную клетку. Другая стала спокойной и ласковой. Третья, кажется, поумнела. Четвертая — поглупела... Нельзя сделать никаких выводов.

— Кроме одного, — возразил Десень. — Бальзам как-то действует. В конце концов, действие алкоголя тоже неодинаково. Почему бы не допустить, что...

Миар решительно перебил:

«Мое изобретение позволит соорудить заводы в местностях, богатых минеральным сырьем, но бедных водой. Сейчас ее доставляют туда в дорогостоящих цистернах, в будущем будут посылать просто в бумажных мешках. Торговля? Совершенно исчезнут стеклянные, керамические и металлические сосуды для всяких жидкостей. Жидкости будут продаваться в виде порошков, содержащих сухую воду. Медицина? Исчезнут, наконец, раз и навсегда капли и микстуры, которые так неудобно дозировать и принимать: эти лекарства будут выпускаться в виде водяных порошков. Искусство? Здесь открываются новые чудесные

возможности и перспективы в области сухих акварельных красок. Да, впрочем, что тут много говорить? Тысячи, десятки тысяч мелких способов использования сухой воды в обыденной жизни приведут к

полному перевороту во всех взглядах и склонностях целого века. Пользоваться водой в жидком состоянии будет так же смешно, как и пользоваться лучиной...»

ВОГНУТАЯ?.. ВЫПУКЛАЯ?..

КАК выглядит из космоса земная поверхность — вогнутой или выпуклой? Не спешите с ответом. Давайте посмотрим, что писали об этом фантасты.

Начнем хотя бы с «Аэлиты» А. Толстого:

«Лось опустился на колени и сквозь глазок глядел на уходящую Землю. Она расстила-

лась огромной, без краев, вогнутой чашей, — голубоватосерая. Кое-где, точно острова, лежали на ней гряды облаков, это был Атлантический океан».

Зато Тихий океан показался героям романа С. Лема «Астронавты» выпуклым:

«Мы летели над Тихим океаном. Выпуклая поверх-

— Ни в коем случае! У меня было сорок мышей. Четырех я оставил для контроля. Остальных разбил на четверки. Первая четверка получила минимальную дозу, вторая — больше... и так далее, вы понимаете. Так вот, дорогой Жерар, получается разная реакция внутри четверки. Согласитесь, что четыре человека, опрокинувшие по стаканчику, имели бы нечто общее, отличавшее их от другой четверки, выпившей по большому графину... А тут абсолютно индивидуальная реакция — независимо от дозы. Притом реакция необыкновенно устойчивая; я почти уверен, что сохранится надолго. Может быть, навсегда.

* * *

«Рыбка» ушла в Мангалур — отвезти Китца и пополнить запасы пресной воды. Тем временем Миар продолжал опыты. Десень старался ему не мешать: вставал на рассвете, до полудня бродил по лесу и возвращался с сумкой, наполненной кореньями, стеблями, листьями. Миар посмеивался, наблюдая, как он сушит свою добычу. В засушенном виде, утверждал Миар, джунгли более приемлемы для цивилизованного человека.

Миар работал много, но говорил о бальзаме неохотно. Десень чувствовал, что и для Миара становится очевидной необходимость опыта на человеке. На четвертый день Миар получил крупные оранжевые кристаллы, похожие на хромпик. Это было активное вещество, содержащееся в бальзаме.

— Красивый цвет, не правда ли? — сказал Миар, показывая Десеню реторту. В прилипших ко дну реторты кристаллах вспыхивали и гасли алые искры. — А ведь по структуре это вещество похоже на серотонин, который выглядит совершенно иначе. С вашего позволения, Жерар, мы назовем эти кристаллы — десенитом. Пожалуйста,

не возражайте. Когда вы вернулись из джунглей, у вас был вид беглого каторжника. Да, мой друг, классический вид каторжника после весьма не легкого побега. Такие подвиги не должны оставаться без вознаграждения.

Десень усмехнулся.

— Превосходное вознаграждение — вещество, действие которого нельзя постичь... послушайте, Поль, давайте говорить прямо. Нужен опыт на человеке. Мне кажется, само упоминание о непостижимости означает, что опыты на животных ни к чему не приведут. С животными все просто: здесь нет места для этой самой непостижимости. Другое дело — человек. Представьте себе, что бальзам действует на психику...

— Не считайте меня таким уж дураком, — перебил Миар. — Я пришел к той же мысли. Но требовалось время, чтобы найти противодействующее вещество. Найти и проверить на мышах.

— Отлично, — сказал Десень, — я выступил в роли сорок первой мыши. А вы по-прежнему будете экспериментатором.

Миар не согласился.

— Нет. У вас неподходящий характер. Слишком хороший. Если бальзам действует так, как мы предполагаем, то логичнее, чтобы я был в роли мыши.

* * *

Они приступили к опыту в тот же вечер.

— Я отмерил минимальную дозу, — сказал Миар, встряхивая мензурку с бурой жидкостью. — Возможно, этого недостаточно. Тогда вы дадите мне еще одну дозу. Бальзам здесь, в темной бутылке, потому что на свету десенит постепенно разлагается. Итак, Жерар, эта бутылка с красной наклейкой — вы видите? Другая бутылка, вот эта, с синей наклейкой, — раствор нейтрализатора.

ность воды черно-стального цвета, похожая на матовый полированный металл, представляла собой необычайное зрелище.

А вот какой увидел Землю герой романа А. Белыева «Звезда КЭЦ»:

«Она казалась не выпуклым шаром, как я ожидал, а *вогнутой*... Я узнал Ледовитый океан, очертания берегов Сибири и Северной Европы».

Не правда ли, удивительно ведут себя эти океаны: иногда они выпуклые, иногда — *вогнутые*. Впрочем, по категорическому мнению В. Немцова, высказанному в романе «Последний полустанок», вся земная поверхность кажется выпуклой:

«Стереоскопически *выпуклой* вставала Земля. Сквозь разорванную вату облаков вылезали горы, моря казались лиловыми».

Однако с этим никак не согласился бы герой повести

К. Циолковского «Вне Земли», воскликнувший: «— Какая странная наша Земля! Она занимает почти половину неба и кажется не выпуклой, а *вогнутой*, как миска!»

Спор был решен в 1961 году, когда Юрий Гагарин сквозь иллюминаторы «Востока» увидел *вогнутую* поверхность нашей планеты. Любопытно, что еще столетие назад Эдгар По точно и ясно объяснял — почему Земля должна казаться *вогнутой*. Вот что говорит герой фантастического рассказа Эдгара По «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфалля»:

«Больше всего удивила меня кажущаяся *вогнутость* земной поверхности. Я, напротив, ожидал, что по мере подъема она будет представлять мне все более выпуклой; но, подумав немного, сообразил, что этого не могло быть. Перпендикуляр, опущенный из пунк-

та моего наблюдения к земной поверхности, представлял бы собой один из катетов прямоугольного треугольника, основание которого простиралось до горизонта, а гипотенуза — от горизонта к моему шару. Но высота, на которой я находился, была ничтожна сравнительно с пространством, которое я мог обозреть. Иными словами, основание и гипотенуза упомянутого треугольника были бы так велики сравнительно с высотой, что могли бы считаться почти параллельными линиями. Поэтому горизонт для аэронавта остается всегда на одном уровне с корзиной (Ганс Пфалль, как известно, путешествовал на воздушном шаре. — Ред.). Но точка, находящаяся под ним внизу, кажется отстоящей и действительно отстоит на огромном расстоянии — следовательно, ниже горизонта. Отсюда — впечатление *вогнутости*...»

Нужна такая же доза. Будьте осторожны, обе жидкости чертовски похожи — по цвету и даже по вкусу. Нейтрализатор действует, если его принимают не позже, чем через час после приема бальзама. Это очень важно, Жерар. Очень важно. Не забудьте следить за временем: мало ли что может случиться.— Помолчав, он закончил: — Вот и все инструкции. Я наведаюсь к мышам, посмотрю и мы, пожалуй, начнем.

Десень внимательно разглядывал Бутылки. Действительно, немудрено спутать: они абсолют-но одинаковы, единственное их отличие — узкие полоски цветной бумаги.

Реторты, колбы, флажки — ни на одной нет надписей. Это лаборатория Миара, никто другой не смог бы здесь работать. Что ж, подумал Десень, в конце концов на растениях тоже нет надписей, а я их как-то различаю...

* * *

Десень с досадой захлопнул крышку часов: прошло тридцать четыре минуты с начала опыта, а действие бальзама не ощущалось.

— Так что же вы чувствуете? — снова спросил он.

Миар пожал плечами.

Он сидел у стола и машинально рисовал чертики на чистом листе бумаги. Чертики выстраивались ровными рядами.

— Никаких отклонений, Жерар. Если вам не надоело считать мой пульс, пожалуйста...

Десень отошел к окну. Лохматое красное солнце опускалось к серой полосе облаков на горизонте, и, едва оно коснулось этой полосы, кромка облаков вспыхнула оранжевым пламенем.

Десеню вспомнилась солнечная колоннада в лесу. Он видел ее, возвращаясь с пальмовым соком, вскоре после окончания лизья.

Он брел тогда в полумраке, по колено в мутной воде. Трудно было сохранять равновесие, ступая по осклизлым сучьям и листьям. Чтобы не упасть, он цеплялся за свисавшие стебли лиан — и на него обрушивались потоки воды, застоявшейся в густых ветвях деревьев.

Внезапно где-то наверху солнце вырвалось из-за туч: множество ярких лучей пронзило джунгли. Перед изумленным Десенем возникла бесконечная колоннада: столбы света, строго параллельные и расположенные в каком-то неуправляемом порядке, поддерживали зеленую твердь леса.

Еще ни разу за долгие годы своих путешествий Десень не видел ничего подобного. Забыв о том, что нужно спешить, он рассматривал гигантский зал с ослепительными колоннами.

Прошелестел ветер. Колонны дрогнули, сузились. Теперь они были похожи на льющиеся сверху золотистые струи: в лучах переливалась, кипела, искрилась мошкара. Десень подумал, что красота, наверное, непостижима, если самое волшебное зрелище можно сделать из простых лучей света и мошкары!..

Новый порыв ветра раздробил лучи. Они потускнели и быстро погасли. Десень знал, что джунгли навсегда останутся в его памяти такими, какими он увидел их в эти короткие минуты.

Расчищая ножом путь, он добрался до невысокой кокосовой пальмы, вскарабкался по лианам наверх и сорвал молодые орехи. Из-за широких листьев рафинофора высунулась остренькая обезьянья мордочка; черные глаза ошеломленно уставились на человека.

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ

„КОСМИЧЕСКИЕ КУРЬЕЗЫ“

1. Помимо того, что реактивный двигатель космического корабля не принято называть мотором (название «мотор» закрепилось лишь за двигателями внутреннего сгорания и электрическими), в отрывке из повести В. Бережного допущена и по-настоящему фантастическая ошибка: тахометр, прибор для измерения числа оборотов, превращен в измеритель скорости.

2. Планеты могут быть у звезд: одиночных, двойных или даже тройных, но никак — не у созвездий.

3. Космическое пространство не зря называют «безвоздушным»: плотность газа в открытом космосе практически близка к нулю. А поскольку это так, то пылесос в космосе попросту бесполезен. Ведь этот прибор собирает пыль, засасывая ее со струей воздуха.

4. Энцилад — не первый, а второй спутник Сатурна. А первым считается... Мимас: из девяти лун Сатурна именно он подходит ближе всех к поверхности планеты.

5. Проксима Центавра — одиночная звезда. Видимо, В. Михановский спутал ее с Альфой Центавра, состоящей из двух звезд. Проксима образует с двойной Альфой тройную систему, которую иногда тоже называют Альфой Центавра. Но Проксима сильно удалена от двойной Альфы, поэтому планета Аларди никак не могла «обращаться вокруг общего центра тяжести».

6. Никакая случайность не поможет остаткам атмосферы удержаться «лишь» в высокогорном районе: воздух тут же неизбежно стечет по склонам гор вниз, в долины. Единственное исключение при этом составят разве лишь наглухо изолированные гигантские — в сотни километров глубиной! — горные котловины, на дне которых (т. е. опять-таки — внизу!) могут сохраниться своеобразные воздушные «озера». Но где взять такие котловины и как попадут в них люди?

7. Г. Мартынов не прав дважды. Во-первых, если расстояния в нуль-пространстве «отсутствуют», то говорить об определении этих расстояний попросту не приходится и, стало быть, все «облоссальные трудности» при этом — пустой звук. А во-вторых...

Разве относительное расположение Земли и планеты Жван можно узнать только по протяженности пути между ними?

Галактические координаты нашей планетной системы нам, землянам, известны. Попав — в пределах нашей Галактики — на планету иной звезды, мы без особого труда сумеем определить и внутригалактическое положение этого иного солнца. Сопоставив же координаты планетных систем, достаточно будет найти хотя бы по две одинаковых звезды, как по этим ориентирам тут же автоматически определится относительное положение обеих систем.

— Не бойся,— сказал Десень, и обезьянка, пискнув, скрылась.

Лишь исключительное сочетание условий — определенная высота леса, какое-то особое расположение наблюдателя относительно деревьев и солнца — могло создать солнечную феерию. Десень с сожалением покинул это место. Он думал о том, что лучи, проникнув в глубину, высветили душу джунглей. Быть может, так действует и бальзам, открывая в человеческой душе нечто непостижимое.

* * *

...Сорок одна минута.

Миар продолжал рисовать чертиков. Но что-



48

то изменилось в рисунке — Десень это заметил и подошел ближе.

Порядок нарушился: чертики были причудливо разбросаны по листу. Некоторые из них держались за руки, образуя цепочки.

— Черти, кажется, разбираются в химии,— сказал Десень.— Вот шесть чертей взялись за руки. Чем не бензольное кольцо? И тут еще два таких кольца... Послушайте, Поль, да ведь это фенантроновая группа!

— Я рисовал, ни о чем не думая,— ответил Миар, внимательно разглядывая рисунок.— Только чтобы занять время. Фенантроновое кольцо? Да, похоже. Очень похоже. Бог мой, Жерар,— голос у него дрогнул,— это может быть формулой морфина... Посмотрите. Если сюда дописать кислород и два гидроксильных...

— Вы что-нибудь понимаете? — спросил Десень.

— Здесь должны быть две гидроксильные группы... Здесь и здесь. Полгода искать — и не увидеть такой возможности! Я нащупывал эту формулу еще до отъезда и сейчас отчетливо вижу...

— Вы забыли про бальзам,— перебил Десень.

— Бальзам? Что вы хотите сказать, Жерар? Десень не ответил. Так всегда, думал он, мы не предусматриваем даже самых простых вариантов. Надеемся, что решение можно будет принять по ходу дела. И в спешке ошибаемся. Не следовало напоминать о бальзаме. Надо было наблюдать, только наблюдать.

— А ведь вы правы,— сказал Миар, вставая из-за стола. Он смотрел на Десеня невидящим взглядом и, казалось, к чему-то прислушивался.— Это бальзам. И если бы вы теперь спросили, что я чувствую... Ясность мышления — вот что. Как будто бальзам смазал там шестеренки,— он постучал по лбу,— и они завертелись быстрее, лучше... Бог мой, этому бальзаму цены нет!

Десень взглянул на часы. Сорок четыре минуты.

— Потом может наступить упадок сил,— сказал он.

— Ни в коем случае! Вы же видели на мышах: депрессии не бывает. Нам нечего опасаться, давайте продолжим опыт. Я принял мизерную дозу. У этого питья отвратительный вкус, но чего не вытерпишь ради науки... Давайте увеличим дозу вдвое, а? Что вы на это скажете?

Он быстро ходил из угла в угол, почти бегал. Впрочем, такова была его обычная манера.

— Я не понимаю вас, Жерар,— продолжал он.— Все шло так хорошо — и вдруг вы хотите прервать опыт. Почему?

На полке, совсем близко от Десеня, стояли две одинаковые склянки с узкими бумажными наклейками — красной и синей. Склянки вздрагивали от резких шагов Миара.

— Опыт закончен,— сказал Десень.— Примите нейтрализатор и разберемся в результатах.

— В чем тут разбираться? Бальзам усиливает мыслительные способности — ясно и так. Подумайте, Жерар, я вывел формулу морфина, не замечая даже усилий! За сегодняшний вечер мы решим дюжину таких задач. Представляю физиономию Пшорра — он тоже ищет формулу морфина...

— Вы ошибаетесь, Поль, считая бальзам усилителем мыслительных способностей.

— Но формула, вот эта формула,— Миар под-

бежал к столу и ткнул пальцем в лист бумаги.— Как вы можете утверждать...

— Могу, Поль. Я думал об этом раньше — и был на шаг от догадки. Я наблюдал за вашими мышами. А теперь я вижу, как бальзам действует на человека... Успокойтесь и выслушайте. Дело намного сложнее, чем вам кажется. Бальзам — универсальный усилитель. Он усиливает все особенности характера. Не знаю даже, как сказать: характера или ума. Так или иначе — он усиливает все качества. Именно это делает его действие непостижимым. Пожалуйста, не перебивайте, Поль. Из обычного человеческого «я» бальзам делает «Я» большое, даже грандиозное. Да, бальзам способен превратить талант в гениальность. Зато из человека с едва ощутимыми задатками жадности бальзам сделает Шейлока. А человека, едва склонного к подозрительности, он превратит в Отелло... Мне трудно это сформулировать, вы улавливаете мою мысль, Поль? Этот бальзам... так действуют некоторые фотографические реактивы: усилитель делает изображение более резким, а закрепитель фиксирует это контрастное изображение. Настолько ли хорош современный человек — вы, я, любой, — чтобы усилить... не знаю, как сказать, спектр наших качеств, что ли, и закрепить, навсегда закрепить в усиленном виде?

— Сегодня вы многословны, мой друг. Можно сказать короче. Допустим, формула человеческого сознания «а» плюс «b» плюс «с». Тогда действие бальзама...

— Но почему так примитивно, почему только «а», «b», «с»?

— Бог мой, на самом деле в формуле могут быть сотни величин. Это не меняет сути дела. Так вот, бальзам превращает «а» в «а³», «b» — становится равным «b³», «с» — «с³». И так далее. Вы это имели в виду? Бальзам усиливает все качества, утверждает вы, плохие и хорошие — и какое-нибудь незаметное раньше «с», превратившись в «с³», может стать опасным. Я правильно вас понял? Не буду сейчас обсуждать вашу догадку. Допустим, она верна. Но объясните: почему надо прерывать опыт? Я не стал ни венецианским купцом, ни венецианским мавром. Бальзам позволяет мне лучше думать — и только.

— Вы приняли бальзам сорок восемь минут назад. Еще четверть часа — и нейтрализатор не подействует.

— Что ж, прекрасно. Поймите, Жерар, у меня бальзам усиливает только мышление.

— Неизвестно. В других обстоятельствах...

— Бог мой, как вы сегодня недогадливы! Вы же видели: сила мышления, будучи увеличена, проявилась даже произвольно. Она прорвалась, понимаете? Но только она одна! Согласно вашей гипотезе, это редкий, но благоприятный и безопасный случай. Так почему бы нам этим не воспользоваться? Ведь и дальнейшее изучение бальзама пойдет быстрее, если мы будем лучше соображать.

Смешно, подумал Десень, я пытаюсь сойтись с ним в логике. Это его стихия. Логика и упрямство... Впрочем, тут сложнее: упрямство, подхлестнутое бальзамом, заставляет служить себе логику. Конечно, все дело в бальзама! Появился этот самый «с³». Иначе Поль увидел бы опасность... Глупое положение. Чтобы прекратить действие бальзама, нужно принять нейтрализатор. А чтобы Поль принял нейтрализатор, должно прекратиться действие бальзама. Заколдованный круг. И как еще заколдованный!..

— Я ожидал от вас большей решительности, — говорил Миар. — Видимо, путешествия расслабляют волю исследователя. Все эти поездки, прогулки, плавания — слишком приятный способ познания... Не принуждаю вас. Но мое право — решать за себя. Если за час я могу узнать то, на что при обычных условиях потребуются десять лет, зачем мне эти десять лет?

— Послушайте, Поль...

— Достаточно, Жерар. Не станем же мы принуждать друг друга. Каждый решает за себя. Так будет разумно и справедливо.

— Справедливо? — переспросил Десень.

Ему вспомнился постоянный двор у переправы через Рио Гранде. Однорукий Аумадо кричал тогда о справедливости, а рядом с ним лежали два пистолета, и Десень знал, что заряжен только один из них. Только один... Нелепая идея: то, что удалось с подвыпившим Аумадо, не удастся с Миаром. Но другого выхода просто нет.

— Пожалуй, вы правы, — тихо сказал Десень. — Я согласен. Пусть будет по-вашему.

Он снял с полки склянку и протянул ее Миару.

— Вот бальзам.

Единственная возможность — сыграть на упрямстве и логике. Пусть Поль что-то заподозрит; подозрительность — великолепный трамплин для глупости... и ума. С этого трамплина прыгают одинаково.

— Поверьте, ничего не случится, — миролюбиво произнес Миар, принимая склянку. Он почти напевал. — Ничего не случится, ничего...

В глубине комнаты был полумрак, но Десень видел, какими точными движениями Миар отмерял в мензурке бальзам. Там совсем темно, подумал Десень, что можно заметить в такой темноте?..

Внезапно Миар поставил мензурку на стол и с бутылкой в руках направился к окну. Он внимательно всматривался в красную наклейку. Он прямо-таки впился в нее взглядом.

— Почему этот конец отклеен? — спросил он. — Посмотрите...

— Не знаю, — быстро ответил Десень.

— Мой бог, Жерар, кажется, вы хотите меня поведать!..

— Но...

— Вы поменяли этикетки?

— О чем вы говорите, Поль?

— Ну, конечно! Теперь я понимаю, почему вы уступили... И так охотно дали мне эту бутылку.

— Это бальзам, поверьте, — сказал Десень. Голос его прозвучал как надо — очень честно.

Миар пожал плечами.

— Я заметил что-то странное в вашем поведении. Не хотелось верить, что вы можете прибегнуть к таким... аргументам.

— Это бальзам, — повторил Десень. И снова его голос прозвучал как надо.

Буркнув что-то, Миар поставил бутылку на полку.

— Когда вы это сделали? — спросил он. — Неужели еще до опыта?

Он взял другую бутылку, внимательно оглядел синюю наклейку и удовлетворенно усмехнулся.

— Ну вот. Здесь тоже наклеено не так. Я отлично вижу! Быть может, вы руководствовались самыми лучшими побуждениями, но, право, Жерар, вы злоупотребили моим доверием...

Все-таки есть на этом свете справедливость,

подумал Десень: даже встреча с Аумадо может чему-нибудь научить... Но как силен «с³»!

— Вы ловко проделали это,— продолжал Миар.— Вот только слишком охотно передали мне бутылку с красной наклейкой. Я сразу подумал — почему? И вывод напрашивался сам собой... Ладно. Теперь все ясно, возобновим опыт. Ведь вы не будете мне мешать?

Десень смотрел, как Миар отливает из бутылки с синей наклейкой двойную дозу вязкой темной жидкости. Что ж, на здоровье! Двойная доза нейтрализатора нисколько не повредит. А потом мы спокойно поговорим. Без этого проклятого «с³».

* * *

Весь день шкипер до хрипоты ругал Даниэля Китца, всучившего ему амулет из змеиной кожи. Амулет должен был притягивать попутный ветер, но паруса «Рыбки» тяжело висели на реях. Воздух, прокаленный тропическим солнцем, был неподвижен. Шкипер клялся, что выбросит паршивый амулет за борт. Он поносил родственников Китца, потом всех англичан вообще, потом родственников всех англичан, пока не дошел — по какой-то странной ассоциации — до римского папы. И тогда с оста потянуло ветерком.

— Вот, мсье,— сказал шкипер, показывая Десеню амулет, подвешенный на кожаном шнурке.— С этими штуками всегда так. Потребуйте с них как следует, и они все сделают.

С наступлением темноты ветер окреп. Шкипер настороженно прислушивался к посхрипыванию мачт, но парусов не убирал.

— Даниэль Китц продолжает нам покровительствовать,— сказал Десень. Он и Миар сидели за рубкой, там не было ветра.— Станный человек этот Китц. Не могу представить, каким бы он стал, приняв бальзам. Из таких людей бальзам должен делать злодеев или святых. Вот оно, непостижимое...

— Может быть,— отозвался Миар.— Очень может быть... Вы знаете, Жерар, я до сих пор не освоился с нашим решением. Логически все правильно, тут не о чем спорить. И все-таки... Смысл науки в том, чтобы открывать людям новое. Но мы, открыв это новое, решили его не оглашать... Я хочу, чтобы вы меня поняли, Жерар. Нет никаких сомнений, что бальзам может оказаться и величайшим благом, и величайшим злом. Но ведь это не впервые: порох, например,— и добро, и зло. В конце концов, даже огонь, самое древнейшее открытие, тоже добро-зло. Нет другого пути для прогресса: нужно идти через такие открытия... Подождите, Жерар, я еще не все сказал. Так вот, я чувствую, что бальзам, с его каким-то совершенно особенным добром-злом, отличается и от огня, и от пороха, и от пушек. Но чем? Большой величиной добра-зла?

— Вы хорошо сказали, Поль: добро-зло... Да, любое открытие содержит это самое добро-зло. Но всегда видно, как используется открытие — для зла или для добра. С бальзамом иначе. Добро или зло — дать его Китцу? Добро или зло — дать его любому человеку?... Обычно открытия относились к тому, что вне человека. Во всяком случае, они не затрагивали человеческой сущности. И только бальзам... Машины возвеличивают или угнетают человека, но они остаются вне человека. Когда же вы начинаете менять сознание... О, тут можно сделать из человека прекрасного бога или мерзкого зверя!.. Да, Поль, современная наука преобразовала мир. Железные дороги,

электричество, дирижабли, синематограф братьев Люмьер, опыты с телеграфированием без проводов... Но теперь я вижу огромный материк, еще не открытый наукой. Сознание человека, его мышление. Даже шире — **сущность** человека. Тут, как на контурной карте, отмечена только береговая линия. Мы пока не знаем — что там, в глубине материка. Власть тоже меняет человека. А что мы об этом знаем? Кто это изучает? Где формулы, по которым можно рассчитать, что получится из Китца, если дать ему власть Чингизхана или богатство Ротшильдов?... Нужно понять — каков человек.

— И каким он должен стать.

— Да. Не зная этого, нельзя использовать бальзам. Быть может, удастся открыть и другие средства воздействия на мозг, на сознание человека. С ними возникнет та же проблема. Мы вступаем в неисследованный мир... Странная мысль, Поль, но мне кажется, где-то впереди главная наука. Быть может, ее назовут человекологией. Наука о превращении человека в Человека — с большой буквы. Наука о том, каков человек и каким он должен стать, в чем цель существования человечества. Иначе мы никогда не будем знать — что нужно человеку.

— Опасная наука. Найдутся оппоненты, которые будут возражать свинцом. Опыты придется ставить на баррикадах...

— Мой дед был коммунаром, Поль.

— Жаль все-таки, что надо молчать о десе-ните...

Десень ничего не ответил. До слез обидно, когда убегает зайчик. А ведь он был пойман, изумительный зайчик, о котором можно только мечтать...

К ним подошел шкипер.

— Команда собирается отметить праздник,— сказал он.— Отчаянный народ: у них только прокисшее бомбейское вино, но они осмелились пригласить вас, мсье Жерар, и вас, мсье Поль.

Десень рассмеялся, он насковоз видел шкипера.

— Мы придем, Жан, спасибо. Помнится, в Марселе нам доставили анкерок бургундского. Если отчаянный народ не будет возражать...

— Они неприхотливы, мсье.

— У меня в каюте,— сказал Миар,— вы обнаружите и кое-что покрепче. Справа, на полке.

— Я видел, мсье Поль. Издали.— Шкипер кашлянул.— Ребята будут довольны. Длинный Жорж с утра сочиняет тост...

Гудели туго натянутые паруса. Маленькая шхуна, подхваченная ветром, отважно летела сквозь ночь.

— Мы даже не заметили, как прошло рождество,— тихо сказал Миар.— Подумать только, кончается девяносто девятый год. Еще несколько часов — и мир вступит в двадцатый век...

Каким он будет, думал Десень, этот новый век? Век науки? Конечно. Век революций? Да. Век искоренения злобы, варварства, войн? Безусловно.

— Двадцатый век,— продолжал Миар,— вот кому принадлежит наше открытие. Мы недолго будем держать его в тайне. Наступает новое время — просвещенное, гуманное...

Десень молча пожал ему руку.

Что поделаешь, зайчик выскользнул и удрал. Ладно, зайчик, беги. Ты еще не раз будешь удирать. Но когда-нибудь мы тебя поймем. Придет такой день.

Придет.

В чужом доме

Под крышей, над самым входом в дом, ласточки подвесили свое гнездо — массивный глиняный горшок. Опасаясь, что от постоянного хлопанья дверью он может свалиться кому-нибудь на голову, я сколотил из дощечек щиток и хотел было укрепить его под гнездом. Но мое внимание привлекло необычайное поведение птиц. Они попеременно подлетали к гнезду и тут же бросались в сторону. Затем, как по команде, уселись на выступ и протяжно засвистели.

Мне приходилось часто наблюдать за этими милыми птицами, но я не слышал, чтобы они издавали такой странный свист. На их позывные слетелось откуда-то множество ласточек. Они сутились возле гнезда, заглядывали вовнутрь, как бы спрашивая: «Что случилось? Что такое?» Видимо, выяснив причину поднятой тревоги, куда-то улетели, но вскоре вернулись. Они передали двум ласточкам, оставшимся возле гнезда, что-то в клювиках и опять улетели.

Птицы принялись замазывать отверстие в гнезде. Что бы это значило?

Работа кипела вовсю. Строительный материал доставлялся так быстро, что отверстие уменьшалось на глазах. Но вот изнутри кто-то пробил дырочку. Ласточки немедленно ее замазали. Снова образовалась крохотная дырочка и снова закрылась. И так несколько раз.

Заделав отверстие в гнезде, птицы принялись старательно утолщать стенки. Похоже, что они кого-то замуровали.

Когда ласточки разлетелись, я забрался по лестнице и расковырял стенку гнезда. В нем оказался еле живой воробей. Я осторожно положил его на траву. Придя в себя, он удивленно чирикнул: «Жив, жив!» и взлетел на ветку.



«Будешь знать, как занимать чужую квартиру», — напутствовал я его.

* * *

«Посмотрите, как скворцы выдворяют воробья!» — позвал меня знакомый мальчишка.

Я посмотрел вверх. На стволе развесистой березы была укреплена новенькая скворешня, любовно сделанная школьниками из золотистых сосновых дощечек. Два скворца тянули из отверстия скворешни за хвост упоравшегося воробья. Видно, он не желал покидать уютный домик, хотя бы из-за этого и пришлось лишиться собственного хвоста. Но законные хозяева тоже не были намерены уступать свое жилище какому-то нахалу. В конце концов им удалось вытащить воробья из скворешни.

Казалось бы, на этом дело и кончится. Но не тут-то было. Подлетели еще несколько скворцов, схватили незадачливого воробья за кончики крыльев и ножки и, распластав, понесли прочь от скворешни, а другие на лету долбили его по голове. Не знаю, остался ли жив бедный воробьишка, но если да, то урок этот, надо думать, он запомнит на всю свою воробьиную жизнь.

О. ЧИСТОВСКИЙ

Погоня

Два тетерева прохаживались по пригорку, склевывая камешки. Ничто не говорило об опасности, и все же косач то и дело поднимал голову, прислушивался. Этот старый, много повидавший на своем веку тетерев все время жался к болоту, где в любую минуту можно было спрятаться от врагов.

По-иному вела себя тетерка. Поминутно приводила она в порядок свой туалет: то выщипывала старые перья, то клювом расправляла новые.

Вдруг косач насторожился: со стороны озера послышались тревожные крики уток. Он уже знал, что это значит: вместе с утками возвратились в эти места и ястребы-тетеревятники, обычно «конвоирующие» уток при перелетах. Он вовремя заметил зловещую тень, мелькнувшую между деревьями и, не раздумывая, юркнул в болото, пробежал между кочками и замер

под прикрытием багульника. Тетерка тоже заметила ястреба, но растерялась, и вместо того, чтобы последовать за своим «рыцарем», вылетела на открытое место.

И началась погоня. Ястреб все время пытался взлететь над тетеркой, чтобы прижать ее к земле и сверху камнем броситься на свою жертву. К счастью для тетерки, они летели сосновым бором, где мохнатые ветви сосен смыкались между собой и затрудняли ястребу погоню.

Тогда он решил выгнать тетерку вновь на открытое место. Пролетели сосновый бор, начался редкий, мелкий березняк. Тетерка прижалась к земле, лавируя между чахлыми березками. Но было видно, что силы покидали ее. Ястреб вытянул лапы с острыми когтями, готовый кинуться на жертву.

Оба чувствовали, что развязка близка. Но вот за мелким березняком открылось озеро, на берегу которого стоял дом охотника. И с отчаянной решимостью тетерка полетела прямо к нему. Сил хватило лишь для того, чтобы подлететь к избе и забиться в угол между выступами сруба. У дверей стояли люди. Это испугало ястреба, и он скрылся за деревьями.

Почувствовав прикосновение человеческой руки, тетерка забилась было, но мягкая ладонь погладила ее по спине, и птица успокоилась. Она словно чувствовала, что теперь спасена.

Д. КЛЕЩЕВ

Доверчивый уж

Около месяца мы с сыном отдыхали на берегу заводи необыкновенно тихой и живописной лесной речки Вад. Ловили рыбу, загорали и «охотились» с фотоаппаратом на обитающих с нами по соседству пернатых и четвероногих жителей. Вели мы себя тихо, ходить старались бесшумно. По достоинству оценив наше скромное поведение, к нам постепенно привыкли лесные пичужки, прыгая у самой палатки, где мы им на куске фанеры оставляли крошки пищи.

Неподалеку расположилась семейка ондатр. Хотя вход в их жилье находился под водой, но мы видели, как мамаша-ондатра, не опасаясь нас, таскала малышам корм, умывалась, приглаживая лапками мордочку и свою шелковистую шубку,



делала и другие свои дела так, как будто не замечала наблюдающих за ней людей.

Но больше всего нам полюбился уж. Он располагал к себе необыкновенным дружелюбием и доверчивостью. В первый раз его заметил сын. Уж вытягивал из сетчатого садка, где мы держали живцов, всплывавших на поверхность полудохлых рыбешек. Он повторял это и в последующие дни. Однажды сын, перед появлением ужа, рыбу из садка вынул. Уж был явно огорчен отсутствием привычного для него корма. Тогда сынишка взял удилице и, нацепив на его кончик рыбешку, поднес ее к голове лакомки. Уж сначала отпрянул в сторону, а потом, успокоившись, принял угощение. Вскоре он совсем освоился.

В один из дней мы забыли покормить ужа, и он сам пожаловал к нашей палатке во время обеда. Приподняв голову, он явно просил поделиться с ним едой. Сын сбегал и принес порцию рыбешек. С этих пор уж привык к нашему распорядку дня и аккуратно появлялся к обеду.

Вскоре он совсем переселился к нам, облюбовав себе место для жилья и ночлега в корнях дуба, стоявшего рядом с палаткой. Он до того привык, что стал всюду ползать за нами, и приходилось быть очень осторожными, чтобы случайно не наступить на него.

П. МОЧАЛОВ



По Гамбургскому счету



ЖЕЛЕЗНЫЙ САМСОН

ПОВЕСТЬ ОБ УДИВИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ И ТАИНЕ
ЗНАМЕНИТОГО РУССКОГО БОГАТЫРЯ, КОТОРЫЙ
БЫЛ РОСТОМ НИЖЕ МНОГИХ ИЗ НАС, А МОГ
ПОЙМАТЬ НА ЛЕТУ И УДЕРЖАТЬ ПУШЕЧНОЕ
ЯДРО.

Шура был счастлив. Трудная работа, более чем скромные заработки, страх перед отцом — ничто не могло омрачить его радости: он причастен к пестрому, буйному и веселому миру цирка!

Но сборы стали низкими. Никакие ухищрения Андишевского не помогали. Цирк, что называется, прогорал. Нужно было менять место.

Хозяин решил перебраться в Ташкент. Там он надеялся поправить свои дела, а заодно прикупить лошадей для дрессировки.

Узнав о готовящемся отъезде, Шура бросился к Кучкину. Ведь если цирк уедет, а Шура — вместе с ним, то как же отец будет получать письма из Оренбурга? А если писем не будет, отец напишет в депо, и все выяснится.

Кучкин долго сокрушенно кивал, но ничего придумать не мог. Положение казалось безвыходным: Шура нужно было уходить.

Андишевский, узнав эту новость, был очень удивлен. Более того, раздосадован. Ведь уходил многообещающий цирковой силач, вдобавок не гнушающийся пока никакой подсобной работы.

Тогда Шура рассказал ему все, и Андишевский не просто посоветовал, а приказал ему вернуться к отцу.

— Поезжай, Шура, и чистосердечно во всем признайся, — сказал хозяин. — Помни, что людям очень часто приходится врать. А мы в цирке, случается, делаем обман своей профессией. Но должен быть среди этого моря лжи где-то островок правды. Пусть им будет твоя семья. Я чувствую, что родители твои честные люди, заботятся о тебе. Езжай и расскажи им все начистоту. Хотя, право же, мне не хочется тебя отпускать.

Кучкин в день прощания со своим напарником напился.

— Ты очень сильный человек, малыш Засс, — бормотал Кучкин. — И весишь всего шестьдесят три килограмма. Я тоже сильный, но я вешу почти в два раза больше. Тренируйся. И будешь сильнейшим циркачом в мире...

Шура отправился на вокзал. И хотя Андишевский щедро с ним рассчитался, настроение было паршивым. Он припоминал, как тепло прощались с ним товарищи по цирку, даже те, с кем он не был

Начало см. в № 3.

огобенно близок. Шуре казалось, что он невозвратно потерял дружную и добрую семью.

На вокзале выяснилось, что поезда до Саранска придется ждать довольно долго. Шуру одолевали самые невеселые мысли: о цирке, который, наверное, уже погрузился в большие красные вагоны на товарной станции, о позоре, который придется пережить дома после полугода свободной, самостоятельной жизни.

Случайно внимание юноши привлек большой лист бумаги, укрепленный на высокой тумбе в конце платформы. Подошел поближе. Афиша извещала, что цирк Юпатова, который гастролирует в близлежащем городишке, на будущей неделе намерен приехать в Оренбург.

О цирке Юпатова Шура слышал довольно много. Это был так называемый «цирк-шедевр», у которого почти не было конкурентов... Интересно, не потому ли еще Андисhevский заторопился в Ташкент?

Сама судьба не хотела, чтобы Шура покинул арену... Юпатов принял его чернорабочим. Но и это было для Шуры праздником.

Представления в цирке были действительно великолепны. Гвоздь программы — выступление Анатолия Дурова, к которому Шура был вскоре назначен ассистентом.

На арене появлялся по-клоуновски одетый человек и свистом зывал животных. Первыми появлялись птицы и собаки, затем цыплята, утки, свинки, обезьяны, крысы и мыши. Шум на манеже стоял невообразимый. Ноев ковчег да и только.

Затем по сигналу Дурова шум смолк, и наступала мертвая тишина. Это был как бы пролог к спектаклю.

Сам же спектакль состоял из множества забавных сцен. Вот с верхней площадки, из-под самого купола, опускается канат. Крысы и мыши взбирались по этому канату и добровольно влезали в пасть страшной кошачьей головы — искусного макета.

И когда маленькие «артисты» проделывали это, цирк долго не умолкал, аплодировал.

Но венцом спектакля был знаменитый дуровский поезд. Две обезьяны забирались на паровоз, исполняя роль машиниста и его помощника. Собаки и кошки занимали вагон первого класса, цыплята размещались во втором классе, свинки ехали третьим, а крысы и мыши залезали в багажник...

У Юпатова было четверо джигитов. Через полгода пятым стал Засс. Джигиты проделывали довольно сложные пируэты, стреляли на ходу в цель, рубили саблями лозу. Александр быстро освоился в этой веселой и дружной компании. Но вскоре его перевели к воздушным гимнастам.

Так Юпатов воспитывал молодых актеров. Он «пропускал» их через многие специальности, в первую очередь, для того, чтобы выявить истинные склонности, а во-вторых, чтобы иметь подмену в случае необходимости.

У воздушных гимнастов Шура задержался недолго, хотя и эта работа пришлась ему по сердцу. Через некоторое время он начал выступать в группе борцов.

Старшим в группе был Сергей Николаевский, превосходящий сложенный гигант весом чуть ли не в полтора центнера.

Приглядываясь к борцам, Шура обнаружил удивительную вещь. Оказывается, они имели очень приблизительные представления о настоя-

щих физических возможностях своих товарищей, за исключением Николаевского. Его первенство было бесспорным. Он был и самым сильным, и самым ловким, и самым храбрым из всей команды. Исход же любой схватки определялся не действительным преимуществом в силе и технике, а чисто корыстными соображениями. Публика, валам валившая в цирк, делала ставки то на одного, то на другого своего любимца. Ставки были немалые. И именно они-то и решали судьбу всякого поединка. В результате борцы выигрывали немало денег у простаков, считавших себя знатоками цирка. Однако деньги эти были сущей безделицей по сравнению с тем, что выигрывал хозяин цирка Юпатов.

Делалось это так. Перед началом выступления борцов какой-нибудь посетитель — «подставной», по цирковой терминологии, — доверительно сообщал двум-трем соседям, что Николаевский нынче нездоров, выступать будет плохо и обязательно проиграет Сердюку, чемпиону Малороссии. Вспыхивал спор. «Подставной» предлагал пари — ставил сотню рублей на непопулярного Сердюка. В ответ сыпался фантастические предложения: пятьсот против сотни на Николаевского. «Подставной» делал вид, что входит в азарт, и ставок заключал множество.

Хозяин цирка был, естественно, информирован о ходе споров. И когда, с его точки зрения, «игра стоила свеч», Николаевский получал команду «лечь!».

Дальше события развивались по-разному. Одни спорщики безропотно отдавали проигранные денежки «подставному». Другие скандалили, уличая борцов в нечестной работе. Бывало, и поколачивали «подставного». Однако заведенный порядок не менялся.

Редко, очень редко, но все-таки боролись богатыри «на честность», без свидетелей. И, бывало, по большому счету сильнейший действительно оказывался слабейшим.

Но на Николаевского никакой счет не влиял: он действительно был лучше всех. И борцы это признавали.

Потому-то, зная свои силы, Сергей любил задира товарищей, вызывать их на соревнования, часто рискованные. Однажды, когда после выступления борцы всей командой сидели в ближайшем к цирку трактире, их капитан вдруг завел речь, показавшуюся всем весьма странной.

— Вы все, конечно, сильные, — начал Николаевский, подвигая к себе бутылку с пивом. — Но найдется ли среди вас человек, который, не наложив в штаны от страха, сделает одну простую штуку? Какую? Я покажу. Впрочем, если хотите, могу и рассказать. — Николаевский был порядком пьян и говорил несвязно. — Тигра нашего знаете? Ну да, Акбарку. Так вот, я сейчас пойду и разведу прутья у его клетки. И пусть кто-нибудь из вас делает то же самое.

Вызов был брошен. Борцы толпой отправились в цирк. Засс, едва ли не единственный трезвый в компании человек, ясно отдавал себе отчет в опасности затеи. Прежде всего, прутья были крепкими, рассчитанными на необузданную силу гиганта Акбара. А потом, навряд ли тигр будет спокойно смотреть, как кто-то пытается раздвинуть прутья его клетки. Шуре виделся молниеносный прыжок зверя, удары могучих лап, кровь...

Но отговорить товарищей было невозможно, Хмельная удадь гнала их вперед.

Оттеснив недоумевающего служителя, борцы с гамом и хохотом ввалились в зверинец.

Николаевский снял пиджак, поплевал на ладони и вцепился в решетку. Тигр удивленно поднял голову. Шум вокруг клетки стих. Только отчетливо слышалось тяжелое дыхание Сергея.

Наконец Николаевский отпустил решетку. И тут все увидели, что два огромных стальных прута разведены примерно на вершок.

Сергей театрально поклонился и сделал приглашающий жест: «Прошу!». Однако желающих не находилось. И это можно было понять. Акбар, хозяин клетки, встал и внимательно обнюхивал прутья, прогнутые Николаевским. Кто знает, что придет ему в голову при следующей попытке.

И тут вперед вышел Шура Засс.

— Я попробую,— сказал он, снимая пиджак.

За его спиной раздался смех, какая-то сальная шутка. Николаевский тяжелым взглядом смерил шутника:

— Потихе, вы! Малыш Засс меньше вас всех. Но у него сердце мужчины. А ну, Александр, покажи этим трусам, на что ты способен! — и Сергей дружески хлопнул Шуру по спине.

Прутья были холодными. Прямо напротив — глаза зверя. Пустые зеленоватые зрачки. Шура чувствовал зловонное дыхание Акбара. Но прутья уже поддаются! Еще усилие — и они изогнуты так же, как у Николаевского.

— Хорошо сработал, Засс,— сказал Сергей.— Ну, а вы? — обратился он к другим борцам.— Струсили?

Это было уже слишком. Вот сбросил пиджак Сердюк, вот Иван Пещерный не спеша скатал свой сюртучок, вот Андрей Вахонин разминает пальцы. Увидев такое оживление у клетки, Акбар начал бегать большими кругами, бросаться на решетку.

Но Николаевский не считал волнение Акбара причиной, достаточной для прекращения состязаний. Он вызвал дрессировщика, и пока тот держал Акбара трезубцем в дальнем углу, борцы по очереди безуспешно пытались гнуть прутья.

Николаевский улыбнулся и сказал:

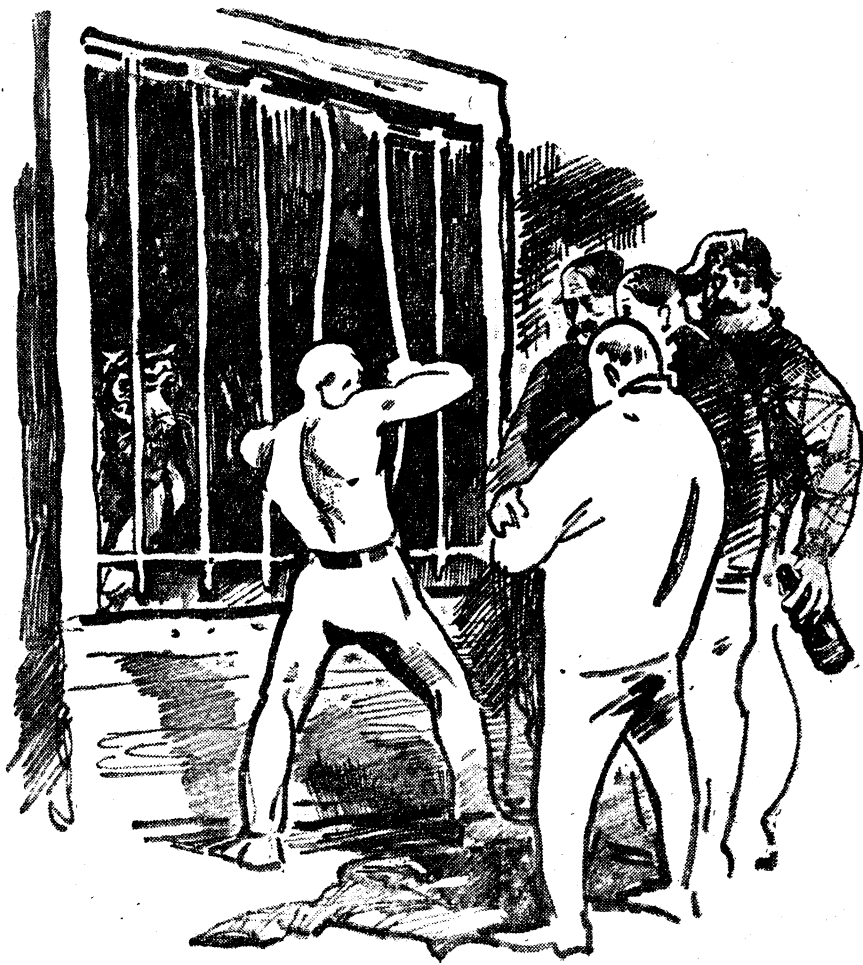
— Ну, а теперь взгляните, что еще я сделаю.

Он подошел и с большим трудом поставил два прута на место. Следом за ним выпрямил два своих прута и Шура.

Борцы смотрели на него хмуро. Но победа была бесспорной.

Через несколько дней хозяин цирка предложил Александру выступить со своим силовым номером.

Нечего говорить о том, как волновался Шура, идя к хозяину. Единственный трюк, на который он возлагал кое-какие надежды, — «баланс с самоваром» — был еще далеко не готов. Ну, а



остальное... Остальное, по его мнению, явно не годилось для юпатовского цирка шедевров.

Но идею «баланса с самоваром» Юпатов неожиданно забраковал как слишком провинциальную. Зато остальные трюки он оценивал долго и тщательно.

После многочисленных обсуждений решили, что Александр будет демонстрировать силовые упражнения — гнуть железные прутья, рвать цепи руками и усилием грудной клетки. Дополнялись эти трюки номерами менее трудными, но очень эффектными. Чтобы продемонстрировать силу грудных мышц, Шура ложился на спину, а у него на груди размещалась специальная платформа, вмещающая до десяти человек. Позже этот номер был усовершенствован. Атлет ложился уже не на пол, а на борону с острыми гвоздями. При этом он удерживал на груди огромный камень.

Чтобы продемонстрировать силу челюстей, Александр удерживал в зубах специальное приспособление с платформой, на которую садились два самых тяжелых борца или устанавливалось пианино. Удерживая все это сооружение, он цеплялся ногами за два кольца, и его вместе с платформой поднимали под самый купол цирка. Номер был особенно эффективным, когда вместе с пианино ввесь взмывала пианистка, исполнявшая браваурный марш.

Кончалось выступление необычно. Засс сажал на стол гармониста. Потом устанавливал этот стол на специальный шест. Шест водружал себе на лоб. И, балансируя, покидал арену под аккомпанемент гармоники.

...По всему Оренбургу были расклеены афиши, возвещавшие о появлении нового силача. (Одну из таких афис Шура вместе с подробным письмом послал отцу. Тот ответил сердитой запиской: «Цирк — это вздор...») Народ валил на представление валом. Сборы были превосходны. Юпатов ходил довольный и, ввиде надбавки к зарплате, после наиболее удачных выступлений дарил Шуре золотые монеты. Казалось, настали счастливые времена...

Но счастье циркача недолговечно. В одну глухую августовскую ночь вспыхнул с четырех углов цирковой зверинец. Поговаривали, что не обошлось здесь без завистников-конкурентов. Так это было или нет — выяснить не удалось.

Урон от пожара был катастрофичен. Большинство животных погибло, имущество сгорело. Артистам платить было нечем, и труппа распалась. Дуров уехал в Петербург, джигиты-наездники отправились на Кавказ. А Шура с группой борцов...

Черная маска

По дорогам южной Сибири, переходя из города в город, пробиралась к югу небольшая группа мужчин. Одеты они были весьма странно для тех мест. Их некогда элегантные костюмы выгорели под знойным солнцем, пообтрепались и запылились. Обувь имела вид совершенно жалкий. Пожалуй, их можно было бы принять за бродяг, если бы не аккуратные выбритые лица — на тщательном бритье Сергей Николаевский настаивал независимо от условий жизни.

Семеро борцов обанкротившегося Юпатов-

ского цирка шли в хлебную Среднюю Азию. На пропитание себе они зарабатывали выступлениями. Ареной служила в лучшем случае площадь уездного городишка. А чаще просто проезжая дорога или улица.

Посмотреть на богатырские схватки сходились жители сел и городов. Хлопали охотно, однако кошельки развязывали не торопясь. Совсем отошдали и ослабели борцы от такой жизни. Вид у них был смешной и жалкий, когда добрался группа до Ашхабада.

Здесь им в глаза бросилась афиша, объявлявшая о выступлении цирка Хойцева. Главным номером значилась борьба с вызовом желающих из числа зрителей. Разыгрывались призы. Конечно, цирк Хойцева был меньше Юпатовского. И все-таки...

На окраине Ашхабада, на берегу желтого арыка, Сергей Николаевский провел организационное совещание. Было решено, что он и Засс примут вызов хойцевских борцов. Остальные пятеро должны тщательно вымыться, почистить одежду, побриться, словом — привести себя в приличный вид и сесть в первом ряду партера. Если хозяин цирка попробует сделать какой-то обманный ход, эта пятерка в партере должна будет разыграть глубочайшее возмущение и, апеллируя к публике, принудить Хойцева вести игру честно.

И вот семеро плечистых, голодных, готовых на все парней двинулись к ничего не подозревающему балагану.

После парада борцов арбитр встречи обратился к публике: «А теперь, уважаемые, любый сильный человек может попытаться в борьбе с нашими силачами. Победителю — приз!!!»

Николаевский и Засс поднялись со своих мест и двинулись к арене. Сергей громким басом возвестил:

— Мы с товарищем принимаем вызов. Готовы бороться с любыми бойцами.

По залу прокатился сдержанный смешок. Уж больно комичная была пара: гигант Николаевский и маленький, с виду шустрый Засс. Арбитр, точно сориентировавшись в настроениях публики, решил превратить этот вызов в шутовую сценку.

— А ваш товарищ не боится быть раздавленным кем-нибудь из наших великанов? — обратился он к Николаевскому.

— Нет, — коротко бросил Сергей.

— Но при его росте и весе едва ли можно ждать интересной схватки, это будет игра в кошки-мышки, — не унимался арбитр. — Какая «кошка» вам предпочтительнее? — обратился он к Шуру, обводя рукой строй бойцов.

Цирк хохотал. «Давай, малыш, не тушуйся! Не съедят тебя. А съедят — не беда...» — отчетливо слышал Шура насмешливые выкрики.

— Мне все равно, — ответил он арбитру спокойно.

Это спокойствие, видимо, озадачило судью. — Не откажите назвать ваши фамилии, — обратился он к Николаевскому и Зассу.

— Мы будем бороться инкогнито: господин Икс и господин Игрек.

Цирк насторожился. А арбитр вдруг пришел в прекрасное настроение.

— Что ж, начинаем! Вот ваш противник! — Он подвел Шуру к огромному толстому детине.

Противник был килограммов на пятьдесят тяжелее Шуры. И вот началось то, что арбитр заранее назвал игрой в кошки-мышки. Шура бегал по ковру, нырял между ног гиганта, набрасывался

на него и тут же отпускал. Всеми силами он стремился, избегая захвата огромных рук, заставить противника сделать как можно больше лишних движений. Измотать его, сбить ему дыхание. Наконец Шура решил, что пора идти в атаку. Он схватил противника и попытался бросить через бедро. Однако тот без труда выскользнул из захвата. Тут только Шура заметил, что все тело борца смазано маслом. Это открытие чуть было не привело Шуру к поражению: противник оказался не таким уж уставшим, как можно было подумать. Благополучно отразив нападение, он кинулся в контратаку. Только удивительная ловкость спасла Шуру.

Схватка продолжалась. Еще четыре раза пытался Шура бросить противника на ковер, и все эти попытки кончались неудачей. Но гигант устал. Ожиревшее сердце не успевало гнать в легкие достаточное количество крови. Он задыхался. И тут-то Шура поймал его «на бедро». Грозный противник рухнул на ковер. «Лопатки», — зафиксировал арбитр.

Зрители, до самой последней минуты не верившие в Шурину победу, бурно аплодировали. Директор манежа отсчитывал ему денежный приз.

Настала очередь Николаевского. Но тут на арену вышел хозяин цирка Хойцев. Невысокого роста, худой, кривоногий, в прошлом неплохой наездник, он обычно избегал появляться перед публикой. Однако случай был исключительный: дело пахло солидным проигрышем.

Шура подмигнул товарищам, сидевшим в первом ряду: «Будьте готовы ко всяким неожиданностям».

Но тон Хойцева как будто не предвещал ничего дурного. Поздоровавшись с Сергеем, как с почетным гостем, он тепло поздравил Шуру с победой и лишь после этого обратился к зрителям:

— Уважаемая публика! Вы видели блестящую победу господина Икс. А сейчас вы увидите зрелище еще более захватывающее: наш лучший боец, чемпион Европы и Америки, страшный венгр Чая Янош вызывает таинственного господина Игрек бороться с ним на поясах! Вы принимаете вызов, господин Игрек?

Сергей наклонил голову в знак согласия.

Принесли пояса. Это были тяжеленные, окочеванные медью кожаные ремни с рукоятками. С помощью ассистентов борцы были обряжены в эту сбрую. Затем, став друг против друга, они вцепились в рукоятки и каждый старался оторвать противника от ковра. Два гигантских человеческих тела застыли в напряженных позах. Цирк подбадривал то венгра, то Сергея. И вдруг раздался треск: ручки от пояса Николаевского оторвались.

Тут на арене снова появился Хойцев.

— Уважаемая публика! — закричал он. — Наш гость-великан господин Игрек оказался так силен, так тяжел и могуч, что пояс не выдержал его силы. Приходите завтра смотреть на этот захватывающий бой. А мы тем временем укрепим на пояс самые крепкие ручки, какие только можно придумать.

Цирк недовольно пудел. Сергей нагнулся к Хойцеву и шепнул: «Ручки на моем поясе были подрезаны. Сто рублей сейчас же, иначе я все расскажу публике. Они же разнесут цирк!» «Согласен», — только и сказал Хойцев. Тогда Сергей, подняв руку, установил тишину.

— Уважаемые дамы и господа! Каждый, кто придет завтра, не пожалеет. Ибо увидит не только этот бой, но и кое-что другое, в виде премии за сегодняшний конфузный случай.

Заявление Николаевского было встречено аплодисментами. Хойцев благодарно улыбнулся Сергею и повел его за кулисы.

— Перестанем валять дурака, — сказал Хойцев, когда они остались с Сергеем наедине. — Вы цирковой борец?

— Да.

— Ваш товарищ тоже?

— Да.

— Вы здесь вдвоем?

— Нет.

— Сколько вас?

— Это не важно.

— Что вы здесь делаете?

— Зарабатываем на пропитание.

— Почему же вы просто не пришли ко мне?

Мы могли бы договориться.

— Именно потому, что у нас нет ни малейшего желания с вами договариваться. Или вы примете наши условия, или мы разорим вашу лавочку. Каждый день мои ребята будут класть ваших борцов на лопатки. И это будет продолжаться до тех пор, пока вы не обанкротитесь на призах.

— Ультиматум?

— Слишком громкие слова для таких пустяков, — Сергей задумчиво улыбнулся. — Просто, закон выживания. «Или всех грызи, или лежи в грязи».

— Что же вы хотите?

— Вот это уже мужской разговор, хозяин, — Сергей заулыбался еще задумчивее.

Тут же он выложил Хойцеву свои условия: все семеро борцов бывшего Юпатовского цирка поступают в труппу Хойцева, зарплата и количество выступлений — те же, что у Юпатова.

Хойцеву ничего не оставалось, как согласиться.

С появлением юпатовской семерки цирк Хойцева стал преимущественно борцовским цирком. Это было и хорошо — поскольку борьба пользовалась популярностью, и плохо: на фоне сильной борцовской команды все остальные жанры выглядели слабо.

Приходилось выдумывать разные новшества для поддержания сборов. Так, однажды было объявлено, что хозяин цирка заплатит 50 рублей тому, кто ударом кулака в живот собьет с ног самого легкого (65 кг) борца — Александра Засса. Множество народа хлынуло в цирк, но никому не удалось получить вожделенный приз.

Несколько раз повторял Хойцев и трюк с подрезанными ручками борцовских поясов. Это позволяло ему растягивать схватку на два дня: редкий зритель, видевший начало боя, не приходил назавтра, чтобы посмотреть его конец.

Однако, несмотря на все ухищрения, сборы цирка продолжали падать. Особенно плохо было в Актюбинске, куда цирк переехал из Ашхабада. Тогда-то у Сергея Николаевского и родилась идея «черной маски».

— Нам надо сделать сенсацию, — сказал он товарищам в один особенно неудачный вечер. — Нам должен вызвать на схватку какой-нибудь таинственный незнакомец. Хорошо, если будет он под маской. «Неизвестный борец под черной маской» — звучит? Мы могли бы «по секрету» рассказать, что он дворянин или, еще лучше, князь-инкогнито. Слух об этом разнесется быстро, и

тогда народ валом хлынет посмотреть разом и на загадочную маску, и на таинственного князя, и на борьбу.

Шуре эта мысль понравилась. Он горячо ее поддержал и убеждал всех в целесообразности этого предприятия до тех пор, пока Сергей не предложил сделать «черной маской» именно Александра Засса. Тут Шурин пыл поостыл, но отступить было некуда: все согласилось с таким распределением ролей.

Шуре очень не хотелось изображать эту пулуштовскую маску. Он попробовал даже намекнуть Сергею на возможность провала. Николаевский был неумолим: Засс приедет под черной маской и победит в первом бою.

«Ну, ладно,— подумал Шура.— Уж я тебе это вспомню». И, не теряя времени, начал готовить выступление.

Запасшись фраком и цилиндром, а также двумя саквояжами, Шура сел в поезд и уехал на две станции от Актюбинска. Оттуда он послал телеграмму в цирк Хойцеву: «Прибываю среду. Вызываю всех борцов. Черная маска».

Телеграмма эта была вывешена у дверей цирка. Хойцев распорядился напечатать специальные афиши, расклеить их, и вскоре весь город с жаром обсуждал новость.

Между тем Шура уже два дня жил на безымянном разъезде, дожидаясь своего времени. Когда, наконец, настала среда, он надел фрак, цилиндр, завязал лицо черным платком и отправился к поезду. Зрелище он являл собой забавное. Фрачные брюки оказались слишком длинными и узкими. Сам фрак был широк и тоже длинен. Цилиндр съезжал на уши.

Проклиная Николаевского, свою шутовскую роль, а заодно и весь белый свет, Шура в окружении большой толпы подошел к поезду. Стремясь как можно быстрее отделаться от провожающих, он буквально ворвался в вагон и... был встречен там воплями двух дам. Два пожилых господина, сопровождавшие женщин, поспешно ретировались через противоположную дверь и, хотя поезд уже двинулся, выпрыгнули на перрон. Громко крича: «Бандит, бандит!», эти два не склонных к шуткам пассажира кинулись к домику дежурного по станции. Железнодорожные ограбления в то время были не в диковинку. Поэтому паровоз остановили, и вооруженная подсобным инструментом толпа служащих двинулась к подозрительному вагону.

Долго пришлось убеждать ретивых стражей порядка, что перед ними не бандит, а смельчак, вызвавший на соревнование всех борцов Хойцевского цирка. Не раз в эти минуты вспомнил Шура недоброе слово Сергея Николаевского, втянувшего его в авантюру.

Но все закончилось благополучно. Начальник станции сам оказался страстным любителем борьбы. Он слышал о загадочной черной маске и даже видел цирковую афишу, где описывался этот мужественный вызов. Зассу были принесены многочисленные извинения. Из «ужасного бандита» он превратился в предмет восхищения и восторгов.

Поезд тронулся. До Актюбинска наш герой добрался спокойно.

На вокзале же его ждал сюрприз. Депутация городских чиновников с духовым оркестром пришла встречать таинственную «черную маску».

Шествие к цирку было поистине триумфальным. Впереди, сияя медью труб, двигался оркестр. За ним важно шел наш герой. Следом, на

почтительном расстоянии, роилась толпа чиновников в парадной форме с позументами. Простой народ замыкал процессию. Последним шел носильщик. Он с трудом тащил два тяжелых саквояжа, которые привезла с собой загадочная «черная маска». Каково было его удивление, узнай он, что эти пудовые саквояжи битком набиты... камнями — для придания их владельцу веса в глазах общества и хозяина гостиницы!

У цирка «маску» встречал парад борцов во главе с хозяином труппы. Шура пытался сказать речь, но из-за ликующих возгласов толпы не было слышно ни одного его слова. Наконец, когда шум поутих, он лично передал борцам вызов, чем вызвал неудержимый смех своих товарищей. Хотя такая реакция и не была предусмотрена, она тоже «пошла в дело»: зрители неодобрительно зашумели, считая смех борцов неспортивным. Так что эффект появления «черной маски» даже превзошел ожидания цирковых актеров.

Остановив смех, Сергей Николаевский вышел вперед и от имени труппы принял вызов. Затем он добавил, что «черная маска» может выбрать противника по своему усмотрению.

Тут Шура решил хоть чуть-чуть отыграться за все выдумки Сергея. Он объявил, что будет бороться с самим Николаевским.

Это было нарушением договора. Засс должен был бороться с кем-нибудь из тех, кого он мог победить наверняка. Теперь Николаевскому предстояло или пожертвовать своим престижем, дав Шуре победить себя, или же отказаться от асей затеи.

Взбешенный Сергей молчал. В толпе раздались свистки, крики: «Трус!». Наконец Николаевский выдал из себя: «Согласен».

Встречу назначили на вечер. А пока Шура в сопровождении все тех же чиновников отправился в лучшую гостиницу города. Там его уже ждал роскошный пир. Будь схватка настоящей, Шура, конечно, не позволил бы себе столько съесть и выпить. Здесь же, зная заранее итог поединка, он, как сам вспоминал впоследствии, «себя не обидел».

Наступил вечер. С трудом оторвавшись от стола, «черная маска» направилась в цирк. Чиновники не оставили Шуру и тут: видимо, его появление в городе было удобным предлогом, чтобы не ходить на службу и заодно избежать надзора жен. Мысль эта показалась Шуре забавной — сказывалось влияние обильных возлияний за обедом, и он поделился своими наблюдениями с одним из сопровождающих. Вскоре шутка эта обошла всю толпу. И наш герой стал не только самым смелым, не только самым сильным, но и самым остроумным человеком в городе Актюбинске.

Когда Шура подошел к цирку, ему вдруг стало страшно: такой большой толпы он никогда не видел. А вдруг все откроется? Мурашки забегали у него по спине. Но отступать было поздно, да и некуда.

...Схватки шли полным ходом. Однако зрители явно скучали. Все ждали решительного поединка чемпиона хойцевской труппы и смелого претендента.

И вот этот миг настал. Под гром оркестра и ураганные приветственные крики Шура обошел манеж и поздоровался с Николаевским. Сергей смотрел на него и посмеивался. Шура готов был руку дать на отсечение, что тот смеется над его съехавшим на уши цилиндром. «Ну, погоди, друг Сережа,— думал Шура, злясь все больше и боль-

ше.— Задам я тебе сейчас задачу, ты у меня запомнишь этот день».

Бой начался с разведки. Шура и Сергей долго кружили друг возле друга, выскивая слабые места. Николаевский был не слишком внимателен, не так, как он держался бы с настоящим противником. Шуре удалось поймать его на «захват» и сильно бросить на ковер. Затем он молниеносно сделал двойной «нельсон» и стал давить Сергею на голову, стремясь согнуть ему шею. Очень удивленный Николаевский безуспешно старался высвободиться. Тут Шура немного ослабил захват, дав Сергею возможность быстро вскочить на ноги.

Затем еще несколько раз Зассу удалось провести приемы и броски. Он порядком измучил, а, главное, разозлил Сергея.

— Пора мне тебя положить, малыш,— шепнул Николаевский, когда их головы достаточно сблизились и можно было говорить без риска быть услышанным.

— Я тоже самое думаю о тебе,— ответил Шура.

— Какая муха тебя укусила? — прохрипел Сергей, пытаясь «прожать» мост противника.

Засс не ответил. Счастливо увернувшись, он снова кинулся в атаку.

Вскоре схватка приняла ожесточенный характер. На арене соревновались два первоклассных спортсмена. Напрасно Хойцев что-то пытался сказать то одному, то другому. Они были заняты делом сильных.

Шура не надеялся положить Сергея — тот был сильнее и опытнее. Он только хотел «помучить» его, отомстить за необходимость играть дурацкую роль. Но в пылу боя сам забыл об этом. Так же, как и Сергей забыл о необходимости своевременно лечь.

Так прошло десять минут. Преимущества не было ни у одного из противников.

Рефери прекратил бой и объявил, что по условиям договора денежный залог выиграл боец под черной маской: он выстоял десять минут против чемпиона цирка Хойцева!

Цирк неистовствовал. Шуру дважды пронесли на руках вокруг манежа. А он думал об одном: хватит у Хойцева денег от сбора, чтобы выплатить залог? Конечно, дело было не в Шуре — все равно он этот выигранный залог возвратит труппе. Но если в кассе не окажется денег, публика разнесет цирк...

К счастью, денег хватило. Шура публично получил залог и отправился в гостиницу. Там его снова ждал пир, окончившийся только утром. Шура пригласил к столу всю труппу, было шумно и весело. Хозяин гостиницы объявил угощение за свой счет, не дав Шуре заплатить ни копейки: этот истинный поклонник борьбы хотел как можно вещественнее проявить свое восхищение прошедшим боем.

Сильно опьяневший Николаевский говорил по этому поводу на ухо Шуре: «Вот так вся наша жизнь — черт знает как. Врешь — тебе не верят, не врешь — тоже не верят. А потом вдруг задумываешь потеху, а оказывается — настоящий бой... Ничего не поймешь в цирке!»

Утром Шура в сопровождении оркестра прибыл на станцию. Там он сел в поезд и вернулся на безымянный разъезд. Переодевшись, он к вечеру уже был в Актюбинске. В цирке узнал, что сборы снова хороши. Теперь люди шли поглядеть на Николаевского, который боролся с зага-

дочным богатырем под черной маской. Отдав Хойцеву выигранный залог, Шура пошел к себе в комнату и заснул беспробудным сном. Спал он ровно сутки.

Настоящая работа

Проснувшись, Шура узнал, что в цирк ему идти не нужно. Дабы никто не узнал в «черной маске» профессионального циркового борца, Хойцев отстранил его от выступлений, и до самого отъезда из Актюбинска Шура был свободен. Теперь цирк мог позволить себе такую роскошь — содержать неработающего актера: публика, заинтересованная таинственным незнакомцем, обнаружила вдруг, что и обычная борьба, без масок и прочих загадочных атрибутов, — зрелище тоже не безынтересное. Сборы были полные. Хойцев благодумствовал и гнал Шуру с манежа: «Иди занимайся».

И Шура начал тренироваться. Он с неприятным чувством вдруг обнаружил, что «вышел из формы», как теперь говорят. Бродячая жизнь после банкротства Юпотова, заранее распланированные победы и поражения в цирке Хойцева — все это не способствовало серьезной тренировочной работе. Бицепсы стали твердыми, неэластичными, брюшной пресс оставлял желать много лучшего, спина начала горбатиться. Словом, пора, давно пора было браться за ум, если Александр Засс не хотел вскоре превратиться в цирковой балласт.

Размышляя над своей судьбой, подумал Шура и о Сергее Николаевском. Видно, и его форма была далеко не лучшей. Ведь год назад Зассу нечего было и мечтать устоять против Сергея. А теперь они боролись на равных.

Шура поделился своими мыслями с другом. Сергей горько вздохнул и только рукой махнул: «Ты прав, малыш. Я выдыхаюсь, чувствую это. Разве так можно бороться? Ты — иное дело. Поел ты или не поел, поспал или не поспал — молодость все равно берет свое, силу накачиваешь, матереешь. Тоже, конечно, но слишком здорово ты смотришься сейчас, подрастпустил себя. А мне уж вряд ли что поможет. Время, брат, да и стаканчик опять же... Ты держись, не поддавайся. Хочешь, с Хойцевым поговорю, чтобы пустил тебя на силовой номер? А то с такой борьбой совсем закиснешь».

Хойцев идеи Сергея не одобрил: он был много опытнее в цирковых делах.

— Если бы подстать Зассу, у нас были еще номера,— увещевал он Сергея,— ну, наездники, акробаты, укротители — вот тогда бы его выступление гляделось, уж ты мне поверь, я знаю. А у нас? Полтора немощных клоуна да облезлые дрессированные собаки... И вдруг выйдет заморыш Засс, ростом тебе едва по плечо, да и щуплый с виду. Объявим публике его вес — 67 килограммов. Заморыш, определенно заморыш! А заморыш этот начнет цепи рвать... Что подумает человек, сидящий в зале? Просмотрев наших клоунов да собачек, он уже засомневался: не зря ли за билет заплатил? А увидев малыша Засса, и впрямь уверится, что его тут морочат, что все — одно сплошное жульничество. И не только сам так подумает, но и соседям расскажет. Прогорим мы с твоим дружкой.

Опытен был хозяин, подноготную цирка знал, как свою ладонь. Но Сергей не отступал.

— Откормить Засса — хитрость небольшая,—

настойчиво спорил он.— Месяц спокойной жизни да специальные упражнения, чтобы мышцы росли. Такой будет товарный малый, хоть куда! Давай, Хойцев, попробуем.

С явной неохотой, чтобы только не ссориться с Сергеем, хозяин разрешил номер готовить. Тем более, рассудил он, выпускать Засса в борьбе сейчас все равно нельзя, узнают. Пусть потренируется пока, а там поглядим.

Шура работал упорно и много. Теперь его день начинался с трехкилометровой пробежки. Затем шли тренировки с железными прутьями — он сгибал их коленом, завязывал узлом, завивал пружиной. Потом наступала очередь цепей — Шура натренировался рвать их в два движения: возьмет два соседних звена, стиснет пальцами мертвой хваткой, повернет дважды туда-сюда до упора — и распадается цепь.

Упражнения на развитие грудных и спинных мускулов. Нагрузив платформу, установленную на груди, камнями, Шура делал несколько глубоких вдохов, отдыхал, потом становился на «мост», прогибался. А заканчивал он утреннюю тренировку серией упражнений с мешком. Мешок этот походил на диванную подушку и был наполнен опилками. Весила «подушка» семь килограммов. Каждый день Шура отсыпал из мешка горсть опилок и досыпал горсть песка. Когда все опилки были заменены более тяжелым песком, он начал отсыпать песок, а на его место досыпать дробь. В конце концов он тренировался уже с мешком, наполненным свинцом и весившим около семидесяти килограммов.

Именно упражнения с мешком помогли Шуре развить большую мышечную массу.

Вспоминая об этих своих тренировках, Самсон позже писал, что крупный бицепс не является критерием силы, так же, как большой живот — признаком хорошего пищеварения. Мышечная масса нужна была Зассу не столько для выполнения номеров, сколько для приобретения «товарного» вида — ведь, по мнению хозяев цирка, борца можно было «продать» зрителям лишь тогда, когда его мускулы производили угрожающее впечатление.

Конечно же, Самсон был далек от отрицания роли мышц и никогда не считал динамические упражнения с мешком или другим «отягощением» бесполезными. Наоборот, на всех этапах своей карьеры он подчеркивал необходимость упражнений такого рода. Однако первостепенным он считал развитие сухожилий.

«Некоторые люди с тонкими ногами сильнее, чем люди с толстыми», — писал Самсон, излагая двадцать лет спустя суть своей системы. — Почему? Потому, что сила лежит в сухожилиях, в тех невидимых твердых тканях, которые уступают по плотности только костям. Без сухожилий человек превратился бы в студень. Но сухожилия надо тренировать. На моем опыте можно убедиться, что не обязательно крупный мужчина должен быть сильным, а человек скромного сложения — обязательно слабым.

Я не верю в большие мускулы, если рядом с ними нет настоящей большой силы сухожилий. Можно видеть энтузиастов физической культуры, обладающих довольно большими мускулами. Но какой от них прок, если отсутствует мощная основа — развитые сухожилия. Они не могут полностью использовать силу своих мышц в момент действительного испытания силы. И поэтому их сила — только иллюзия.

Сухожилия же лучше всего увеличивают свою крепость, когда их мощь прилагается к какому-либо почти неподвижному предмету. Они становятся сильнее от сопротивления, чем от движения».

Так двадцать лет спустя Самсон опишет основные принципы своих тренировок: сочетание изометрических, неподвижных нагрузок с динамическими упражнениями, требующими сокращения мышц и работы с «отягощением».

Но это будет через двадцать лет. А пока Шура, закончив утреннюю тренировку, отдыхал.

Второй раз он тренировался вечером. Эти занятия он посвящал отработке системы равновесия и верховой езде с вольтижировкой. Удачно был закончен «баланс с самоваром». Отработав силу челюстей, Шура поднимал с земли стальную балку и переносил ее на два метра. Готовил сенсационный номер — «растяжка двух лошадей».

Номер этот был действительно очень красив и опасен. Держась за упряжь двух коней, Шура становился на деревянный помост. Затем конюхи начинали нахлестывать лошадей бичами. Кони рвались, стремились пуститься вскачь. Конюхи убежали. И на арене началось единоборство атлета с двумя лошадьми. Казалось, вот сейчас взбешенные кони разорвут на части человека, удерживающего их бег. Но нет, прочно стоит Александр Засс — будущий «Железный Самсон». И, покоряясь его воле, замирают, затихают могучие скакуны.

Подумывал в ту пору Александр и о пушке, стреляющей человеком. Но денег на дорогой реквизит не было. И потому пришлось ограничиться старым номером — ловить камень, теперь, правда, обтесанный под ядро, подбрасываемый подкидной доской.

В таких напряженных занятиях прошел месяц. И в конце его Хойцев получил настоящего циркового силача, могучего и артистичного.

На «прогон» Шурино выступления собралась вся труппа. Засс превзошел себя. Он рвал цепи руками и грудью, загибал немислимые узоры из стальных прутьев, перебрасывал зубами на целых полметра стальной рельс, лежал на гвоздях, держа на груди каменную глыбу, носил на лбу самовар с кипятком и углями. А когда увидел Хойцев единоборство с двумя конями — не выдержал, зааплодировал хозяин. Обнял он Шуру, сказал всего два слова: «Настоящая работа».

Решено было дополнить программу только одним номером, на котором настаивал Хойцев. Шуре предстояло кулаком забить в доску огромный гвоздь. Хойцев видел этот номер в дни своей молодости и теперь непременно хотел включить его в выступление Засса.

— Это же совсем нетрудно, — убеждал он Шуру. — Если ты развил мускулы настолько, что тебе в спину гвоздь не лезет, когда лежишь на бороне с тяжелой глыбой на груди, как загнать кулаком гвоздь в доску для тебя будет сухой пустяк.

Шуре не нравилось, что Хойцев вмешивается не в свое дело. Но он решил уступить хозяину и отрепетировал такой трюк.

Вскоре были готовы афиши. Для дебюта решено было переехать в Оренбург. Там Шуру ждал триумф.

Вопреки опасениям Хойцева, народ в цирк пошел. Пошел смотреть удивительного силача, делающего невероятные вещи. Борьбы были пол-

ные, цирк ломился от зрителей. Шура выступал дважды в день, тренировался по утрам, уставал зверски, но был счастлив.

Недолго задержавшись в Оренбурге, цирк отправился в турне по российским городам. Всюду успех был полным. Слава о знаменитом силаче бежала, как говорил Хойцев, «вперед паровоза». Одно огорчало Шуру: ушли из труппы старые друзья — борцы Чая Янош, Сердюк, Сергей Николаевский.

— Мы тебе теперь не нужны, — сказал на прощание Сергей, с преувеличенной живостью хлопая Шуру по плечу. — Ты теперь самый сильный. Держись, малыш, держись настоящей работы. Авось увидимся.

Так они и ушли из жизни Шуры, прикрыв шуткой горечь. Ушли, как думал тогда Шура, навсегда.

А его манили новые дали.

Однажды попал он в город Саранск. Хойцев раскинул балаган на том самом месте, где был первый увиденный Шурой цирк. Гастроли шли удачно. А Шура не раз вспомнил и Ваню Пуда, и Кучкина, и волшебство первого представления. Он надеялся встретиться с отцом и со старыми друзьями.

И они пришли! Пришли все: мать с отцом, братья, сестры, еще больше похудевший Клим Иванович и старый Григорий. Они высыпались из брочки в то самое время, когда Хойцев укреплял прощальную афишу.

«Во вторник, 3-го сентября, прощальная га-

строль известного бесконкуренного атлета и борца Александра Засса, — вслух читал Клим Иванович. — Чтобы показать удивительную выносливость и силу своих мускулов, господин Засс увеличит в 2 раза толщину как цепей, так и железа.

Сегодня господин Засс будет пробивать гвоздем две доски одним ударом кулака.

Из толстого железа завяжет галстук.

Цепи, выдерживающие до 50 пудов, будут рвать, вставши на один конец ногой, а также напором мускулов груди.

Господин Засс предлагает денежную премию и отдает все свои жетоны, если 10 человек будут в состоянии разорвать его цепь.

Сегодня, во вторник, господин Засс будет разбивать кулаком цепь.

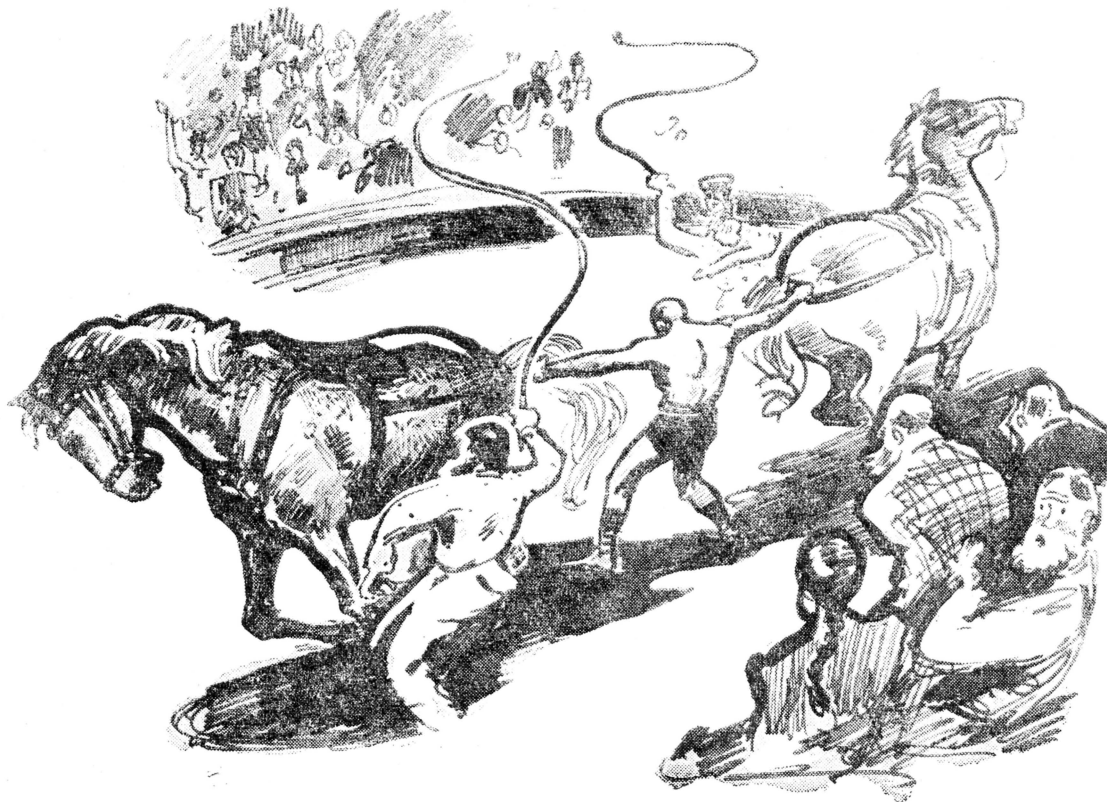
Одной рукой поднимет трех человек.

В заключение — «чертова кузница», или удивительная выносливость спинных мускулов.

Господин Засс просит до начала сеанса осмотреть как цепи, так и железо, чтобы убедиться, что никакой подделки не существует.

Мать плакала, слыша об ужасах, которые предстоит вытерпеть ее сыну. Остальные ее успокаивали. Дядя Гриша особенно напирал на то, что Шурка-то теперь знаменитый артист стал.

Они сидели в первом ряду. Александр видел их напряженные лица. Лежа на гвоздях, слышал, как вскрикнула мать, когда двое здоровенных парней начали разбивать молотами камень у него на груди. Ему очень хотелось встать, успокоить



ее — но нельзя. Ничего не поделаешь, «чертова кухня» — самый сенсационный номер.

Потом, в ресторане, Клим Иванович настойчиво расспрашивал его о тренировке, отец сосредоточенно пил водку, часто чокаясь с Григорием, а мать все гладила по руке своего меньшого и уговаривала: «Поедем с нами в деревню, а, Шура, поедем? Хотя ненадолго, на недельку?»

В деревню он не поехал — боялся, что забросит там тренировки. И жалел потом об этом всю жизнь. Потому что это была последняя «тихая гавань» на его пути.

Вскоре, в Севастополе, догнала его повестка, приказывающая явиться на военную службу. Александр Засс, цирковой актер, поехал в Вильно, откуда был родом. Там ему «забрили лоб» и послали на персидскую границу в 12-й туркестанский полк.

Страшно тосковал Шура без цирка. Если бы не лошади, к которым его приставили конюхою, — сбежал бы, наверно. «Сбежал бы и попал как раз под трибунал за дезертирство», — так рассуждал он потом, когда по прошествии небольшого времени 12-й туркестанский погрузили в вагоны и повезли на запад.

А на западе Шуру встретила мировая война.

За решетками голубое небо

— **К**то хочет служить в Виндавском кавалерийском полку, кто не боится дерзких рейдов в тыл врага — два шага вперед! — выкрикнул поручик.

Строй замер. Несколько добровольцев шагнуло вперед. Среди них был и Александр Засс.

Окопная жизнь осточертела Шуру хуже гороховой каши, которой потчевал солдат незатейливо мыслящий интендант. И когда появилась возможность эту жизнь разнообразить, да еще попасть в кавалерию — Шура с радостью сделал два шага вперед.

Виндавский полк был особенным подразделением. Его бросали на самые «темные» участки австрийского фронта, чтобы выяснить, какими силами располагает противник. Случалось, уходили виндавцы в тыл врага на несколько десятков километров и громили второй эшелон. Случалось, встречала их на передовых позициях гибельная картечь. Дорогой ценой добывались те стрелки и цифры, которыми испещряли штабные офицеры свои карты после каждого рейда виндавцев.

Шуре такая отчаянная жизнь нравилась. Нравился ему и конь — буланый, с белой звездой на лбу жеребец Мальчик. Отличный был коняга — выносливый, смелый, быстрый. И надо же такому случиться: ударила его однажды в заднюю правую ногу австрийская пуля. Упал Мальчик, заржал жалобно. «Вот они, свои окопы, рядом, да не допрыгнешь», — думал Шура, лежа рядом с конем на нейтральной полосе.

Товарищи проскакали мимо, скрылись в березовой роще — теперь их не достанут. Ну, а что делать рядовому Зассу? Ползти к окопам, бросить коня тут? Жалко. Смотрит Мальчик — ну прямо человеческими глазами, просит: не бросай на гибель. А остаться — сам пропадешь...

И все-таки Шура остался. Притворился мертвым, дождался ночи. А потом взвалил Мальчика на плечи и пошел пешком к своему окопу. Сол-

даты, что дозорную службу несли, побросали винтовки и начали неистово креститься, увидев, как из темноты возник вдруг человек с лошадьёю на плечах.

Выходил Шура Мальчика. Конечно, для боевой атаки конь уж не был пригоден. Но в упряжке санитарного фургона службу свою исполнял, «даром харчи не ел», — как сказал Шуру знакомый фельдшер. А рядовому Зассу дали нового коня — гнедого Бурана.

Долго еще фронтовые офицеры ездили во второй эскадрон Виндавского полка посмотреть на солдата, вынесшего с поля боя раненого коня. Долго еще легенды о силе и мужестве Александра Засса ходили по солдатским окопам.

Но не спасла слава Шуру. Во время одной из атак разорвался рядом с ним фугас. Без стопа, не издав ни единого звука упал наземь Буран. Рядом с ним ткнулся в землю и его хозяин, единственно что запомнив — жгучую боль в ногах.

Очнулся он в незнакомой полутемной комнате. Голова пылала.

— Пи-ить... — с трудом протянул Шура.

Однорукий мужчина в сером больничном халате поднес к его губам жестяную кружку.

— Где я? — спросил Шура, сделав несколько трудных глотков.

— В плену, в госпитале, — ответил однорукий. И без перехода добавил: — Сейчас тебе ноги будут резать.

— Как — резать? — Шура резко дернулся и застонал от пронзительной боли.

— Да вот так — резать, чего с нашим братом церемониться! Раз — и в корзину, — ответил однорукий, показывая на свой пустой рукав.

В это время подошли санитары, положили Шуру на носилки и понесли. «Нельзя, никак нельзя дать, чтобы отрезали ноги, куда же я без ног», — одна мысль билась у него в голове.

Шура лихорадочно стал вспоминать немецкие слова — объяснить врагу, упрямить его не трогать ног. «Их бин...» — дальше дело не шло. «Их бин цирковой актер», — сочинив эту странную фразу, Шура старательно повторял ее про себя, надеясь на операционном столе объясниться с немцем-врачом.

Однако хирург не обратил никакого внимания на сдавленный хрип, вырывавшийся из горла рядового Александра Засса. Хрип отдаленно напоминал, правда, немецкие слова. Но хирург устал: двадцать первая операция за этот проклятый день. Он приказал поднять простыню и... замер, пораженный.

Перед ним лежал античный полубог, поразительно сложенный, с великолепно развитой мускулатурой. Казалось, это русский солдат сошел с полотна старинной картины...

— Жаль резать такое тело, — бросил хирург сестре. — Попробуем спасти.

Шура этого уже не слышал. Да если бы и слышал — наверняка не понял бы.

Очнулся он в той же палате. У изголовья кровати сидел однорукий.

— Повезло, брат, — сказал он, увидев, что Шура открыл глаза. — Оставили тебе ноги.

Выздоровление тянулось медленно. Шура часами молча смотрел в окно, забранное решетками. За стеклом дождь сменялся солнцем, солнце — новым дождем. Облетели каштаны в госпитальном парке, потянуло холодным, со снегом, ветром. Небо стало по-зимнему голубовато-белесым, прозрачным и льдистым.

За то время, пока кончалось лето, Шура своими изрезанными ногами научился владеть уже «видимо, порядочно», как выразился однорукий. И еще добавил новый Шурин друг, что лучше бы не торопиться с выздоровлением, а то отправят австрияки на работу, в лагерь.

Шура внимательно присматривался к своему соседу, назвавшемуся Степаном Колесниковым. Каждый день он обнаруживал в нем какую-то новую, неприметную раньше черточку характера. То тот прикидывался таким простачком-мужичком («что я, рязанец косопузый, понимать могу?»), то вдруг задавал Шуру вопросы ясные и четкие. Отвечать на эти вопросы можно было только прямо, по совести. А ответы-то пахивали государственной изменой, о том однажды так и сказал рядовой Александр Засс рядовому Степану Колесникову.

После этого разговоры их на время прекратились. Но спустя три дня, после ужина, Степан снова завел с Шурой неторопливую беседу вроде бы ни о чем.

— Вон глянь, Иоганн как старается,— сказал он, показывая на солдата, тщательно начищающего сапоги.— Тоже, небось, к милке своей собирается.

Шура посмотрел на Иоганна и рассмеялся: трудно было представить этого маленького, с вечным насморком очкарика в роли кавалера.

Помолчали.

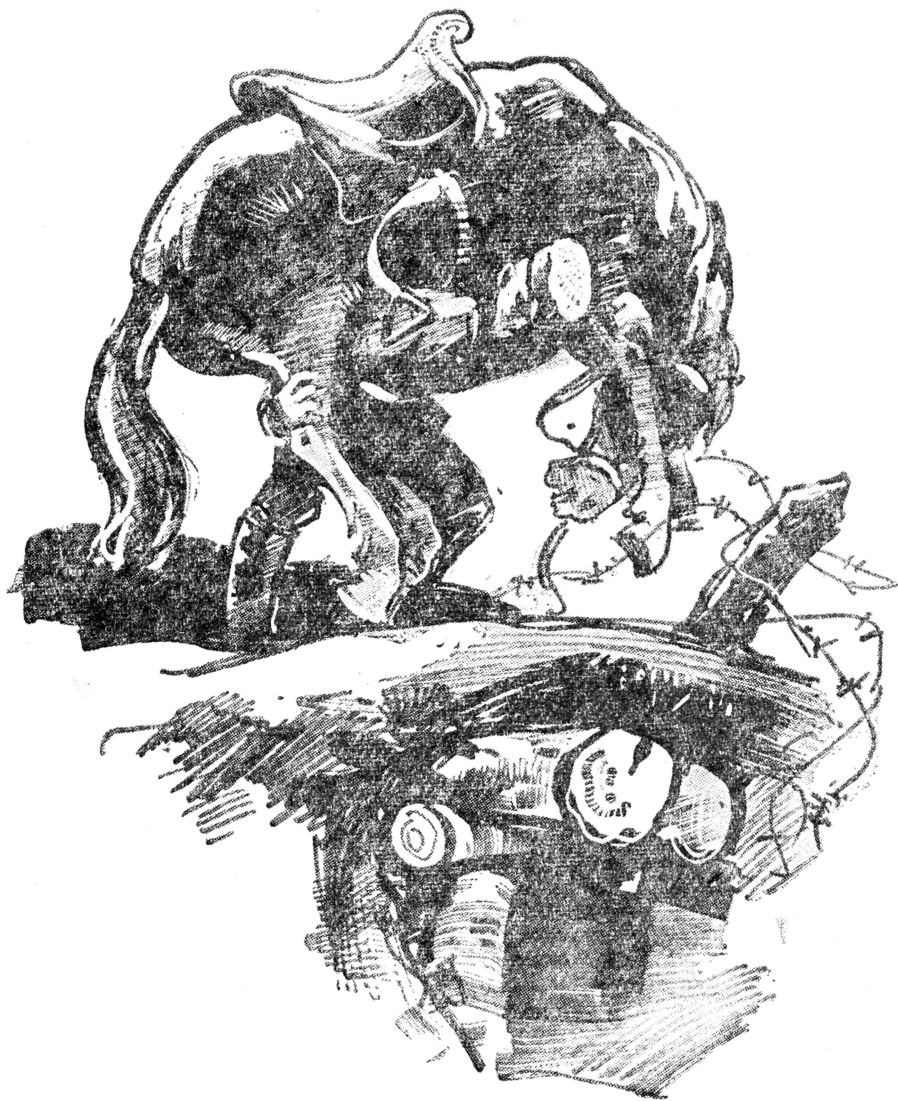
Потом Степан добавил, будто бы и не обращаясь к Шуру, а так, вроде, подумал вслух:

— Чистится, чистится, а завтра — пожалуйста в окоп. А там снарядик прилетит, шлеп — и нету Иоганна. Одна лужица осталась... А между прочим, Александр, чего ты с Иоганном не поделил? Шура удивился. Ничего он с Иоганном не делил. Да и делить ему нечего.

— На кой черт мне этот очкарик сдался, я и не видал его до вчерашнего дня ни разу!

Степана этот ответ вроде бы удовлетворил. Он обнял Шуру за плечи и доверительно так, на ухо ему, закончил:

— А тогда объясни мне, друг, почему такие,



как ты да я, Степаны да Александры, должны по таким вот Иоганнам из пушек стрелять? И такие вот Иоганны, между прочим, по таким вот, как мы с тобой,— тоже? Кому от этого прок?

Часто потом вспоминал Шура этот несостоявшийся разговор. В тот вечер он так и не нашелся, что ответить Степану. А наутро, еще лишь светало стало, пришли в палату двое солдат с офицером и увели Степана. Впервые тогда услышал Шура слово «большевик». Смысл этого слова узнал он много позже. А узнав, горько пожалел, что не получился у него откровенный разговор со Степаном Колесниковым. Как знать, может, сложилась бы иначе трудная Шурина судьба, сумей он тогда поговорить с этим одноруким солдатом...

Без Степана стало Шуру совсем тоскливо. И начал он настойчиво, с каким-то остервенением тренировать свои искаленные ноги. Хоть в лагерь, хоть в тюрьму, только подальше от опостылевшей палаты.

Вскоре он мог уже двигаться без костылей. Однако хирург выписывать его не спешил — хотел, видимо, понаблюдать за человеком редкостного сложения. Так попал Шура сначала на госпитальную кухню, а потом — на строительство дороги, ведущей в соседний городок.

Строили эту дорогу выздоравливающие больные и раненые под охраной австрийского конвоя. Однажды Шура увидел, как в сторону госпиталя в сопровождении патруля прошел очень худой и много дней не бритый человек в потрепанном больничном халате.

— Побег. Теперь — пуля,— сказал, не поворачивая головы, старый солдат с перевязанным горлом, работавший рядом с Шурой.

Побег. Значит, это возможно. Значит, можно попытаться вырваться. Сердце Шуры билось учащенно. Казалось, оно выстукивает одно слово: по-бег, по-бег, по-бег...

Вечером Шура все тщательно обдумал. Из самого госпиталя убежать было нетрудно, охранялся он довольно плохо. Но как пробраться к своим через целую страну, битком набитую войсками? Нужна одежда, нужна карта и, прежде всего, нужна еда.

Он начал экономить пищу. Прятал в матрац куски хлеба, в жестянке в саду держал сбереженное от обедов сало. Катастрофа наступила неожиданно, когда Шура пытался вырвать карту Австрии из атласа в госпитальной читальне. При обыске у него нашли хлеб. И хотя ничто больше не указывало на готовящийся побег, рядовой Александр Засс был направлен из госпиталя в лагерь для военнопленных.

Тут все было иначе. Лагерь хорошо охранялся, бараки были оцеплены колючей проволокой. Кормили плохо. Шура чувствовал, что начинает слабеть.

Он снова задумал побег. Но теперь уже у Шуры был напарник — земляк по фамилии Ашавев. Этот живой, как ртуть, неутомимый татарин просто не мог жить за колючей проволокой. Он готов был бежать сейчас же, немедленно, без всякой подготовки.

Шура рассуждал трезвее. Прежде всего, нужно было скопить немного денег. За деньги можно достать если не карту, так хотя бы компас, и немного провизии.

Чтобы заработать, годился любой способ. Однажды Шура разговорился с охранником Яном, добродушным чехом, неплохо владевшим рус-

ским языком. Чех оказался в прошлом цирковым борцом, и им нашлось, о чем побеседовать.

Охранник был непрочь обогатиться за счет заключенных, которые в свободное время занимались ремеслами: кто сапожничал, кто столярничал, кто мастерил разные поделки. Сбывать все эти кустарные изделия в близлежащих деревушках было делом доходным, конвоиры на этом неплохо наживались. А кое-что перепадало и пленным.

Шура занялся резьбой по дереву. Сделанные им деревянные ложки, чарки, бадейки имели успех, охранник Ян бойко торговал ими и оптом, и в розницу. По договору одна треть доходов шла Шуру,— так вскоре удалось сколотить небольшой капитал.

Однажды Шура упросил Яна раздобыть компас — «не бесплатно, конечно». Зачем? Чтобы точно знать, в какой стороне находится родина.

— Представляешь, Ян,— морочил Шура голову конвоиру,— просыпаюсь я утром, смотрю на стрелку и вижу: там моя страна! А если человек точно знает, где его страна,— ему легче сидеть взаперти, понимаешь?

Ян «понял». И, заломив несусветную цену, он через два дня принес Шуру игрушечный компас.

Но компаса и денег было еще недостаточно для побега. Оставалась колючая проволока, увешанная звонками и жестянками. Все это железо начинало неистово грохотать, стоило лишь прикоснуться к изгороди.

Путь за проволоку был один — подкоп. Но как его сделать на глазах у охраны? И тут на помощь пришла странная причуда коменданта лагеря.

Майор фон Путлиц был англоман. Трудно представить себе что-либо более несуразное, нежели рыжий, толстомысый прусский майор, из кожи вон лезущий, чтобы походить на английского лорда.

О странном увлечении майора знали все — от заключенных до его начальства. Конечно, это была не самая лучшая странность, особенно в то время, когда Германия воевала с Англией... Но фон Путлиц — исправный служака, да и происходил он из старинной юнкерской семьи. Словом, над майором посмеивались потихоньку. И не больше. Считалось, что его любовь ко всему английскому — причуда аристократа.

У майора было немало забавных идей. Он завел у себя перед домом настоящий английский газон, по утрам, вырядившись в жокейские бриджи и картузик, ездил вокруг лагеря на кровной кобыле, купил английскую трубку и изъяснялся с помощью трудно понятной смеси англо-немецких слов.

Но этого Путлицу казалось мало. Он решил что все военнопленные должны играть в гольф. Не будь эта идея совершенно идиотской, ее можно было бы принять за изощреннейшее изуверство: измученные непосильной работой, плохо кормленные, оборванные военнопленные, мечтающие добраться до завшивленных нар и забыться беспокойным, свинцовым сном, старательно лупят клюшками мяч. На потеху и радость коменданту.

Но гольф — так гольф. За решеткой выбирать не приходится. И они играли, играли с ненавистью, стиснув зубы. Играли, потому что иначе — карцер.

Шура решил использовать склонности коменданта в своих целях. С лопатой в руках он

несколько вечеров подряд копал землю вдоль колючей проволоки. Охрана была убеждена, что он роет ямки для гольфа. На самом деле он искал грунт, свободный от камней и корней деревьев.

Наконец место будущего подкопа было определено. В безлунную, глухую ночь Шура и Ашаев вышли из барака и начали рыть лаз. Они трудились уже около четырех часов, уже был близок выход, как вдруг друзья услышали буквально над своей головой гортанную перекличку патруля. Беглецы затаились, стараясь как можно глубже вжаться в землю, сделаться как можно незаметнее, неслышимее.

Их спасла темная ночь. Патруль, потоптавшись, ушел. А Шура с Ашаевым продолжали работу...

Они выбрались из своей норы буквально в полуметре от проволоки. Вылезли усталые, обесиленные. Впереди — еще километром десять до леса. А позади уже сереет утренним светом небо.

Пришлось пуститься бегом. Трудно представить себе этот кросс двух изможденных беглецов. Когда Ашаев падал, Шура, сам еле передвигающийся ногами, подхватывал его и тащил, тащил из последних сил...

Они упали у первых деревьев. Никакая сила в мире не могла бы заставить их двинуться дальше. Выходило солнце, заливая безжалостным светом все вокруг. Нужно было идти дальше, в чаще. Но сил больше не было.

Проснувшись, они увидели солнце в зените. Погони не слышно. Подкрепившись, беглецы углубились в лес. Очень хотелось пить, язык прилипал к гортани. Но не попадалось ни ручья, ни хотя бы лужи. Пожевали сырого мха. Пить захотелось еще больше.

...Их схватили через три дня, когда они вышли из леса и попросили напиться в крайнем доме небольшой деревушки.

Патруль полевой жандармерии сначала зверски избил Шуру и Ашаева шомполами, а потом, привязав их к спинам лошадей, повез в ближайшую комендатуру. Там беглецов бросили в сырой и холодный подвал.

Обратный путь в лагерь занял всего несколько часов. В лагере снова шомпола и снова подвал. Когда они очнулись, оказалось, что все пережитое — лишь начало истязаний. На другой день им надели ручные кандалы и за эти наручники подвесили к потолку. И снова били, били, били...

Так продолжалось неделю. Потом Шуру вывели из подвала, втолкнули в кузов повозки, повезли куда-то. Ашаева ему больше видеть не привелось.

Покинув лагерный подвал утром, к вечеру Шура оказался в еще худшем подвале окружной тюрьмы. Там он разделил камеру со словаком Людвигом.

Обоим им грозила смерть. Шуре — за бегство из лагеря, Людвигу — за дезертирство. Естественно, что оба они думали о побеге.

Случай подвернулся неожиданно. Художник по профессии, Людвиг огрызком карандаша нацарапал на стене портрет караульного офицера. Солдат, разносивший баланду, увидел этот рисунок и пригрозил обоим карцером. Однако на следующий день в камеру явился сам караульный начальник. Ему портрет понравился.

— Ты будешь писать меня ф польный рост, —

ткнул он пальцем Людвигу в грудь и направился к двери.

— Но мне нужен помощник! — крикнул Людвиг ему в спину.

Так Шура и его друг получили свободу. Правда, свобода эта была весьма относительной. Просто, их выводили на два часа в день в одну из верхних пустующих камер. Караульный офицер приходил туда позировать на полчаса. После этого Шура и Людвиг оставались одни.

Нужно было действовать.

Обязанности они распределили весьма строго: пока Людвиг работал над портретом, Шура расшатывал решетку. Слава богу — прутья здесь оказались потоньше тех, что он гнул на тренировках. Однако расширить пространство между ними настолько, чтобы можно было пролезть взрослому мужчине, оказалось делом нелегким. Шура трудился четыре дня. Задача осложнялась еще и тем, что каждый день к концу «сеанса» он должен был придавать решетке первоначальный, нетронутый вид — иначе это бросилось бы в глаза конвоирам.

Но вот Шуре удалось разогнуть прутья настоящего, сделав достаточно большой лаз между ними. Среди бела дня они с Людвигом протиснулись сквозь решетку и спрыгнули в глухой переулочек. (Как Шура узнал после, это крыло тюрьмы пустовало и охранялось плохо. Только потому и удалась их отчаянно смелая затея.)

Дальше пути беглецов разошлись. Людвиг пошел в сторону железнодорожной линии. Шура отправился... в цирк!

Сильнейший человек в мире

Д а, да, в цирк, потому что на рекламной тумбе, недалеко от тюрьмы, он увидел афишу выступлений... «Страшный венгр», — как величал Яноша в афишах еще Хойцев, судя по рекламе, теперь стал владельцем цирка. У него Шура надеялся найти убежище и помощь.

Швейцар был строг. Он ни за что не хотел пропустить изможденного оборванца к хозяину. Шура убеждал его на невообразимой смеси русского, немецкого и венгерского языков. Спор грозил затянуться. Но в это время в дверях цирка появился сам Чаа Янош. Они обнялись.

Янош проводил Шуру в свой кабинет, усадил на диван. Сам не спеша раскурил сигару и молча уставился на Шуру. Чаа Янош вообще обладал замкнутым, нелюдимым характером. Правда, был он человеком не злым, и слова «страшный венгр» никак не соответствовали его спокойному, благожелательному нраву. Но сейчас Шура чувствовал себя под его взглядом неуверенно: кто знает, что стало с Яношем за эти долгие годы.

Между тем молчание затягивалось. Шура все больше и больше волновался. И вдруг Янош произнес фразу, поразившую Шуру своей обыденностью: «Ты обедал? Нет? Сейчас...» Кликнул швейцара и послал его за едой в ближайшую харчевню.

Лед был сломан. И хотя Янош по-прежнему молчал, Шура вдруг понял, что все будет хорошо. Он заговорил, волнуясь и торопясь. Рассказал про рану, про плен, про побег с Людвигом. Умолчал только о первой неудачной попытке бежать.

Янош выслушал все это с невозмутимым спокойствием. Потом положил Шуру руку на колено и сказал:

— Знаешь, по-моему, ты что-то скрываешь. Мы, наверное, будем работать вместе, я не вижу никакой возможности переправить тебя через фронт. Тебя поймут и расстреляют, как шпиона... И я хочу, чтобы мы полностью доверяли друг другу.

«Черт стоглазый»,— мысленно подивился Шура интуиции старого приятеля. Вслух же начал подробно и обстоятельно излагать то, что хотел поначалу скрыть,— не без оснований он предполагал, что два его побега могут напугать Яноша больше, чем один.

К концу его грустного повествования Янош улыбнулся:

— Ну вот, теперь все. Давай есть.

Три дня Шура блаженствовал—ел и спал. А на четвертый Янош вывел его на манеж. Там он познакомил Засса со всей группой борцов. «Ну, на ком, малыш, ты хочешь попробовать свою силу?»—спросил он. Шура выбрал самого рослого. Им оказался румын Пашковский, весящий без малого 130 килограммов.

Схватка началась. Продолжалась она недолго—на четвертой минуте Пашковский лежал на ковре со сломанной ключицей и вывихнутой лопаткой. Шуру опечалил такой исход боя: ему совсем не хотелось калечить этого рослого незлобивого парня. Но стремление выложить все силы, показать Яношу, на что способен, оказалось в какой-то момент сильнее разума.

Пашковского унесли. А Янош, никак не выразив своего отношения к схватке, сказал Шуру, что завтра включит его в вечернюю программу.

— Пока поборешься, только не так прытко. А потом начнешь готовить силовой аттракцион. По-моему, это будет лучше для тебя укрытие. Вряд ли жандармы станут искать сбежавшего арестанта в таком людном месте, как цирковая арена.

Немалое мужество нужно было иметь, чтобы во время войны взять в труппу человека без документов, да еще сбежавшего из лагеря для военнопленных. Шура оценил доброту и смелость Яноша и старался работать изо всех сил. А силы у него все прибывали,—их прибавлял ему дух арены, неповторимый аромат цирка.

...Под музыку на арену выходили борцы-богатыри. Чая Янош возглавлял шествие. Александр Засс, как самый маленький, замыкал парад. Затем выходил арбитр и приглашал желающих из публики вступить в борьбу с любым атлетом. Те, кто стоял в середине шеренги, ближе к хозяину цирка, хотя и были действительно первоклассными борцами, но в прошлом. Сейчас их включали в строй лишь для рекламы—имена и великолепные мышцы внушали уважение зрителям. Абсолютное же большинство вызовов падало, конечно, на Шуру—всех вводили в заблуждение его небольшой рост и поджарая фигура.

«Малыш Засс» боролся с претендентами из публики и ни разу не был побежден. Почтенные борцы схватывались друг с другом, демонстрируя силу и ловкость. Выступление кончалось поединком между Чая Яношем и Александром Зассом. Как правило, побеждали они друг друга по очереди. Публика была довольна.

Так проходили вечера.

А по утрам Шура напряженно готовил свою программу силовых выступлений. Разминка и про-

бежки—как и в цирке Хойцева. Потом—репетиции выступлений. Он решил начать с конного номера—лошади на растяжке.

В подготовке этого выступления принимала участие почти вся труппа. Александр не был уверен в своих силах—рана нет-нет, да и давала себя знать. Поэтому начал он с упрощенного варианта растяжки. Двадцать человек тянули канат, который Шура удерживал правой рукой, в одну сторону. Другие двадцать тянули в противоположную сторону второй канат, удерживаемый левой рукой Шуры. Но ведь с лошадьми все обстоит сложнее, нужно учесть, что они будут дергать упряжь неравномерно. И вот Александр меняет условия репетиции. Сначала один человек, потом двое, потом трое переходят с одного конца растяжки на другой. И вот уже пятнадцать человек, напрягая все силы, стараются стащить его влево, в то самое время, когда двадцать пять человек с противоположной стороны пытаются сдвинуть его вправо. Причем делается это неравномерно, рывками.

Следующим номером Александр решил сделать «чертову кузницу». Нелегко было после раны и побегов, после большого перерыва в тренировках заставить себя лечь голой спиной на гвозди. Для начала он специально затупил концы зубьев страшной бороны, смазал спину хлопковым маслом и, напрягая все мускулы, осторожно опустился на торчащие стальные стержни. В некоторых местах начала сочиться кровь, кое-где гвозди порвали кожу, но в целом Александр был доволен: ему удалось пролежать почти минуту. Мышцы выдержали, не дали гвоздям проникнуть глубоко в тело.

Изо дня в день Шура увеличивал длительность этого номера. А потом попросил одного из служителей встать ему на грудь. Тот согласился не без робости. Шура выдержал. Назавтра встали двое. А через месяц три здоровенных молотобойца разбивали у него на груди камень весом в полтонны. Александр Засс полностью восстановил свои силы.

Однако двух номеров для программы было мало. И он стал добавлять новые трюки. Балку весом в 220 килограммов Шура поднимал зубами и переносил на расстояние в два метра. Но подобные вещи он делал и раньше. Теперь же он взлетал с балкой в зубах под самый купол цирка, уцепившись ногами за трапецию. Номер получился очень эффектным.

Начал репетировать Шура и «артиллерийский залп». Собственно, и этот номер был не нов. Еще Анри Стьернон добрых полвека назад выходил на арену с пушкой на плече. Гремел холостой выстрел—публика была в восторге. Правда, однажды дело кончилось трагически. Вместо холостого заряда кто-то вложил в пушку боевой снаряд. Несколько человек было убито. Сам Стьернон получил тяжелые травмы и уже не мог выступать как силач. Штраф же в 60.000 франков совсем его разорил,—он умер чернорабочим.

Однако его судьба не остановила энтузиастов. Датчанин Джон Хольтум, прозванный «королем пушек», ловил рукой вылетающее из орудия восьмикилограммовое ядро. Поймав, он бросал снаряд на большой железный лист, что порождало грохот необыкновенный.

Шура решил повторить номер «короля пушек», но с ядром, которое весило 90 килограммов и летело на расстояние в восемь метров. Редкие зрители могли оторвать это ядро от зем-

ли. А Александр будет ловить его на лету двумя руками и, не швыряя для пущего эффекта на стальные листы, медленно опускать на опилки арены... Не шумом и грохотом, а истинной сложностью трюка решил он поразить зрителей.

«Пушечный залп» требовал специального, довольно сложного реквизита. Нечего было и думать бросить на восемь метров девяностокилограммовое ядро при помощи подкидной доски, как он делал это раньше с более легкими снарядами. Александр засел за чертежи. Он встречался с кузнецами и литейщиками, изобретал какую-то особо мощную пружину. Но не все ладилось. То пушка не выбрасывала ядро вовсе, то выбрасывала его слишком далеко, то снаряд вдруг летел вверх, вместо того, чтобы по заданной траектории скользить над ареной. Нужно было добиться устойчивых результатов. Пушка должна бить точно, посылая снаряд все время в одном направлении. Иначе нечего рассчитывать на успех.

Пока шла отработка баллистических элементов номера, Шура готовился к встрече с летящей тяжестью. Он укрепил над ареной специальный желоб. Его помощник пускал по этой наклонной трассе крупное ядро почти в сто килограммов весом. Сначала медленно, потом все больше и больше разгонялось ядро, мчась по плоскости, и вылетало из желоба как настоящий артиллерийский снаряд. Тут-то и встречал ядро Шура.

Несколько раз его постигала неудача. Одно неловкое движение — и он вывихнул плечо. Два дня отдыха — и снова лицом к лицу с выплывающим сталь желобом. Пусть трудно. Но с пушкой-то будет еще тяжелее. А если заменить ядро человеком... «Люди-снаряды», «единственный и неповторимый аттракцион»... Выбросить человека из пушки нетрудно. А вот поймать... Тут ни миллиметра ошибки. На кон ведь ставишь не только свою жизнь, но и жизнь партнера!

Александр упрямо шел к цели. И когда пушка была готова, он был тоже готов. Готов встретить ее первый выстрел.

Репетиция прошла удачно. Чая Янош сказал, что можно готовить номер с полетом человека: из пушки — через арену — в руки Александру Зассу.

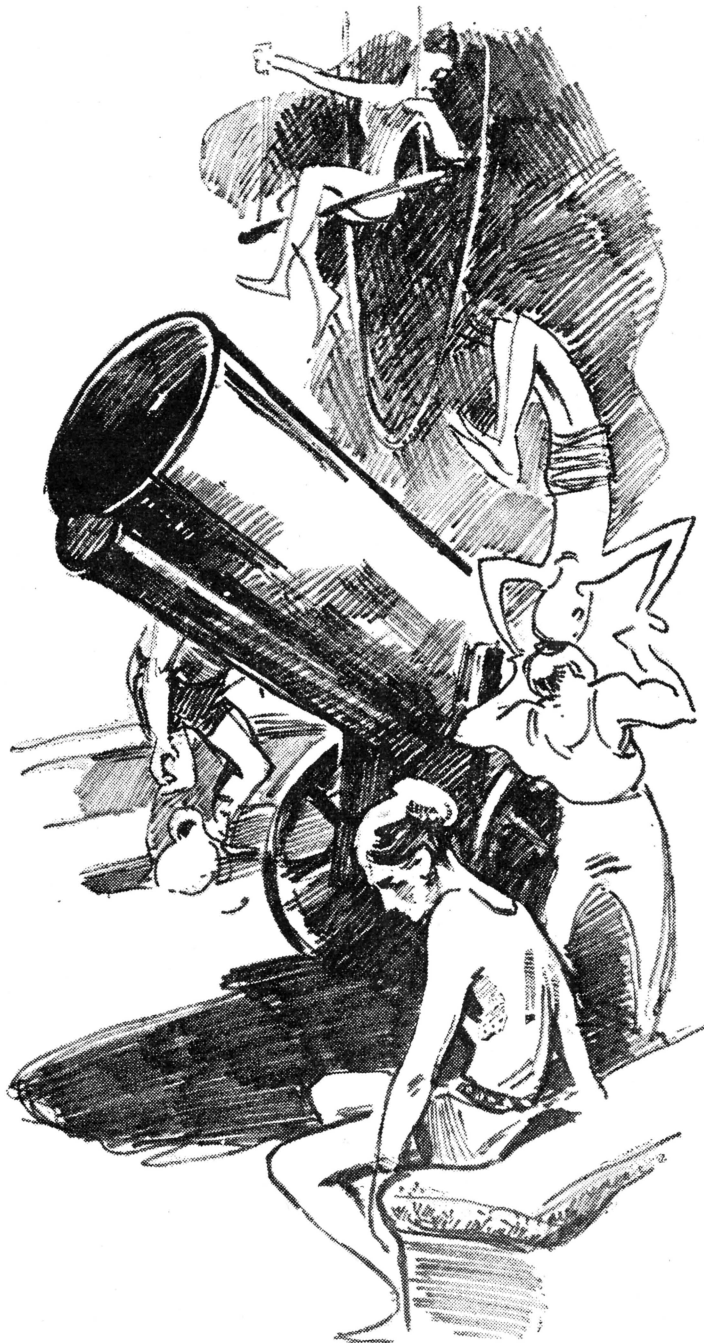
— Стрелять начнем с нее, — сказал он и поманил пальцем невысокую стройную девуш-

ку. — Познакомся: Бетти. Прекрасная гимнастка.

Шуре нечасто доводилось знакомиться с девушками. Бесконечные тренировки, борцовские схватки, силовые выступления — все это как-то не располагало к лирическому настроению.

Трудно сказать, чем тронула его сердце Бетти. Может быть, какой-то беззащитностью, робостью, — ему вдруг захотелось спасти ее от кого-то неведомого, опасного и коварного.

Первый их разговор начался с ее имени.



— У вас необычное имя, — подчеркнуто небрежно заметил Шура.

— Я англичанка.

— Как же вы попали сюда?

— Превратности цирка. Судьба.

— Вы не боитесь работать со мной? — Шура твердо следовал мудрому правилу Чая Яноша: о человеке, с которым работаешь, нужно знать все.

— Боюсь. Но у меня нет выхода.

— Но это очень опасно. Может быть, лучше отказаться?

— Я же говорю — у меня нет выхода!

— Почему?

Бетти пожалала плечами. «Вот сейчас пойду и скажу хозяину, что Бетти — это не напарник», — убеждал себя Шура. Но к Яношу он так и не пошел. Ни сейчас, ни завтра. Он начал репетировать с Бетти. Вскоре она вошла в его жизнь навсегда.

Увлечшись новыми номерами, Шура не забывал и о своих «коронных» трюках — работе с цепями и стальными прутьями. Он старательно тренировал пальцы, добивался, чтобы разрыв цепи занимал у него не более тридцати секунд. Тщательно репетировал разрыв цепи усилием мышц груди. Что касается прутьев, то он усложнил номер: не просто сгибал стальной стержень, а, скрутив на нем целую группу петель, превращал толстую железную полосу в почти орнаментальное украшение.

Большие надежды возлагал Шура и на забивание гвоздей кулаком. Исполнителей этого номера неоднократно ловили на жульничестве: они предварительно делали в досках дырки, которые очень ловко замазывали специальной замазкой. Затем против дыры устанавливали гвоздь и, конечно, без труда загонялся в дерево даже несильным ударом кулака.

Шура решил, что зрители будут сами выбирать и доски, и гвозди. Честность, честность и честность — под таким девизом он надеялся покориť цирковую публику. А раз так, раз предстоит выступать на совесть, значит нужно работать. Сначала он загонял гвозди кулаком, одетым в перчатку. Потом — голым кулаком. Но и этого ему показалось мало. Шура переворачивал доску с забитыми в нее гвоздями, несколько раз несильно ударял по остриям, а затем, вцепившись в шляпку пальцами, вытаскивал расшатанные гвозди из доски.

Однажды во время тренировки гвоздь попал в сук и согнулся. Шура решил и этот эпизод использовать при выступлении: он взял согнутый гвоздь и тут же пальцами выпрямил его.

В другой раз при неудачном ударе Александр поранил руку. Тренировки нужно было отложить. Но он этого не хотел. И нашел выход, ставший потом одним из самых знаменитых цирковых трюков, — пальцем вдавил гвоздь в доску.

Наконец программа готова. Чаю Яношу заказал огромные красочные афиши. «На арене — сильнейший человек мира Александр Засс!» На случай, если какой-нибудь дотошный жандарм заинтересуется, кто такой Александр Засс, были изготовлены фальшивые документы, по которым Шура значился коренным жителем Будапешта.

Там, в Будапеште, и состоялось его первое выступление. Успех был полным. Народ валом вал в цирк. Сборы превзошли все ожидания. Неделя пролетела безмятежно.

А потом случилось непредвиденное. В цирк приехал военный комендант Будапешта. Поапло-

дировав великолепной программе, он, между прочим, поинтересовался, кто такой Александр Засс и почему такой богатырь не служит в австро-венгерской армии. Объяснения и документы показались ему подозрительными. Делом занялись военные жандармы. Засс был арестован. Истину установили без особого труда.

Шура стоял перед военным трибуналом, ожидая расстрела. Однако суд счел возможным ограничиться пожизненным заключением в крепости. Сыграли свою роль два довода: во-первых, Александр во время двух своих побегов не убил никого из охраны; во-вторых, будапештский комендант «не хотел бы лишать жизни великого циркового актера», — как он изволил выразиться, присутствуя при разбирательстве дела.

Тайна «Железного Самсона»

И снова тюрьма. Но на этот раз значительно худшая, нежели все предыдущие. Глубокий, сырой и холодный подвал. Воздух и свет проникают через крошечное окошечко где-то на высоте шести-семи метров. Настоящий каменный мешок. Вдобавок, ноги и руки за спиной скованы цепями. Побег невозможен. Кандалы снимают лишь дважды в день — во время еды.

С трудом передвигаясь по самому дну обратительного застенка, Александр обследовал каждый миллиметр стены. Вывод был самый неутешительный — ему предстоит здесь сгнить заживо. Выхода нет.

Два дня он почти неподвижно просидел в углу на груде прелой соломы. Не ел, не пил. Одна мысль неустанно билась в голове: конец. Всему конец — не будет больше блеска арены, не будет успеха и аплодисментов, не будет Бетти. Да и его самого не будет. Конец.

На третьи сутки он почувствовал, что близок к помешательству. Нужно взять себя в руки, продержаться какое-то время, а там выход найдется. Может быть, сумеет выругать Янош, может быть, кончится война и объявят амнистию. Мало ли что может быть!

Ничего не может быть, — спорил он сам с собой. Ты сдохнешь тут, тебе не выбраться из этой вонючей дыры. Конец. Конец...

Нет!!! Самое страшное — размякнуть, дать волю противному, липкому страху. Он выберется, выберется, хотя это и трудно! Главное — продержаться, не обессилеть. Сберечь силы. Сберечь во что бы то ни стало... И Александр начинает тренироваться. В подвале, скованный по рукам и ногам, он упорно тренируется, в кровь сдирает кандалами кожу, закусывает губы от нестерпимой боли и снова все начинает сначала. Приседания. Прогибы. Гусиный шаг. Напряжение мышц. Пятнадцать-двадцать секунд — выдержка «включенных» мускулов. Потом расслабление. И так — множество раз подряд.

Пожалуй, он мог бы сломать цепи. Но охрана внимательна. Сломанное звено заменят новым. А может быть, еще жестче станет режим.

Через три месяца ему разрешили ежедневную получасовую прогулку. Тюремный двор — с высокой стеной, за нею ров с водой. Крохотный каменный пятачок — сто шагов из конца в конец. Сто шагов, скованных тяжелыми кандалами.

Но что значит все это — цепи, стена, ров, — если он снова увидел солнце! Пусть ненадолго. Пусть оно холодное, зимнее. Но снова солнце на

синем небе. Нет, он не намерен сдаваться. Он еще будет жить, жить и видеть солнце!

Однажды во время такой прогулки к нему подбежала огромная овчарка. Пес недоверчиво обнюхал незнакомого человека, а потом с радостным лаем стал носиться рядом, явно демонстрируя свое благодушие.

Шуре он напомнил Хана, товарища детских игр. И хотя выхопенная овчарка ничем не походила на безродную дворняжку из глухой деревни под Саранском, он вдруг почувствовал, что этот пес ему близок и дорог. Видимо, и собака прониклась доверием к человеку. Не прошло и десяти минут их знакомства, как она доверчиво лизнула Шуре щеку, извывая готовность к дружбе.

Назавтра повторилось то же самое. Вспомнив уроки Дурова, Шура попытался обучить пса некоторым несложным трюкам. Пес оказался на редкость понятливым. И через несколько дней они уже понимали друг друга, как говорится, с полуслова. Собака охотно выполняла команды «Лечь», «Сидеть», «Идти рядом». Теперь Шура пытался обучить ее прыжкам с обратным сальто. Со скованными за спиной руками, с кандалами на ногах дрессировать собаку было неизмеримо трудно. Конвоиры хохотали, глядя на жалкие попытки закованного в железо человека подчинить своей воле холеного, независимого пса.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, не вмешайся в дело начальник тюрьмы — хозяин собаки. Понаблюдав за Шуриными приемами дрессировки, он предложил ему взяться за обучение собаки всерьез.

— Что вам для этого нужно?

— Прежде всего снять кандалы, — ответил Шура. — И потом — еду получше. А то я долго не протяну.

Начальник задумался. Нарушить инструкцию... Но, собственно говоря, куда денется этот симпатичный молодой человек, если с него снять ножные кандалы, а руки перековать спереди? Стены, ров, решетки, охрана... Правда, говорят, он уже бегал дважды. Но отсюда не убежит. И пищу можно улучшить. Зато Рекс получит настоящего дрессировщика. И совершенно бесплатно. А если показать на офицерских вечеринках все, чему выучит Рекса этот парень? О, это будет эффектно...

Так Шура освободился от ножных кандалов, получил некоторую свободу рук и сносное питание.

Он сразу же начал готовить побег. Играя в тюремном дворе с собакой, внимательно изучал расположение караульных постов, прикидывал высоту стены и ширину рва, окружавшего крепость. Однажды ему удалось незаметно спрятать за пазуху железный прут, который выбросили при ремонте одной из верхних камер. В другой раз он подобрал и так же ловко спрятал кусок толстой проволоки. Теперь ночами Шура старательно расширял щели между камнями, чтобы можно было ухватиться и быстро добраться до зарешеченного окна. Не хватало только веревки.

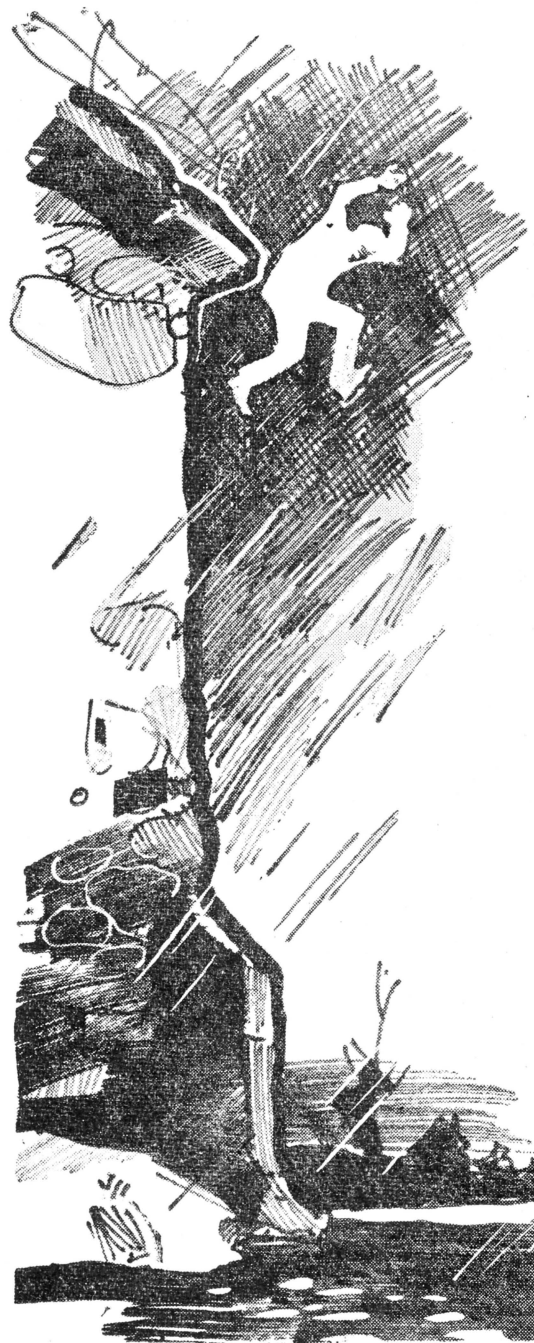
Он решил попросить ее у начальника тюрьмы для дрессировки Рекса. Начальник не отказал, но каждый раз после окончания занятий с собакой караульный должен был забирать у Шуры веревку.

Так началась тонкая и опасная игра. Занимаясь с собакой, каждый раз буквально на глазах у охраны, Шура отделял от плетеной веревки одну небольшую прядь. Незаметно перетирая нити, он затем прятал свою добычу в камере. Через

неделю у него собрался достаточный запас волокон, и Шура сплел из них короткий, но прочный канат. Если надвязать его разорванными кусками арестантской одежды, будет достаточно.

Теперь оставалось только дожидаться подходящей ночи. И она наступила вскоре. С бурной весенней грозой, с ливнем, громом, молниями. Лучше погоды не придумаешь.

Шура быстро, как на арене, сломал звенья цепи. Руки свободны. Но мешают наручники. Уже не раз он пробовал отпирать их прогнутым кус-



ком проволоки. И всегда получалось. Сейчас же, именно сейчас — неудача: заело!. А времени терять нельзя. И вот — с наручниками, по отвесной стене, испещренной крошечными зарубками, такими крошечными, что еле удерживаешься ногами, — вверх!

К окну. Вот и прутья решетки. Мощный рывок... еще помочь плечом... И прутья раздвинулись! Двор. Слава богу, вокруг творится что-то невообразимое — ливень, потоп. И почти непрерывный грохот грома.

Стена. Крючок из согнутого прута с привязанной к нему веревкой надежно зацепился наверху. Только бы выдержал самодельный канат.

Ура! Канат выдержал. Теперь с двадцатиметровой высоты — в ров. А если там мелко? Эта мысль приходит уже во время прыжка. К счастью, все обошлось, и вот Александр уже плывет. Травянистый берег. Только бы дождь не кончился!

Так вот — мокрый, грязный, полуголый, с наручниками на запястьях — он и ввалился среди ночи в квартиру Чаю Янош.

Было не до разговоров. «Тебе повезло, малыш, мы собирались уезжать», — сказал Янош, растирая друга мохнатым полотенцем. А у Александра зуб на зуб не попадал — и от волнения, и от купания в холодную весеннюю ночь.

Разломать наручники оказалось делом несложным. И тут-то Александр почувствовал себя смертельно усталым. Через минуту он спал.

Янош отнес друга в постель и пошел за Бетти. Та вскрикнула, увидев спящего Шуру, прильнула к его руке, да так и осталась до утра.

А утром выяснилось, что ночной холод не прошел даром для ослабленного организма — у беглеца началось воспаление легких. Со всеми предосторожностями Янош погрузил Александра в бричку и отправил с надежным человеком в деревню, к сестре. В городе оставаться было опасно — жандармы уже наведывались в цирк, могли прийти и еще раз. Уехала в деревню и Бетти.

Железный организм Шуры выручил его из беды и на этот раз. Через две недели он уже разгуливал с Бетти по цветущему лугу, помогал сестре Яноша по хозяйству.

А еще через три дня приехал сам Янош. Он привез с собой очень высокого и очень худого человека, одетого во все черное. Состоялось знакомство: сеньор Пазолини — Александр Засс, рад встретиться, много о вас слышал...

— Знаешь, малыш, тебе тут оставаться небезопасно, — сказал Янош. — Меня уже замучили фараоны, — как вы их называете в России. Они ищут и найдут тебя. Если найдут здесь — мне тоже не поздоровится. В прошлый раз я отделался штрафом. Деньги немалые, ну, да это я как-нибудь переживу, не обанкрочусь. Теперь будет хуже. Они закроют цирк. А может быть, и меня упрячат в тюрьму за укрывательство: у тебя ведь это третий побег.

— Я уйду сейчас же! — вспыхнул Шура. — Уйду, если ты боишься!

— Не горячись, малыш, — спокойно продолжал Янош. — Далеко ты не уйдешь, тебя быстро схватят. Есть ход получше. Сеньор Пазолини обещает вывезти тебя в Италию. Он готов вытащить тебя из этой истории, если ты в будущем станешь на него работать, ведь так, сеньор Пазолини?

Сеньор Пазолини кивнул.

— Подумай, малыш, только быстро, — закончил Янош.

— Я согласен, — тут же ответил Шура. Воцарилось молчание. Говорить было не о чем.

— Бетти, конечно, едет с тобой? — не очень уверенно спросил Янош.

— Да...

Тут в разговор вступил молчавший до сих пор сеньор Пазолини.

— Уважаемые господа, — начал он, старательно подбирая русские слова. — Я, разумеется, вам обоим абсолютно доверяю. Разумеется, я не сомневаюсь в великолепной силе господина Александра Засса, хотя и не видел ни одного из его выступлений. Однако, согласитесь, все мы склонны немного преувеличивать свои возможности, равно как и возможности наших друзей. А я хотел бы быть уверен, что сделка совершенно честная. Точнее говоря, я хотел бы убедиться в необыкновенной силе уважаемого господина Засса. Я понимаю, что вы ослаблены болезнью. Но, может быть, вы все-таки сможете сделать хотя бы часть того, что обещает эта афиша?

И тут сеньор Пазолини развернул напечатанный полгода назад плакат с броской надписью: «Александр Засс — сильнейший человек в мире».

— Хотите знать, что покупаете? — криво усмехнулся Шура.

— Вот именно, — невозмутимо ответил сеньор Пазолини.

Александр взял стоявшую у двери железную кочергу и завязал ее двойным узлом. Сеньор Пазолини внимательно осматривал металл, вынул из кармана напильник, попробовал им твердость железа. Проверка, видимо, не разочаровала его: он удовлетворенно хмыкнул.

Однако это был еще не конец. Из того же кармана сеньор извлек железную цепь и протянул ее Александру: «Попробуйте разорвать!» Тот выполнил это без особых усилий.

— Превосходно, — похвалил сеньор Пазолини. — Ну, а теперь сделайте то же самое грудью.

Шура стал обматывать цепь вокруг ребер. Сеньор Пазолини остановил его: «Позвольте, я сделаю это сам... одну минуточку... готово!»

Глубокий вдох, выдох, снова вдох. Александр напрягся, проклятая цепь сдавила ребра. Еще усилие... Все! Цепь разорвана...

Сеньор Пазолини осматривал обломки.

— Превосходно, — снова похвалил он. — У меня нет сомнений. Теперь поговорим о формальностях. У меня есть друзья, с их помощью вы получите английское подданство — это самое устойчивое государственное устройство в мире. Зарабатывать будете хорошо — полагаю, что двадцать процентов от ваших сборов выразятся в круглой сумме. Это и будет ваша доля. Со мной вы не расстанетесь до тех пор, пока я этого не захочу. Иначе вам придется платить неустойку, которую не сможете заработать за всю жизнь. А английские законы строги... Вот договор, — сеньор вынул из кармана бумагу. — Подпишите.

Александр взял бумагу. Он не думал о последствиях. Не верилось, что такой вот листок может закабалить на всю жизнь. Три побега — это чего-нибудь да стоит, главное — выбраться отсюда, а там поглядим...

Он подписал.

— Вот и чудесно. — Пазолини спрятал бумагу в карман. — Теперь — одно предупреждение. Никакого Засса больше не существует. Афиши

сообщат о появлении загадочного «Железного Самсона». Никаких разговоров без моего ведома, никаких интервью без моего просмотра. Чем меньше будет известно о вашей жизни, тем лучше. Вы — таинственная личность, страшный «Железный Самсон», и — точка. Ясно?

* * *

...Прошло сорок лет.

На окраине Лондона, у стола с зеленой лампой, сидит старый, усталый человек. Он разбирает пожелтевшие бумаги. Это его любимое занятие с тех пор, как пришлось расстаться с силовым цирком. Правда, он еще появляется на манеже с дрессированными собачками. Правда, время от времени в газетах еще мелькает его имя. «Железный Самсон» — дрессировщик комнатных собачек: неповторимые номера — сальто вперед, изящные пируэты — снискали его питомцам хорошую славу. Но разве это слава... Похоже на некролог.

А было иное время. Мистер Пулум, директор знаменитого тяжелоатлетического клуба «Камбервел», писал о нем в журнале «Силач» — вот она, старая, обтрепанная вырезка:

«Прямо в сердце Англии прибыл человек, способный выполнять номера, в которые здравый смысл отказывается верить. Причина, заставляющая подозревать Самсона в недобросовестных трюках, — его «внешность». Лучше сказать — отсутствие этой «внешности».

Ибо, если сравнить его с гигантами, посещавшими Англию в былые времена, он, несмотря на мощную мускулатуру, сильно проигрывает от этого сравнения. Его рост — 1 метр 66 сантиметров, вес — не более 75 килограммов. Был бы он громадным детиной, его номера, возможно, и воспринимались бы как более правдоподобные. Правда, расширение его груди и расширение мышц колоссальны: экскурсия грудной клетки равна 23 сантиметрам [96—119 сантиметров]. Но это не бросается в глаза.

После полуофициального выступления Самсона в тяжелоатлетическом клубе «Камбервел» он завоевал огромную популярность. В частности, сгибание прутьев является шедевром технически законченных и глубоко продуманных движений. Я утверждаю, что он не только человек, обладающий незаурядной силой, не только великолепный артист, но и превосходный спортсмен, использующий свой разум не хуже своих мышц.

А вот афиша знаменитого зала Альгамбра, где в 1903 году «русский лев» Георг Гаккеншмидт одержал победу над знаменитым Каркисом. Афиша эта посвящена другому русскому силачу — Александру Зассу. Но его имени нет среди крикливых строк: он — человек без родины, «Железный Самсон». И только.

«В Манчестере, во время строительных работ, Самсон, подвешенный одной ногой к крану, поднял в зубах железную балку с земли и был перенесен на верх здания подъемным краном, в то время, как толпа, разинув рты, стояла внизу.

Если бы Самсон разжал рот... немало любопытных жизнью заплатили бы за любопытство».

Не отставали от афиш и газеты.

«Дейли телеграф»:

«Господин, называющий себя Самсоном, является сильнейшим человеком на земле. В это можно легко поверить, увидев, как он вяжет железные прутья в узлы».

«Манчестер Гардиан»:
«Согласно объявлениям, он самый сильный человек на земле, и после того, как мы сами увидели его, это заявление можно считать неопровержимым».

«Хэлс энд странгс»:

«В лице Самсона мы имеем настоящего силача, чьи достижения полностью открыты для проверки».

«Хэлс энд Эфишенш»:

«Увидеть — значит поверить. Воистину, кажется, что его мускулы сделаны из стали».

И так далее...

Это была слава. Теперь остались воспоминания.

Горько. Но не только ушедшие в прошлое успехи заставляют грустить старого человека. Бог с ней, со славой, не в ней счастье. Счастье в другом — оставить после себя след на земле, воспитать учеников, преемников.

А их у него нет. В этой стране он всегда был



феноменом, загадкой. Конечно, были люди, которым он за определенную мзду помогал накачивать мускулатуру. Но где те, кому он мог бы передать все свои знания, весь свой опыт?

Живи он на родине — все, наверное, сложилось бы иначе. Он читал в газетах о приемниках Дурова, об учениках Поддубного. С одним из Дуровых встречался в Лондоне, во время его гастролей. Там, на родине, Засс не остался бы на старости лет одиноким, никому не нужным.

Мысль о родине, смутной тоской всю жизнь бередившая сердце, становится самой больной его болью. Контракты, контракты. Проклятые контракты... Из их цепких сетей он не мог выбраться всю жизнь. Неустойки, которые он никогда не сумел бы выплатить, вечная угроза суда. Об этом горько думать. Но это держит крепче, чем тюремные решетки. Самый сильный человек в мире оказался Гулливером, которого привязали к земле крошечные лилипуты...

Он узнал, что в России жива его сестра, есть племянник. Племянник — тоже спортсмен. Сложись судьба иначе — может быть, «Самсон» сделал бы из него первоклассного силача...

Александр Иванович Засс берет за перо. Он пишет сестре о том, как ему одиноко на чужбине, как мечтает он вернуться домой. Одно письмо следует за другим.

«...Очень хочется принести хотя бы небольшую пользу русскому цирку. У меня есть еще много номеров, которых никто не делал», — пишет Засс сестре. «...Могу ли я получить в России работу как тренер или преподаватель по физкультуре?» — спрашивает он племянника. И нельзя не почувствовать, как словно теплым ветром Родины повеяло на этого заброшенного в чужие края человека, когда читаешь: «...От Дурова получил телеграмму, хотя и с опозданием, с годовым поздравлением».

Когда «Железный Самсон» умер, английский журнал «Здоровье и сила» писал в некрологе:

«Судьба А. Засса, бывшего русского казака, драматична и сенсационна».

Да, судьба Александра Засса действительно драматична и «сенсационна»...

Москва, Большая Серпуховская, дом 46, корпус 5, кв. 91.

На этот адрес приходит множество писем. Пишут их — мальчишки, которые хотят стать сильными, и историки цирка, спортсмены и врачи, все, кого интересует «Железный Самсон». И каждый, чем бы он ни интересовался, получает обстоятельный ответ.

Всю эту переписку ведет Юрий Владимирович Шапошников, племянник знаменитого силача, создатель и хранитель единственного в своем роде мемориального музея.

Как уже упоминалось в повести, Юрий и сам — спортсмен. Он — выпускник Московского института физкультуры и сейчас тренирует пловцов. Он знает на собственном опыте, как трудно дается каждое значительное спортивное достижение. И думается, это доброе уважение к подвигам

силы было не последней причиной создания музея.

Среди экспонатов этого удивительного собрания — любопытнейшая газетная страница. На ней изображены двенадцать сильнейших людей мира. Среди них — Евгений Сандов в поединке со львом, силач Аполло, приподымающий на цепях слона. Здесь же — и Александр Засс, который разгуливает с лошадью на плечах.

Другой экспонат — описание «соревновательного прибора», изобретенного Самсоном. Позже это устройство получило известность во всем мире под названием «пружинный динамометр».

Афиши, начиная от маленьких листочков бумаги и кончая огромными трехметровыми полотнищами; бесценная коллекция фотографий с заснятыми на них неповторимыми цирковыми номерами; жетоны и памятные медали Александра Засса, одна из которых — за дрессировку лошадей; трость Самсона с монограммами многих знаменитых цирковых актеров. Таков далеко не полный перечень экспонатов музея Шапошникова.

Как особая ценность, хранятся в домашнем музее письма. Разные письма. Есть среди них и те, что Александр Иванович Засс писал из Англии родным. Эти листки нельзя читать без волнения...

А вот другие письма. Из Якутского поселка Жатай и из Ижевска, из Ташкента и Харькова, из Саранска и Кривого Рога летят они к Юрию Шапошникову. Нет, не погибла бесследно сила «Железного Самсона», у него много друзей и учеников!

В июле 1967 года, во время IV Спартакиады народов СССР, в одном из лучших тяжелоатлетических залов Москвы была открыта выставка, посвященная истории тяжелой атлетики. Экспонаты рассказывали о подвигах силы, совершенных Сандовым и Крыловым, Гаккеншмидтом и Зассом, Власовым и Жаботинским, многими другими атлетами. Среди посетителей выставки немало было силачей со значками мастеров спорта. И, глядя на них, нельзя было не подумать: как важно, как хорошо, что эти ребята пришли к вершине мастерства настоящим спортивным путем! На их пути никогда не встречались ни делеги-импрессарио, ни хозяева цирков, обирающие актеров. Никогда не приходилось им развлекать подвыпивших посетителей балаганов и мюзик-холлов. Их подвиги силы служат благороднейшему делу пропаганды физкультуры и спорта, совершенствования человеческого тела. А ведь именно об этом мечтали и Александр Иванович Засс, и многие другие замечательные русские атлеты, выступавшие на подмостках и аренах дореволюционных цирков.

Рисунки Ю. Ефимова



На пороге моей квартиры стояли трое удивительно похожих друг на друга парнишек. Старшему на вид было лет двенадцать, среднему — десять, а малышу — не больше пяти.

— Здравствуйте. Мы к вам по поручению общественности, — многообещающе начал старший.

— Кто же это мы? — поинтересовался я.

— Братья Федотовы из дворовой команды.

— Знаменитые форварды?.. — польстил я.

— Ага. Я — крайний правый, а он... Витька, правда, — вратарь. Ну, а Василий — пока еще в запасных.

— А когда вырасту — буду защитником, — добавил младший Федотов.

— Ну, что ж, ребята, очень приятно познакомиться с будущими светилами нашего футбола, — сказал я. — Чем могу быть полезен?

Старший взял из рук будущего защитника объемистую папку, достал из нее газету и протянул мне.

— Вот тут, на последней странице, напечатаны четыре вопроса любителям футбола. Надо угадать, какая команда станет чемпионом в этом году, кто из игроков забьет больше голов, кто займет последнее место в чемпионате и какие команды из второй группы перейдут в высшую лигу.

Я терпеливо, но с недоумением выслушал ребят.

— Друзья, — ответил я. — Вы просто ошиблись этажом. Насколько мне известно, футболист живет как раз над моей квартирой.

— Дядя Толя-то? — оживились пацаны. — Это мы знаем... Но нам именно вас надо!

— Не понимаю, — растерянно пожал я плечами.

— Да все просто, — успокоил меня средний

Федотов. — Газета проводит конкурс, и кто правильно угадает — получит приз...

— Футбольный мяч с автографами чемпионов, — уточнил старший.

— Так, — кивнул я. — Но мне этот мяч вовсе ни к чему!

— Вам-то действительно ни к чему, — согласился Виктор, — а вот нашей дворовой команде он позарез... для авторитета!

— Как воздух, — добавил будущий защитник.

— Погоди, Василий, — остановил малыша старший Федотов. — Я сам.

Из рассказа Бориса, именно так звали старшего Федотова, я узнал, что, оказывается, в нашем доме размещается совет дворовой команды. И вот на днях этот совет по руководству футбольным движением вынес решение: просить всех жильцов дома послать в редакцию свои ответы.

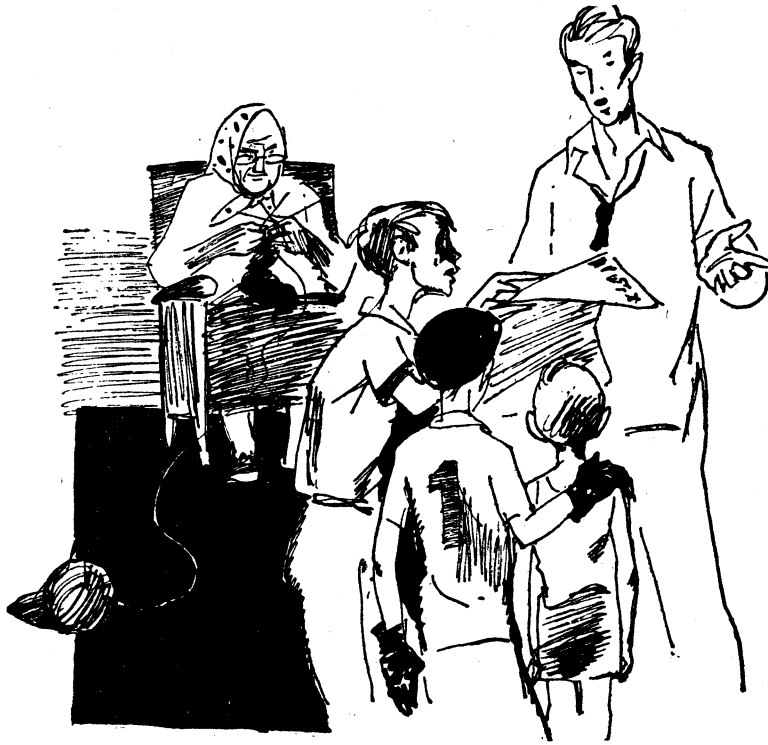
— Да, но что я напишу, если даже не знаю названий команд?

— А вам и не обязательно их знать, — почему-то обрадовался Борис, снова открывая папку. — Мы уже подготовили для вас ответ. Вы только перепишите его своей рукой и пошлите в газету.

— И марку не забудьте приклеить, — напомнил младший.

— Ну, уж само собой... — ответил я. — Но что это в конце концов значит?

Ребята, наперебой принялись рассказывать мне, как Мишка Здобнов, центр нападения, придумал верный способ заполучить для команды мяч с автографами. Чем дальше я вникал в подробности хитроумного плана, тем большим уважением проникался к ребячьей смекалке. В нашем доме — 168 квартир. В каждой живет в среднем четыре человека. Итого — минимум



600 писем, 600 разработанных по определенной системе вариантов ответа, один из которых — ну, просто непременно! — должен попасть в цель...

— Ваша квартира 34? — старший Федотов открыл толстый журнал, сделал красным карандашом галочку против моей фамилии.

— Вот вам ответы — для вас, жены, тещи и бабушки.

Мальчуганы вручили мне четыре исписанных тетрадных листочка. Я тут же прочитал их вслух. В ответах на первый вопрос в моем листочке значилось «Динамо» (Москва), у жены — «Динамо» (Киев), у тещи — «Спартак»... И так далее.

Братья вежливо попрощались со мной, пожелали удачи и, извинившись за беспокойство, отправились звонить в соседнюю квартиру...

Месяца через два, когда я уже давным-давно забыл о необычном визите юных мастеров кожаного мяча, Федотовы встретили меня у подъезда:

— От имени нашей команды мы благодарим вас за заботу!

— Что, что? — переспросил я.

— А помните футбольный конкурс?

— Ах, вот в чем дело! — воскликнул я. — Неужели мое письмо оказалось счастливым?

— Да нет... — пожал плечами старший Федотов. — Вам-то как раз не повезло.

— Угадал дедушка из 117 квартиры! — выкрикнул из-за спины брата будущий стоппер. — Мы его избрали своим почетным тренером!

Затем ребята раскрыли знакомый журнал, поставили еще одну галочку против моей фамилии (на этот раз синим карандашом) и попросили расписаться.

— А теперь-то за что? — поинтересовался я.

— За благодарность, которую мы вам передали от имени совета. А то ведь народу-то 600 человек... А у нас строгий учет.

— Букаратия, — пояснил Федотов-младший.

— Бюрократия, — поправил его старший и, повернувшись ко мне, заученно закончил: — Мяч с автографами чемпионов вы можете увидеть в пионерской комнате нашего двора с 16 до 20 часов в любой день, кроме понедельника...

Вит. ПАШИН

Рисунки Н. Мооса

БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ...

А. УРБАНЧИК

Комфортабельные лайнеры и самолеты безопасно и удобно перевозят теперь пассажиров на огромные расстояния. Однако еще достаточно любителей, жаждущих пересечь океан в одиночку на маленькой яхте. Со времен Альфреда Джонсона, переплывшего Атлантику в 1876 году на пятиметровой лодке, список таких путешественников все пополняется...

Атлантические регаты одиноких мореплавателей на парусных лодках происходят каждые два года на трассе Англия — Северная Америка.

В конце 1960 года победу одержал «Джипси Мос III» 60-летнего англичанина Фрэнсиса Чичестера, совершившего потом на такой яхте кругосветное путешествие.

Следующая регата принесла очередной триумф тому же Чичестеру. Фантастическое время — 27 дней и 2 часа! Но последние соревнования кончились неожиданностью: стартовавший в третий раз Чичестер был побежден. На финише в Ньюпорте рекордное время — 26 дней и 5 часов — показала яхта «Пен Дюик II», управляемая тридцатилетним французом Эриком Табарли. Эрик происходит из семьи с морскими традициями. Еще пятилетним мальчиком он сопровождал отца в море на борту яхты «Пен Дюик I».

«Пен Дюик II» — яхта современная, оснащенная автоматическим управлением. Второе рулевое колесо, находящееся под палубой, позволяет управлять яхтой находясь в каюте, над которой для обзора помещен прозрачный пластмассовый купол. Но несмотря на великолепное оснащение, Эрик Табарли финишировал совершенно измученный. Он не хотел пользоваться автоматическим управлением, снижавшим скорость яхты, и все делал сам, позволяя себе спать не больше трех-четырех часов в сутки.

Но океан пересекали не только мужчины-яхтсмены. Американка Шарон Сайтс отправилась в путь из Калифорнии 12 июня 1965 года на крошечной яхте. Дорога ее лежала через Тихий океан к Гаваям, до которых было 2500 морских миль.

Через сорок дней, пережив множество приключений, отважная мореходка доплыла до Гонолулу. Во время рейса Шарон Сайтс сильно повредила правую руку и до самого конца путешествия не смогла ею двигать. Она сошла на берег улыбаясь и стыдливо пряча свою забинтованную руку.

А сорокавосемилетний художник Роберт Мэнри из Кливленда решил доказать, что океан можно переплыть и на обыкновенной прогулочной лодке. Лодка уже основательно послужила прежним владельцам, и Мэнри долго переделывал ее корпус. Он поставил на лодку паруса и помпу для откачки воды.

Весной 1965 года приготовления были закончены и 1 июня 1965 года он отправился из Фальмута (штат Массачусетс), намереваясь доплыть до Фальмута в Англии.

Рейс через Атлантику был рассчитан на 60 дней, провианта и воды Мэнри взял на 90 дней. Плыл он только днем, а ночью спал. Его лодка «Тинкербелл» отлично справлялась с высокими волнами. Во время шторма Мэнри ставил лодку

на дрейф-якорь, а сам привязывался тросом. Несмотря на это, разбушевавшиеся волны шесть раз смывали его за борт. Но Мэнри был сильным человеком, ему каждый раз удавалось вскарабкаться обратно на палубу. Самые большие волны, как потом рассказывал отважный мореход, были до шести метров, — что ему удалось установить, сравнивая их с высотой мачты, которая была чуть выше пяти метров.

Одинокий рейс требовал много тяжелой работы и смекалки. В самом начале пути у «Тинкербелл» испортилось рулевое управление. К счастью, на лодке был запасной руль. Но вскоре и тот сломался, и пришлось Мэнри на два дня лечь в дрейф, пока он не изготовил новый руль из запасного весла. Когда «Тинкербелл» отделили от Англии какие-нибудь 300 километров, шторм сбил лодку с курса. Несколько дней о Мэнри не было никаких вестей. Поиски не дали никаких результатов. Наконец «Тинкербелл» объявилась всего в 50 километрах от цели. Последние мили своего пути Мэнри шел в почетном сопровождении яхт, лодок и катеров. Десять тысяч англичан приветствовали его восторженными аплодисментами, когда после 78 дней странствий в океане он сошел на землю. Встав на землю, он опустился на колени, поцеловал камни побережья, поздоровался с женой и детьми и немедленно удалился в гостиницу на отдых, где проспал пятнадцать часов.

В тот же день, когда Мэнри окончил свой рейс, достиг земли и Джон Ридинг. «Си Эгг» — лодка, на которой он плыл в течение 4-х месяцев, была «самой маленькой парусной лодкой всех времен», которая победила океан. Ее длина — всего 3,6 метра. Ридинг намеревался стартовать в одной из последних трансатлантических регат, но судейская коллегия отклонила его яхточку, признав ее мало подходящей для океанского путешествия.

Но Ридинг не бросил свою яхту. В июне 1964 года он вышел на ней из Плимута и, несмотря на трудные атмосферные условия, добрался до Азорских островов. Там он провел зиму.

Летом 1965 года Ридинг покинул Азорские острова и пересек южную часть Атлантики в западном направлении, что является рекордом для любой парусной лодки, независимо от ее величины. А через 67 дней пути он, измученный, искалеченный и заросший, добрался до побережья Бермудов, откуда, отдохнув, взял курс на континент. Последний этап его трансатлантического рейса продолжался 21 день. Преодолев за три этапа 5000 морских миль, Ридинг 16 августа 1965 года прибыл в Ньюпорт.

По его мнению, наибольшая опасность угрожала ему тогда, когда у берегов Испании во время грозы его лодку едва не разбила молния. Угрожающей была и встреча с тремя китами, которые подплыли к «Си Эгг», тесно окружив яхту. Чтобы отпугнуть китов, Ридинг стал стрелять в воздух из пистолета. Когда это не помогло, он ударил одного из китов гарпуном. Только тогда киты отошли.

Обступившим его со всех сторон журналистам Ридинг заявил, что свой рейс он рассматривает как подготовку к кругосветному путешествию.

Перевод с польского В. Рутминского.

КАРАЙЧИК — ДОМАШНЯЯ ПТИЦА



ЭТОТ огромный орел был пленцом, когда совсем маленьким нашли его в тайге ребята из отдаленного северного поселка Со-сновая Курья Гайнского района Пермской области.

Птенца принесли в поселок, дали ему кличку «Карайчик», стали ухаживать за ним.

Сейчас Карайчик вырос. Размах его крыльев около полутора метров. Он так привык к братьям Вова и Боре Дикаревым, что не хочет покидать их. Кормят орла мясом и свежей рыбой. Но больше по вкусу ему мясо.

— Карайчик стал домашней птицей, — рассказывают мальчики. — Нисколько нас не боится, взлетает на плечи, берет из рук пищу.

Вова и Юра хотят подарить своего Карайчика Ленинградскому зоопарку.

В. БАТАЛОВ

АЗЪ БУКИ ВЪДИ

В пределах своего родного языка ученый-этимолог может найти много увлекательного и загадочного¹. Разве не удивительно, что начало и конец восходят к одному корню? Этимолог же устанавливает такой ряд: начало, начинать, начини, и выделит корень ча, чин, чи. Чтобы объяснить разнообразие видов этого корня, он обращается к истории языка и находит, что в древнерусском он звучал, примерно, как чин, чен.

¹ См. «Уральский следопыт» №№ 1, 2, 3.

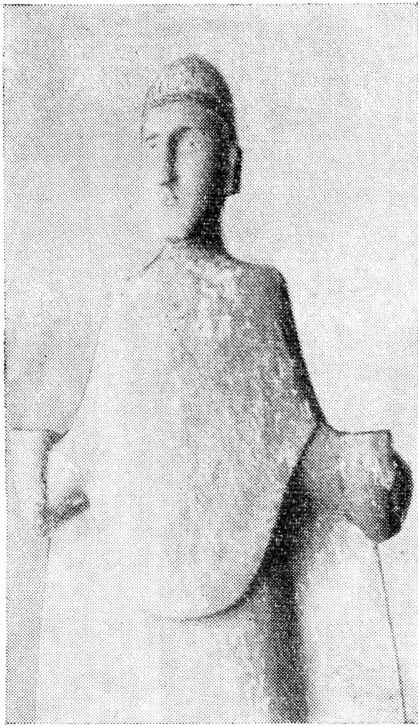
РАСКОПКИ

Вместо начало было наченло. Установив это, этимолог идет далее. Звук ч не был свойствен русскому языку во все времена. Он образовался в некоторых условиях из звука к: крик — кричит; рука — рученька. Следовательно, еще более древний вид корня был кен: накенло. А кен уже похож на кон. Эти корни различаются только звуками е и о (сравним, везу — воз, нести — носить). Итак, корень и конец исторически один и тот же. А значения? — спросите вы. Значения «примирить» легко: всякий конец есть начало чего-то другого. Если есть начало, значит есть конец. Крайние точки чего-либо могут заменять друг друга.

Звуковая оболочка — это только внешняя форма. Но имеется еще и внутренняя, то есть мотивировка названия. Каждое новое слово опирается на старое; так, земляника происходит от земля, петух — от петь, сказка от сказать. Эта связь, эта мотивировка может

забываться, и этому забвению помогают те звуковые изменения, о которых мы говорили.

Кроме звуковых изменений, внутреннюю форму в словах могут стирать и грамматические (морфологические) изменения. Иногда суффиксы очень прочно прирастают к корням, так что их бывает очень трудно выделить. Так, слово жир образовано от корня жи —; того же, что в слове жить. Суффикс р — старый, забытый; с его помощью новые слова уже не образуются. Он прочно соединился с корнем — и получился новый корень: жир (первоначально — средство к жизни, продукт питания) — жирный, жировой, ожирение, жирность. Это гнездо слов совсем отделилось от другого: жизнь, живущий, прожить; животное и т. д. И тут повinen суффикс р, встречающийся в словах: дар (от глагола дать), пир (от пить). Слово палуба мы уже не связываем со словом луб, лубок, так как приставка па очень крепко



«Кузька безрукий»

Так прозвали в селе Килачево (Свердловская область) этого деревянного идола. Он метровой высоты. Руки его, поднятые к плечам, наполовину обрублены. Маленькое лицо напоминает изображения египетских фараонов. Кто создал эту деревянную скульптуру — неизвестно. Она давно хранится в доме восьмидесятилетней Феклы Афанасьевны Степановой.

Фекла Афанасьевна подарила идола ирбитским ребятам, маршрут похода которых проходил через село Килачево.

Очень заинтересовал следопытов и дом Степановой. Срублен он триста лет назад ее далекими предками топором из толстых бревен. И в нем живет вот уже восьмое поколение.

Л. КОРЕЦ

В СТРАНЕ СЛОВ

срослась с корнем (палуба — первоначально лубяной верх повозки); **коричневый** уже не связывается со словом **корица** — этому мешают старый суффикс **нев-** (греча — гречневый).

Таких примеров можно привести немало. Бывает и так, что слово почти не изменилось ни по звучанию, ни по строению, а все-таки его внутренняя форма неясна. Это может произойти по двум причинам: 1) слово изменило смысл. В этом случае бывают сложные истории: так, **подлинный**, **подлинник** в древности означало документ, полученный в суде в результате попытки обвиняемого — избяние его длинниками, длинными палками. Сведения, полученные таким путем — под длинниками — считались единственно верными; отсюда — **подлинный документ**, **подлинник**. А сейчас мы, несколько не смущаясь, говорим: «Подлинники рукописей Толстого хранятся в Москве»; «Мой брат знает английский язык настолько, что читает драмы Шекспира в подлинни-

ке». 2) Слово оказывается без родственного окружения, без гнезда. Это, так сказать, сирота. Откуда, например, появилось **ласточка**? Никто не знает. Лишь лингвист, путем сравнения его со словами других языков (например, с литовским **лактити** — «летать») устанавливает, что это слово означало летающая и произошло от древнего корня **лакт-**, упростившегося в **ласт-**.

Таким образом, лингвисту приходится учитывать различные стороны языка — и звуковой строй, и грамматику, и смысл слов, чтобы успешно вести раскопки в великой Стране Слов.

Поистине удивительны судьбы слов. Вот например, **верблюд**. Оно совершило длительное путешествие, прежде чем попало в наш язык. В древнерусском оно звучало примерно как **вельблонд**, передавая взятое из готского языка слово **ульбандус**, что значит слон. На Руси не водилось ни слонов, ни верблюдов, поэтому название одного животного было взято для обозначения

другого, совсем на него не похожего. Готское же слово перешло из греческого, где **элефас**, **элефантос** — слон. Греческое заимствовано из древнеарабского **аль-эбхас**, а это, в свою очередь, взято из древнеегипетского **абу** (арабское **аль** — артикль, сопровождавший каждое существительное; египетское **абу** арабы снабдили этим артиклем, а само слово изменили в **абхас**; отсюда — **аль-эбхас**). Итак, египетское **абу** перешло в арабское **аль-эбхас**, которое в греческом стало **элефас**, в готском — **ульбандус**; на пути из готского языка в славянский слово изменило значение: слон превратился в верблюда. В славянском **вельблонд**, кроме того, изменился звук **Л** в **Р**, так как, видимо, трудно было произносить **ЛБЛ**: отсюда и пошло **верблонд**, **вербльдунд**, **верблюд**.

Подобных слов-путешественников немало в любом из языков. В долгом, иногда многовековом, пути они изменяют свой внешний облик и смысл, поэтому лингвистам

приходится и здесь снимать слой за слоем, пласт за пластом, чтобы увидеть все зигзаги судеб слов-кочевников, все причудливые пегли их звуковой и смысловой истории.

В одной детской книжке, изданной больше 40 лет назад, есть такие строчки: «Как живете, караси?» А те отвечают: «Ничего себе, мерси!» Слово мерси — французское, оно значит — спасибо. Французы — люди вежливые, и оно у них постоянно на устах. Но мало кто знает, что это слово первоначально значит «продал». При заключении торговой сделки люди пожимали друг другу руки, и продавец говорил: «я продал». Сделка считалась законченной, назад хода не было. Затем мерси изменило свое значение таким образом: я продал — я доволен сделкой — благодарю, спасибо. Это слово имеет корень мерс-, мерц-, мерк-, тот же, что в словах: коммерция — торговля, Меркурий — бог торговли у древних римлян. Меркурий по совместительству был вестником богов, носил крылатые сандалии и двигался, по мнению древних, очень быстро. В его честь была названа ближайшая к солнцу планета. И вот, оказывается, название ее — Меркурий — родственно слову мерси! Удивительно, не правда ли? Да и наше русское спасибо тоже не простое: спаси бог. Так в старину отвечали на доброе слово или доброе дело, поскольку люди полагались на «волю божию» во всех делах. Мы — атеисты, в бога не верим, но слово спасибо употребляем часто, так как старый религиозный смысл его забыт.

Книга в глубокой древности значило «буква», «письмо». Это слово было заимствовано из языка древних булгар — народа, родственного татарам, чувашам и другим народам, говорящим на тюркских языках. По мнению некоторых лингвистов, оно восходит к древнеассирийскому кунуку — «печать» или канику — «запечатанное», которое попало сначала в армянский и другие языки Кавказа, потом было передано булгарам, а отсюда попало в русский и другие славянские языки.

Или возьмем слово изба. Кажется, самое что ни на

есть русское, национальное, исконное! Но историк языка смотрит на все беспристрастными глазами науки, опирающейся на факты. А факты таковы: слово изба в древности писалось истъба, причем и было приставным; стало быть, первоначальный вид его стъба. Оно заимствовано из древневерхненемецкого языка, где было слово стуба, что значило — теплое помещение (в немецком до сих пор сохранилось слово штубе — комната, каморка). Древневерхненемецкий звук у перешел в славянское ъ, которое произносилось как очень краткое о; затем звук выпал — получилось стба — трудное для произношения слово из трех согласных и одного гласного звука; поэтому в начале его развился вспомогательный звук и. Получилось истба. Затем выпал звук т, а с перед б озвончилось, превратилось в з. Итак, стуба — стъба — истъба — истба — исба — изба.

У каждого слова — своя история, своя неповторимая судьба. А поскольку слов в языке десятки и сотни тысяч, то и историй слов тоже десятки и сотни тысяч, непохожих друг на друга, своеобразных, причудливых, неожиданных. И, чтоб разобраться в их лабиринте, ученым приходится учитывать каждую, казалось бы, незначительную деталь их истории.

Рассмотрим еще несколько слов: кольцо, солнце, сердце, отец. Что в них общего? На первый взгляд, ничего, кроме звука ц. Что же собой представляет этот звук, какую роль он играет здесь? Это, оказывается, суффикс, имеющий значение уменьшительности; сравним: наряд — нарядец, блюдо — блюдце. Суффикс старый, с его помощью образовано немало слов. Писался он ѣц: съльнице, кольцо, сьрдьце, отьць. Видимому, в древности были слова: сълно, коло, сьрдо, оть. Затем к ним прибавился суффикс ѣц- и крепко сросся с корнями слов. Теперь мы уже не считаем солнце, сердце, кольцо, отец уменьшительными. Уменьшительность стерлась, исчезла.

А какие изменения претерпевают значения слов! По-русски слово позор означает стыд, срам; по-чешски позор

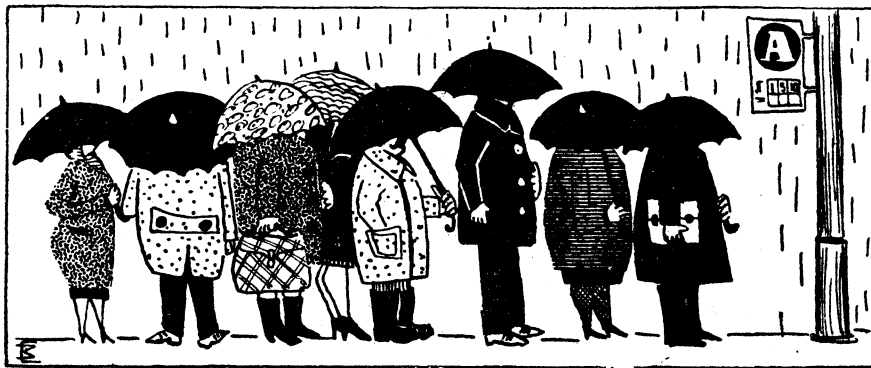
(с ударением на первом слоге): внимание! Древним же значением его было зрелище, то, на что смотрят. Русское урод — некрасивый; а польское урода — красота (общий корень род: от рождения человек может быть либо красивым, либо уродливым). И еще: по-русски лицо, а по-польски лице — щека; русское погреб — похороны; русское пристав — полицейский чиновник в дореволюционной России, и чешское приштав — порт, гавань, пристань; русское досадный — вызывающий раздражение, плохое настроение, и польское досадны — точный; русское уличить — доказать чью-либо виновность, и чешское уличити — нарумянить, украсить лицо. Польский, чешский и русский языки — языки-братья, выросшие из одной славянской ветви. Но смотрите, какая разница в значениях почти одинаковых слов! Что же говорить о языках, далеко отстоящих от нашего! Мы уже упоминали, что слова былинки, физика, футуризм восходят к одному корню. Какое огромное расстояние лежит между ними, какие неожиданные повороты и в звуках и в значениях! И какой огромный труд должны были вложить в расшифровку древних языковых связей ученые, чтобы мысленно охватить взором картину великого волнующегося моря, именуемого — язык!

В сравнительно-историческом языкознании еще очень много работы. Выплывают из мглы тысячелетий давно забытые языки — они на черепках посуды, на полуистлевших папирусах, на остатках строений исчезнувших городов. Открываются новые, изумительные, захватывающие дух горизонты. И мы надеемся, что путь сравнительно-исторического языкознания будет путем не только напряженных исканий, но и радостных побед, побед человеческого разума над всепоглощающим Временем, над неизвестностью, тень которой пока еще лежит над далеким прошлым нашего языка.

В. ЖИТНИКОВ,
кандидат филологических наук

СМЕЖАЙ-КА

Кто за кем стоял, ожидая автобус?



Определите по следам,
кто разгрыз шишку.

Рисунки-загадки

В. Семенова и А. Бойченко

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ В № 3

Шерлок Холмс, посмотрев на рисунок, мог бы сказать следующее. Дело к вечеру (длинные тени). Прошел дождь (четкие следы, с дерева капает). Под деревом дождь переждал некто М. Г. (то, что инициалы вырезал именно он, подтверждает свежесломанная ветка). М. Г. подзакусил и, решив закурить, долго выбирал из намокшей пачки сухую папиросу. Когда дождь перестал, он первым вышел на дорогу. За ним прошел мужчина с палочкой, в ботинках со стоптанными каблучками. Потом проехал велосипедист. Между камнем и пнем он упал. Последней прошла девушка. Она отдохнула на пне, сорвала две ромашки и, взяв, видимо новые, туфли в руки, пошла дальше босиком.

2. В коллекцию попали четыре пары одинаковых бабочек: 2—19; 4—18; 5—11; 9—16.



К ЧИТАТЕЛЯМ

Вышла сто двадцать первая книжка «Уральского следопыта». И наш журнал, естественно, уже вырос из той сорочки, в которой он родился десять лет тому назад. Вырос и в смысле географии своих материалов, и географии своих читателей. Даже по сравнению с прошлым годом число только его подписчиков увеличилось на десять тысяч человек. Следопыт, изображенный на эмблеме журнала, ныне шагает по всей стране. Многим он знаком все десять лет, но еще больше у журнала новых знакомых.

И вот вас, своих новых и старых друзей, мы и хотим сегодня спросить:

ЧТО ИЗ ПРОЧИТАННОГО В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ ВАМ БОЛЕЕ ВСЕГО ЗАПОМНИЛОСЬ!

КАКИЕ ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, МАТЕРИАЛЫ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ПРИШЛИСЬ ВАМ ПО ДУШЕ, НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, БЫЛИ ЛИ ОНИ ОПУБЛИКОВАНЫ ДАВНО ИЛИ В НОМЕРАХ МИНУВШЕГО ГОДА!

Ваши ответы и суждения нужны редакции для того, чтобы сделать «Уральский следопыт» интереснее, ярче, наиболее отвечающим вашим читательским запросам. Ждем!

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

В НОМЕРЕ:

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ <i>На приз нашего журнала</i>	1
ТАКОГО ОНИ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛИ <i>С. Юрвев. Очерк</i>	2
ПИСЬМА ЛЕНИНА. НАША ШКОЛА ОСОБЕННАЯ <i>Следопытские дела</i>	7
КООРДИНАТЫ ДЕЛЬФИНИИ ИЗВЕСТНЫ. <i>Вл. Брабич</i>	9
АНГЛИЙСКИЙ РЫЦАРЬ ПРОКОПИИ ЩИТОВЕ <i>И. Семенчик</i>	14
УРАЛ — КАЛУГА — УРАЛ <i>Вл. Зотов. Очерк</i>	17
ПОЛУНОЧНИКИ <i>М. Гроссман. Рассказ</i>	24
АНТИКОСМОС <i>А. Малахов. Статья</i>	29
НЕОБХОДИМО ПРОВЕРИТЬ <i>Советы следопыту</i>	37
ПРИДЕТ ТАКОЙ ДЕНЬ <i>В. Журавлева. Фантастический рассказ</i>	39
ЖЕЛЕЗНЫЙ САМСОН <i>А. Драбкин, Ю. Шапошников. Документальная повесть</i>	53
БРАТЬЯ ФЕДОТОВЫ <i>В. Пашин. Юмористический рассказ</i>	73
РАСКОПКИ В СТРАНЕ СЛОВ <i>В. Житников</i>	76
СМЕКАЙ-КА	79

ОБЛОЖКА В. ВОЛОВИЧА И С. КИПРИНА

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

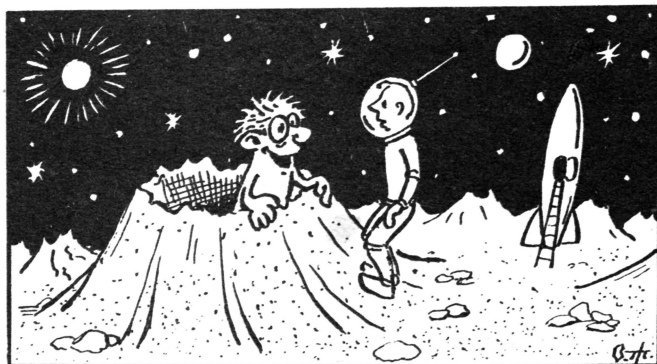
Технический редактор
Э. Максимова

Корректор
В. Бурангулова

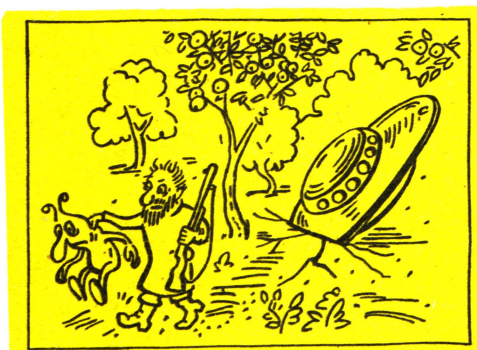
НС 13050. Подписано к печати 13/III 1968 г.
Уч.-изд. л. 10,98 Тираж 115 000.

Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,82 печ. л.
Цена 30 коп. Заказ 55

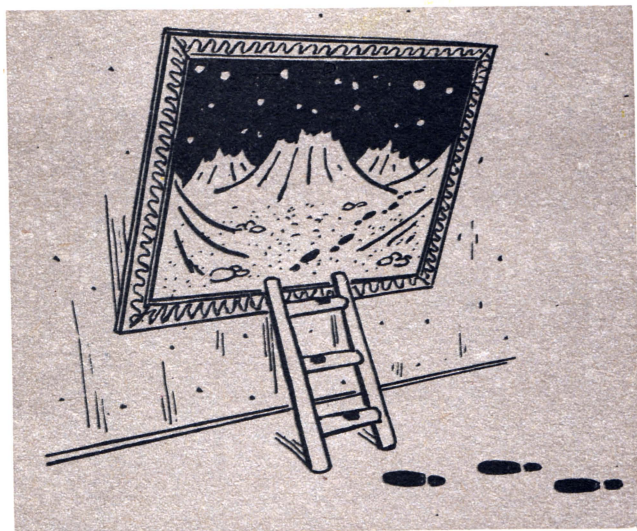
Адрес редакции: Свердловск. ГСП-353, ул. Малышева 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.



— А папы и мамы нет дома...



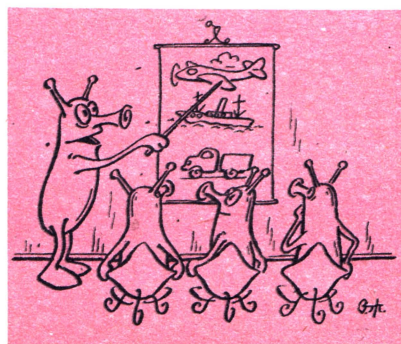
— В милиции разберутся!



Без слов.



— Спой, светик, не стыдись!



— Как установлено с помощью наших летающих тарелочек, на Земле обитают следующие существа: летающие, плавающие и бегающие.

Рисунки

В. Тесленко и В. Былинкина



Г. ГАЛКИН (Харьков)

ЗА ЗЕМЛЮ, ЗА ВОЛЮ

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНСВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ